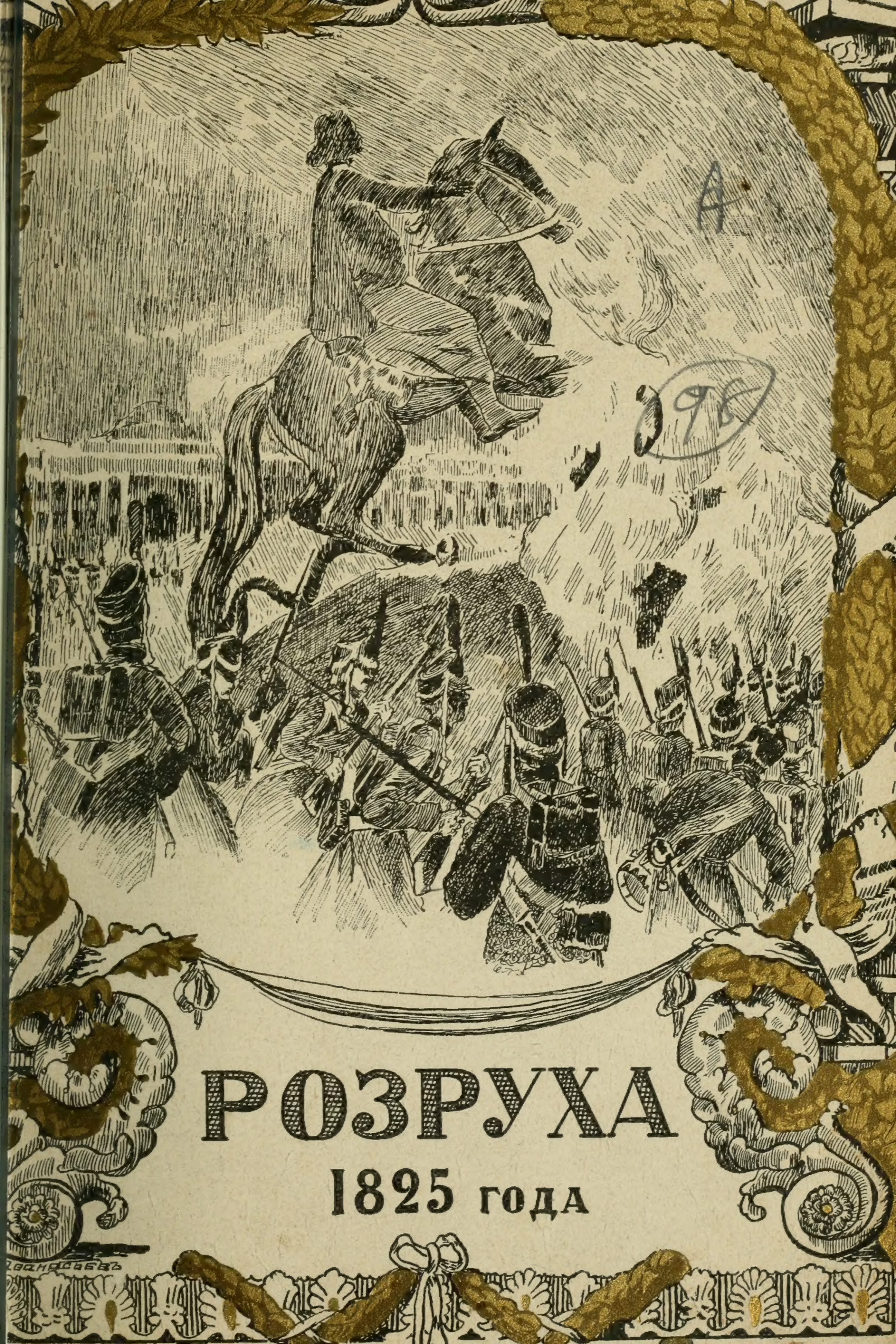

3 1761 07035286 9

РОЗРУХА
1825 года

Vasilich, G

Г. ВАСИЛИЧЪ.

Vosshestvie na prestol Imperatora Nikolaia I.

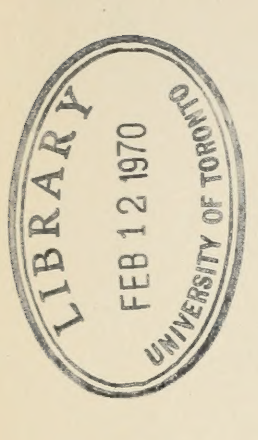
Восшествіе на престолъ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

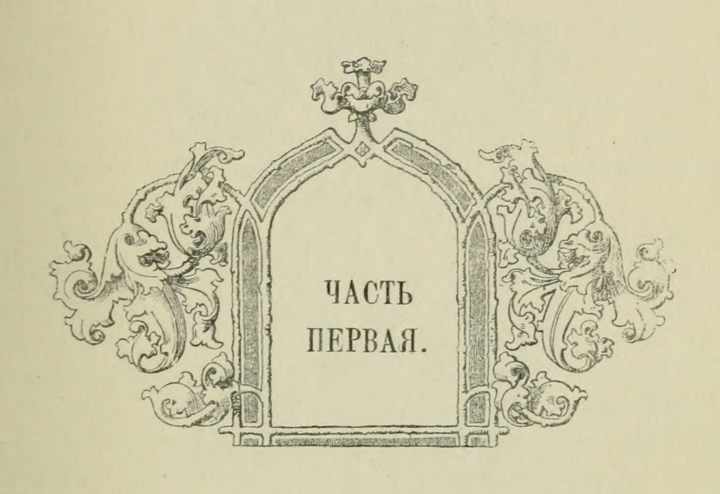
Въ двухъ частяхъ.

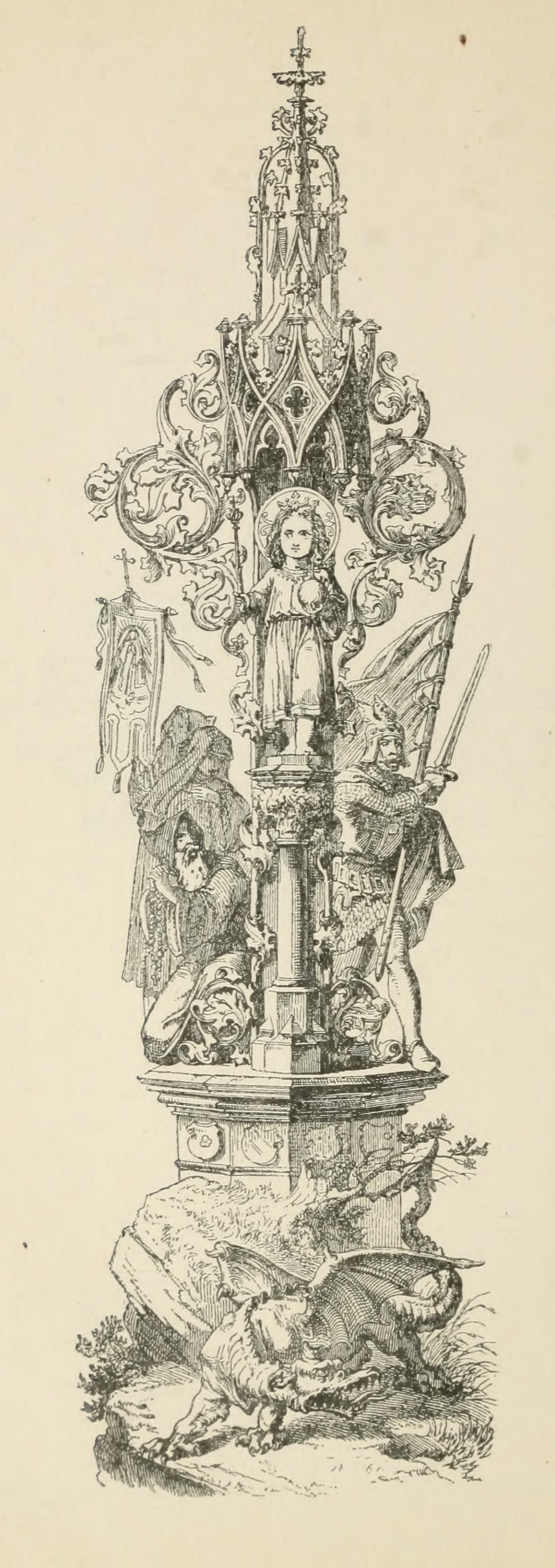
Со многими портретами и рисунками.

Третье изданіе М-скаго К-скаго Т-ва „Образованіе“.

МОСКВА.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.
1909.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ.

Тайна о преемникѣ Александра I.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ моментовъ въ исторіи декабристовъ и исторіи конституціоннаго движенія въ Россіи прошлаго вѣка, безъ сомнѣнія, является декабрьское возстаніе войскъ въ Петербургѣ и на югѣ, возстаніе, закончившее новое русское междуцарствіе, когда Россія вторично должна была пережить всѣ тревоги неизвѣстности въ участи верховной власти.

На этотъ разъ междуцарствіе поставило вопросъ, *кому* изъ двухъ братьевъ занять русскій тронъ, но извѣстная часть русскаго общества, воспользовавшись неопредѣленностью, связала съ нимъ другой вопросъ, на *какихъ условіяхъ* отдать этотъ тронъ младшему брату, Николаю.

Первый вопросъ явился совершенно неожиданно, уже послѣ того, какъ онъ былъ рѣшенъ заинтересованными лицами, отъ которыхъ рѣшеніе это зависѣло. И Александръ задолго до своей смерти, и Константинъ задолго до возможности занять тронъ, и, наконецъ, Николай, сверхъ всякаго собственнаго ожиданія, согласились по-родственному распорядиться судьбою русскаго трона и, стало быть, судьбою русскаго государства и отдать его во власть младшаго брата, Николая. И, однако, какъ это ни странно, вопросъ снова былъ поднятъ именно этимъ послѣднимъ.

И намъ, прежде чѣмъ говорить о возникновеніи второго вопроса и его разрѣшеніи, нужно сначала прослѣдить нѣкоторыя подробности этого русскаго междуцарствія, такъ какъ съ нимъ тѣсно связанъ ходъ послѣдующихъ событій: намъ нужно посмотрѣть, заранѣе скажемъ, всю странность поведенія упомянутыхъ уже здѣсь лицъ.

Желаніе Александра Павловича отречься отъ престола еще тогда, когда русскій тронъ не принадлежалъ ему, и даже тогда, когда онъ уже правилъ Россіею, какъ неограниченный самодержецъ, было извѣстно многимъ русскимъ и за границею.

Даже находясь въ апогеѣ своей славы и могущества, до котораго могъ только достичь самодержавный властитель, Александръ, казалось, ни на минуту не покидалъ этой мысли. Являясь центральной

фигурой европейской политики и будучи полнымъ владыкой многочисленнаго народа, онъ, казалось, тяготился отвѣтственностью своего положенія, непосильною ношею, возложенною на его плечи.

Къ этому присоединялись чисто личные мотивы, въ видѣ воспоминаній кошмарной ночи 11-го марта, и въ видѣ мистическо-религіознаго настроенія, навѣяннаго госпожею Крюденеръ.

Чтобы подтвердить сказанное, достаточно припомнить слова Александра, сказанныя имъ въ 1818 году прусскому епископу Эйлерту: «Пожаръ Москвы,— сказалъ Александръ,— просвѣтилъ мою душу, а судъ Божій на оледенѣлыхъ поляхъ битвъ наполнилъ мое сердце такою теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда я позналъ Бога, какъ открываетъ его св. писаніе; съ тѣхъ поръ только я понялъ и понимаю волю и законъ его, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе Его имени и славѣ»[1]).

Черезъ годъ онъ говорилъ изумленной четѣ, Николаю Павловичу съ супругою: «Что касается меня, то я рѣшился отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, нуждается въ монархахъ молодыхъ, вполнѣ обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во-время»[2]). Наконецъ, у насъ свидѣтельство принца Оранскаго, пріѣзжавшаго въ Петербургъ въ 1825 г., о томъ, что Александръ Павловичъ и ему открылъ свои мечты объ удаленіи отъ русскаго трона.

«Принцъ,— пишетъ Корфъ,— ужаснулся. Въ порывѣ пламеннаго сердца, онъ старался доказать, сперва на словахъ, потомъ даже письменно, какъ пагубно было бы для Россіи осуществленіе такого намѣренія...»[3]).

Это рѣшеніе Александра осложнялось такимъ же рѣшеніемъ его наслѣдника и *Цесаревича*, Константина Павловича.

Уже нѣсколько дней спустя, послѣ убійства своего отца, Павла I, Константинъ выразилъ рѣшеніе никогда не вступать на русскій престолъ. Въ разговорѣ съ Саблуковымъ Константинъ торжественно заявилъ: «Послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если хочетъ, но если бы престолъ достался мнѣ когда-нибудь, то я, конечно, никогда его не приму»[4]).

---

[1]) Баронъ Корфъ—Восшествіе на престолъ Императора Николая I. Спб. 1857 г., стр. 1—2.

[2]) Изъ записокъ Имп. Алекс. Θеодор. Истор. Вѣстн. 1907 г. іюль, 34 стр.

[3]) Баронъ Корфъ, стр. 31—2.

[4]) Записки Саблукова; напечатаны въ Истор. Вѣстн. въ 1906 г. и въ отдѣльномъ томѣ «Цареубійство 11-го марта». Цитируемъ изъ Шильдера—«Императоръ Николай I», т. 1, стр. 134. Спб. 903 г.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

С. И. МУРАВЬЕВЪ—АПОСТОЛЪ.

Худож. фототипія К. А. Фишеръ.

Это рѣшеніе подкрѣпилось современемъ другими событіями личной жизни Константина. Такъ, 20-го марта 1820 года бракъ его съ в. к. Анною Ѳеодоровною былъ расторгнутъ, и въ этотъ же день былъ изданъ манифестъ, гдѣ говорилось, что лица царской фамиліи, вступая въ бракъ съ лицами, не принадлежащими къ царствующему или владѣтельному дому, не даютъ имъ права императорской фамиліи, а дѣти ихъ не имѣютъ права на наслѣдованіе престола.

Несмотря на это, великій князь 12 мая того же года женился на графинѣ Грудзинской, которой необнародованнымъ манифестомъ былъ дарованъ титулъ *свѣтлости*, княгини Ловичъ.

Казалось, этотъ опредѣленный поступокъ *Цесаревича* не оставлялъ никакого сомнѣнія насчетъ его дальнѣйшей судьбы; но когда потребовалось на дѣлѣ примѣнить этотъ манифестъ, то всѣ какъ будто о немъ забыли, хотя путь къ трону для *Цесаревича* Константина былъ имъ отрѣзанъ.

Но, какъ бы желая еще болѣе его отрѣзать, Константинъ сдѣлалъ *формальное* и *добровольное* отреченіе, къ сожалѣнію и бѣдствію многихъ, оставшееся неизвѣстнымъ и необнародованнымъ до 1825 г.

Однако, оно было давно обдумано, тщательно обсуждено и своевременно оформлено.

Такъ, еще лѣтомъ 1819 года между императоромъ Александромъ и его братомъ, Николаемъ, происходилъ чрезвычайно важный и интересный для насъ разговоръ по вопросу о престолонаслѣдіи. Онъ происходилъ въ Красномъ Селѣ 13 іюля. Вотъ какъ его передаетъ одинъ изъ участниковъ его, именно в. кн. Александра Ѳеодоровна. Государь, сидя послѣ обѣда и дружески бесѣдуя, вдругъ измѣнился и очень серьезнымъ тономъ началъ говорить, что онъ очень доволенъ успѣхами брата по службѣ, что этимъ обрадованъ вдвойнѣ, такъ какъ современемъ на Николаѣ будетъ лежать большое бремя, какъ его заместителя (remplaçant), и что это совершится при жизни императора. «Мы сидѣли, какъ окаменѣлые, широко раскрывъ глаза, не будучи въ состояніи произнести ни слова». Государь продолжалъ: «Кажется, вы удивлены; такъ знайте же, что мой братъ Константинъ, который никогда не заботился о престолѣ, рѣшилъ нынѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю и его потомству. Что же касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, нуждается въ монархахъ молодыхъ и обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во-время».

«Видя, что мы были готовы разрыдаться, онъ постарался утѣшить насъ, успокоить, сказавъ, что все это случится не тотчасъ, что, можетъ быть, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ прежде, нежели онъ при-

ведетъ въ исполненіе свой планъ; затѣмъ онъ оставилъ насъ однихъ. Можно себѣ представить, въ какомъ мы были состояніи. Никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову даже во снѣ; насъ точно громомъ поразило; будущее казалось мрачнымъ и недоступнымъ для счастья. Это былъ достопамятный моментъ въ нашей жизни».

Еще болѣе подробно этотъ разговоръ со всѣми его особенностями передаетъ намъ самъ Николай Павловичъ въ собственныхъ запискахъ.

«Разговоръ во время обѣда—пишетъ онъ—былъ самый дружескій, но принялъ вдругъ самый неожиданный для насъ оборотъ, *потрясшій навсегда мечту нашей спокойной будущности* [1]). Вотъ въ краткихъ словахъ смыслъ сего достопамятнаго разговора. Государь началъ говорить, что онъ съ радостью видитъ наше семейное блаженство (тогда былъ у насъ одинъ старшій сынъ Александръ, и жена моя была беременна старшею дочерью Маріею), что онъ счастія сего никогда не зналъ. виня себя въ связи, которую имѣлъ въ молодости, что ни онъ, ни братъ его, Константинъ Павловичъ, не были воспитаны такъ, чтобы умѣть оцѣнить въ молодости сіе счастіе, что послѣдствія для обоихъ были, что ни одинъ ни другой не имѣли дѣтей, которыхъ бы признать могли, и что сіе чувство самое для него тягостное.

«Что онъ чувствуетъ, что силы его ослабѣваютъ; что въ нашемъ вѣкѣ государямъ, кромѣ другихъ качествъ, нужна физическая сила и здоровье для перенесенія большихъ постоянныхъ трудовъ, что скоро онъ лишится потребныхъ силъ, чтобы по совѣсти исполнять свой долгъ, какъ онъ его разумѣетъ, и что потому онъ рѣшился, ибо сіе считаетъ долгомъ, отречься отъ правленія съ той минуты, когда почувствуетъ сему время. Что онъ неоднократно говорилъ о томъ брату Константину Павловичу, который былъ однихъ съ нимъ почти лѣтъ, въ тѣхъ же семейныхъ обстоятельствахъ, при томъ, имѣя природное отвращеніе къ сему мѣсту, рѣшительно не хочетъ ему наслѣдовать на престолѣ, тѣмъ болѣе, что они оба видятъ въ насъ знакъ благодати Божіей, дарованнаго намъ сына. Что поэтому мы должны знать напередъ, что мы призываемся на сіе достоинство.

«Мы были поражены, какъ громомъ, въ слезахъ, въ рыданіи отъ сей ужасной, неожиданной вѣсти; мы молчали. Наконецъ, Государь, видя, какое глубокое, терзающее впечатлѣніе слова его произвели, сжалился надъ нами и съ ангельскою, ему одному свойственною, ласкою началъ насъ успокаивать и утѣшать, начавъ съ того, что минута сему ужасному для насъ перевороту еще не настала и не такъ скоро настанетъ; что, можетъ быть, лѣтъ десять еще до оной, но что мы должны заблаговременно только привыкнуть къ сей будущности неизбѣжной.

[1]) Курсивъ нашъ.

«Тутъ я осмѣлился ему сказать, что себя никогда на это не готовилъ и не чувствую въ себѣ ни силъ, ни духу на столь великое дѣло; что одна мысль, одно желанiе было служить ему отъ всей души и силъ и разумѣнiя моего, въ кругу порученныхъ мнѣ должностей; что мысли мои даже дальше не достигаютъ.

«Дружески отвѣчалъ онъ мнѣ, что, когда вступилъ на престолъ, онъ въ томъ же былъ положенiи; что ему было тѣмъ еще труднѣе, что нашелъ дѣла въ совершенномъ запущенiи отъ совершеннаго отсутствiя всякаго правила и порядка въ ходѣ правительственныхъ дѣлъ, ибо хотя при императрицѣ Екатеринѣ въ послѣднiе годы порядка было мало, но все держалось еще привычками, но при восшествiи на престолъ родителя нашего совершенное измѣненiе прежняго вошло въ правило, весь прежнiй порядокъ нарушился, не замѣняясь ничѣмъ. Что съ восшествiя на престолъ государя по сей части много сдѣлано къ улучшенiю, и всему дано законное теченiе, и что потому я найду все въ порядкѣ, который мнѣ останется только удерживать.

«Кончился сей разговоръ, государь уѣхалъ, и мы съ женою остались въ положенiи, которое уподобить могу только тому ощущенiю, которое должно поразить человѣка, идущаго спокойно по прiятной дорогѣ, усѣянной цвѣтами, и съ которой всегда открываются прiятные виды, когда вдругъ разверзается подъ ногами пропасть, въ которую непреодолимая сила ввергаетъ его, не давая отступить или воротиться, — вотъ совершенное изображенiе нашего ужаснаго положенiя» [1]).

Подобному признанiю легко повѣрить, если знать, что Николай Павловичъ до сихъ поръ ничѣмъ не занимался, кромѣ фронта, а въ дѣлахъ управленiя, тѣмъ болѣе государственныхъ, нисколько не смыслилъ; больше того, до 1818 года онъ не несъ никакой службы [2]).

«До 1818 года,—пишетъ самъ Николай Павловичъ,—не былъ занятъ я ничѣмъ; все мое знакомство со свѣтомъ *(читай - дѣлами, Г. В.)* ограничивалось ежедневнымъ ожиданiемъ въ переднихъ или секретарской комнатѣ, гдѣ, подобно биржѣ, собирались ежедневно въ 10 часовъ все гг. генералъ и флигель-адъютанты, гвардейскiе и прiѣзжiе генералы и другiя знатныя лица, имѣвшiя допускъ къ государю. Въ семъ шумномъ собранiи проводили мы иногда часъ, иногда и болѣе, доколѣ не призывали къ государю военнаго генералъ-губернатора съ комендантомъ, и вслѣдъ за ними всѣ генералъ-адъютанты и полковые адъютанты съ рапортами, и мы съ ними, и представлялись фельдфебеля и вѣстовые.

---

1) Разговоръ этотъ приведенъ въ выдержкахъ изъ записокъ Николая барономъ Корфомъ и Шильдеромъ. «Николай I», стр. 121—3.

2) Родился онъ въ 1796 году.

«Отъ нечего дѣлать вошло въ привычку, что въ семъ собраніи дѣлались дѣла по гвардіи; но большей частью время проходило въ шуткахъ и насмѣшкахъ насчетъ ближняго, бывали и интриги, въ то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры, ждали въ коридорахъ, теряя время или употребляя оное для развлеченья, почти не щадя ни начальства, ни правительства.

«До сего я видѣлъ и не понималъ; сперва родилось удивленіе, наконецъ и я смѣялся; потомъ началъ замѣчать, многое видѣлъ, многое понялъ, многихъ узналъ и въ рѣдкомъ обманулся» [1]).

И вдругъ послѣ подобнаго провожденія въ передней, хотя бы и той, гдѣ «дѣлались дѣла гвардіи», и за дверью которой вершилась судьба Россіи, вдругъ ему самому предлагаютъ войти въ эти двери и самому такъ же самодержавно вершить, «нести тяжкое,—по словамъ Корфа,—грозно отвѣтственное передъ совѣстью и Богомъ, бремя владычества надъ огромнѣйшею державою въ мірѣ!»..

Есть отъ чего закружиться головѣ!..

Результатомъ разговора съ Александромъ, однако, оказались одни намеки, которые дѣлалъ послѣдній «про сей предметъ, но не распространяясь болѣе объ ономъ, а мы всячески старались избѣгать онаго» [2]). Это тѣмъ болѣе странно, что разговоръ происходилъ послѣ цѣлаго ряда обсужденій и рѣшеній, какъ со стороны императора, такъ и со стороны его *наслѣдника*, Константина.

Въ этомъ утверждаютъ поведеніе послѣдняго съ Николаемъ Павловичемъ, который въ Варшавѣ былъ принимаемъ братомъ съ царскими почестями, и откровенное признаніе, которое было сдѣлано *наслѣдникомъ* Михаилу Павловичу. Въ 1821 году, когда послѣдній гостилъ у брата въ Варшавѣ, во время прогулки, Константинъ вдругъ обращается и говоритъ: «Ты знаешь мою довѣренность къ тебѣ; я хочу явить новое ея доказательство, открывъ тебѣ великую тайну моей души. Не дай Богъ, чтобъ насъ постигло какое-нибудь величайшее несчастье, какое только можетъ разразиться надъ Россіею: потеря государя; но еслибъ этому суждено было случиться при моей жизни, я далъ себѣ святой обѣтъ отказаться навсегда и невозвратимо отъ наслѣдственныхъ мнѣ правъ. Я, во-первыхъ, слишкомъ чту, уважаю и люблю государя, чтобы вообразить себя иначе, какъ съ при-

---

[1]) Шильдеръ—тамъ же, 148—9 стр.

[2]) Записки Николая. Шильдеръ, тамъ же, 123 стр. Михайловскій-Данилевскій передаетъ, что «съ 1819 года великій князь Николай Павловичъ началъ присутствовать въ кабинетѣ императора Александра при всѣхъ докладахъ военныхъ и гражданскихъ». Но Шильдеръ это присутствіе связываетъ съ учрежденіемъ инженернаго училища. Дѣйствительно, странно, почему самъ Николай Павловичъ не упоминаетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ, хотя довольно подробно говоритъ о своей служебной карьерѣ.

скорбіемъ и даже ужасомъ, на томъ престолѣ, который прежде былъ занятъ имъ, и, во-вторыхъ, я женатъ на женщинѣ, которая не принадлежитъ ни къ какому владѣтельному дому, что еще болѣе, на полькѣ; слѣдственно нація не можетъ имѣть ко мнѣ необходимой довѣренности, и отношенія наши всегда останутся двусмысленными. Итакъ, я твердо положилъ уступить престолъ брату Николаю, и ничто не поколеблетъ этой зрѣло обдуманной рѣшимости».

Тутъ же непремѣнно слѣдовала просьба о тайнѣ, въ которой надо было беречь эту откровенность. «Покамѣстъ,—продолжалъ К. П.,—она должна остаться въ глубокой между нами тайнѣ; но когда впередъ у тебя будетъ рѣчь объ этомъ съ братомъ Николаемъ, завѣрь его моимъ словомъ, что я ему вѣрный и ревностный слуга до гроба, вездѣ, гдѣ онъ захочетъ меня употребить» [1]).

По пріѣздѣ въ Петербургъ зимой 1821—2 гг. Константинъ Павловичъ настоялъ у императрицы Маріи Θеодоровны и Александра I покончить вопросъ о его наслѣдованіи, тяготившій его. Въ январѣ 1822 года, поздно вечеромъ, возвращаясь послѣ ужина съ в. к. Михаиломъ въ свой мраморный дворецъ, *Цесаревичъ* сказалъ: «Помнишь ли ты нашъ разговоръ въ Варшавѣ?—сегодня вечеромъ все кончилось; я объявилъ государю и матушкѣ мои намѣренія и мою неотложную рѣшимость. Они поняли и оцѣнили ихъ, и государь обѣщалъ составить о всемъ томъ актъ, который будетъ помѣщенъ въ четырехъ экземплярахъ; но актъ этотъ будетъ содержимъ въ глубокой тайнѣ и огласится только тогда, когда настанетъ для того нужная пора» [2]).

Къ составленію «акта» дѣйствительно скоро приступилъ самъ Александръ и дѣлу «была положена оффиціальная основа». Константиномъ было написано слѣдующее письмо отъ 14-го января 1822 года:

«Всемилостивѣйшій Государь! Обнадеженъ опытами неограниченнаго благосклоннаго расположенія вашего императорскаго величества ко мнѣ, осмѣливаюсь еще разъ прибѣгнуть къ оному, и изложить у ногъ вашихъ, всемилостивѣйшій Государь! всенижайшую просьбу мою.

«Не чувствуя въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобъ быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію моему могу имѣть право, осмѣливаюсь просить вашего императорскаго величества передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ меня, и тѣмъ самымъ утвердить на всегда непоколебимое положеніе нашего государства. Симъ могу я прибавить еще новый залогъ и новую силу тому обязательству, которое далъ я непринужденно и торжественно при случаѣ развода мо-

[1]) Разсказъ великаго князя записанъ барономъ Корфомъ. См. Восшествіе на престолъ Николая I, стр. 13—14; перепечатанъ Шильдеромъ.

[2]) Корфъ - тамъ же, 16 стр.

его съ первою моею женою. Всѣ обстоятельства моего нынѣшняго положенія меня наиболѣе къ сему убѣждаютъ и будутъ предъ государствомъ нашимъ и всѣмъ свѣтомъ новымъ доказательствомъ моихъ искреннихъ чувствъ.

«Всемилостивѣшій Государь! Примите просьбу мою благосклонно и испросите на оную согласіе всеавгустѣйшей родительницы нашей и утвердите оную вашимъ императорскимъ словомъ. Я же потщусь всегда, поступая въ партикулярную жизнь, быть примѣромъ вашихъ вѣрноподанныхъ и вѣрныхъ сыновъ любезнѣйшаго государства нашего» [1]).

Кажется послѣ всѣхъ переговоровъ, условій и сношеній не могло быть никакихъ замедленій въ благосклонномъ отвѣтѣ Александра, однако, онъ послѣдовалъ лишь спустя двѣ недѣли съ лишкомъ, именно 2-го февраля того же года. Онъ писалъ:

«Любезнѣйшій братъ! Съ должнымъ вниманіемъ читалъ я письмо ваше, умѣвъ цѣнить всегда возвышенныя чувства вашей души, сіе письмо меня не удивило. Оно мнѣ дало новое доказательство искренней любви вашей къ государству и попеченія о непоколебимомъ спокойствіи онаго.

«По вашему желанію, предъявилъ я письмо сіе любезнѣйшей родительницѣ нашей. Она его читала, съ тѣмъ же, какъ и я, чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, васъ руководствовавшимъ.

«Намъ обоимъ остается, уваживъ причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній.

«Пребываю на вѣкъ душевно васъ любящій братъ» [2]).

«Но одними письмами семейными,—пишетъ Корфъ,—не могъ быть измѣненъ основной законъ имперіи»; для этого, по его пониманію, требовался манифестъ, какъ будто, по *семейному* составленный, накрѣпко запрятанный, онъ могъ чѣмъ-нибудь отличаться отъ семейнаго письма и какъ будто онъ не одинаково нарушалъ основной законъ.

Очевидно Александръ, подобно Корфу, также находилъ различіе и приступилъ въ строжайшей тайнѣ къ составленію манифеста. Единственными повѣренными и помощниками его были Аракчеевъ, кн. Го-

[1]) Интересна подпись на этомъ письмѣ: «Есмь съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ, всемилостивѣйшій Государь, вашего императорскаго величества вѣрнѣйшій подданный и братъ Константинъ цесаревичъ». На немъ скрѣпа Александра: «Съ подлиннымъ вѣрно: Александръ».

[2]) Подписано «Александръ», и скрѣплено «вѣрно: Константинъ Цесаревичъ». Письма эти приведены Корфомъ и Шильдеромъ, а недавно напечатаны въ изданіи Саблина: «*Декабристы*» М. 1906 г., ц. 1 р. 99—100 стр.

лицынъ и митрополитъ Филаретъ; послѣдній и былъ авторомъ манифеста, собственноручно исправленнаго Александромъ и подписаннаго 16 августа 1823 года. Вотъ текстъ этого любопытнаго документа:

«Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ. Съ самаго вступленія Нашего на Всероссійскій Престолъ, непрестанно Мы чувствуемъ себя обязанными предъ вседержителемъ Богомъ, чтобы, не только во дни Наши охранять и возвышать благоденствіе возлюбленнаго намъ отечества и народа, но также предуготовить и обезпечить ихъ спокойствіе и благосостояніе послѣ Насъ, чрезъ ясное и точное указаніе Преемника Нашего, сообразно съ правами Нашего Императорскаго Дома и съ пользами имперіи. Мы не могли, подобно предшественникамъ Нашимъ, рано провозгласить его по имени, оставаясь въ ожиданіи, будетъ ли благоугодно невѣдомымъ судьбамъ Божіимъ даровать Намъ наслѣдника престола въ прямой линіи. Но чѣмъ далѣе протекаютъ дни Наши, тѣмъ болѣе поспѣшаемъ Мы поставить Престолъ Нашъ въ такое положеніе, чтобы онъ ни на мгновенье не могъ остаться празднымъ.

«Между тѣмъ, какъ Мы носили въ сердцѣ нашемъ сію священную заботу, Возлюбленный Братъ Нашъ Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, по собственному внутреннему побужденію, принесъ Намъ просьбу, чтобы право на то достоинство, на которое онъ могъ бы нѣкогда быть возведенъ по рожденію своему, предано было тому, кому оное принадлежитъ послѣ Него. Онъ изъяснилъ при семъ намѣреніе, чтобы такимъ образомъ дать новую силу дополнительному акту о наслѣдованіи Престола, постановленному нами въ 1820 году, и имъ, поколику то до него касается, непринужденно и торжественно признанному.

«Глубоко тронуты мы сею жертвою, которую Нашъ Возлюбленный Братъ, съ такимъ забвеніемъ своей личности, рѣшился принести для утвержденія родовыхъ постановленій Нашего Императорскаго Дома и для непоколебимаго спокойствія Всероссійской Имперіи.

«Призвавъ Бога въ помощь, размысливъ зрѣло о предметѣ столь близкомъ къ Нашему сердцу и столь важномъ для государства, и находя, что существующія постановленія о порядкѣ наслѣдованія Престола, у имѣющихъ на него право не отъемлютъ свободы отрещись отъ сего права въ такихъ обстоятельствахъ, когда за симъ не предстоитъ никакого затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи Престола,—съ согласія Августѣйшей родительницы Нашей, по дошедшему до насъ наслѣдственно Верховному праву Главы Императорской Фамиліи, и по врученной Намъ отъ Бога Самодержавной Власти, мы опредѣлили: во-первыхъ: свободному отреченію перваго Брата Нашего Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича отъ права на Всероссійскій Престолъ, быть твердымъ и неизмѣннымъ; актъ же сего

отреченія, ради достовѣрной извѣстности, хранить въ Московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ и въ трехъ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ Имперіи Нашей: въ Святѣйшемъ Синодѣ, Государственномъ Совѣтѣ и Правительствующемъ Сенатѣ. Во-вторыхъ, въ слѣдствіе того на точномъ основаніи акта о наслѣдованіи Престола Наслѣдникомъ Нашимъ быть второму Брату Нашему Великому Князю Николаю Павловичу.

«Послѣ сего Мы остаемся въ спокойномъ упованіи, что въ день, когда Царь Царствующихъ, по общему для земнородныхъ закону, воззоветъ Насъ отъ сего временнаго Царствія въ вѣчность, Государственныя сословія, которымъ настоящая непреложная воля Наша и сіе законное постановленіе Наше, въ надлежащее время по распоряженію Нашему должно быть извѣстно, немедленно принесутъ вѣрноподданническую преданность свою назначенному Нами наслѣдственному Императору единаго нераздѣльнаго Престола Всероссійскія Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго. О Насъ же просимъ всѣхъ вѣрноподданныхъ Нашихъ, да они съ тою любовію, по которой Мы въ попеченіи о ихъ непоколебимомъ благосостояніи полагали Высочайшее на земли благо, принесли сердечныя мольбы къ Господу и Спасителю Нашему Іисусу Христу о принятіи души Нашей, по неизреченному Его милосердію, въ Царствіе Его вѣчное» [1]).

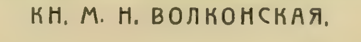
Этотъ манифестъ, составленный въ столь необычной обстановкѣ, былъ привезенъ въ Москву лично Александромъ и 27 августа переданъ Филарету для храненія его въ Успенскомъ соборѣ съ собственноручною надписью императора: „*Хранить въ Успенскомъ Соборѣ съ государственными актами, до востребованія Моего, а въ случаѣ Моей кончины открыть Московскому Епархіальному Архіерею и Московскому Генералъ-Губернатору въ Успенскомъ Соборѣ, прежде всякаго другого дѣйствія*".

Списки съ него, сдѣланные рукою Голицына, были посланы въ Государственный Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ, но въ разное время и много времени спустя.

Объ этихъ таинственныхъ пакетахъ говорили въ обществѣ, но съ точностью знали только упомянутыя три лица; о манифестѣ не зналъ никто даже изъ лицъ царской фамиліи, включая и супругу Александра императрицу Елизавету Алексѣевну. И что прежде всего поражаетъ въ этомъ событіи, это именно ни къ чему ненужная и впослѣдствіи оказавшаяся гибельной таинственность. Она тѣмъ болѣе странна, что ничто не могло препятствовать объявленію этого самодержавна-

[1]) Послѣдняя фраза написана кн. Голицынымъ, такъ какъ четыре варіанта ея, представленные Филаретомъ, не понравились Александру; онъ подчеркнулъ въ первомъ варіантѣ слова: «чаемъ непреемственнаго царствія на небесахъ», чѣмъ поставилъ въ затруднительное положеніе митрополита.

А. Г. МУРАВЬЕВА.

КН. М. Н. ВОЛКОНСКАЯ.

Худож. фототипія К. А. Фишеръ.

го акта, который передавалъ престолъ Николаю Навловичу не со дня его объявленія, а со дня, «когда Царь Царствующихъ воззоветъ насъ отъ сего временнаго *царствія* въ вѣчность», т.-е. лишь послѣ смерти *императора* Александра.

Не могло этому препятствовать и возможность перемѣны самого лица, предназначеннаго въ преемники престола, на возможность чего указываетъ надпись на конвертѣ: «хранить *до моего востребованія*»; если бы это и случилось, противъ всякихъ ожиданій и рѣшеній, то совершенно ошибочно думаютъ, что нельзя уже было бы измѣнить обнародованное рѣшеніе,—новый манифестъ могъ легко уничтожить раньше опубликованный.

Но наше удивленіе должно быть еще большимъ, если мы узнаемъ, что Александръ говорилъ о таинственномъ документѣ нѣкоторымъ лицамъ, но только именно не тѣмъ кому больше всего надо было о немъ знать. Дѣйствительно, зная какой тайной обставлено было существованіе манифеста, становится болѣе чѣмъ удивительно, читая въ запискахъ Вильгельма I признаніе, что Александръ открылъ ему тайну о манифестѣ въ бытность его въ Петербургѣ въ 1823 году. «Я одинъ, пишетъ онъ, благодаря особому довѣрію Александра получилъ свѣдѣнія объ отреченіи Великаго Князя Константина въ пользу Николая. Это сообщеніе произошло въ Гатчинѣ въ срединѣ октября 1823 года [1]). Актъ отреченія помѣченъ мартомъ 1823 г. и переговоры о немъ происходили вскорѣ послѣ бракосочетанія в. к. Константина съ графинею Ловичъ въ 1822 г. Императоръ [2]) Николай и императрица Александра имѣли только частныя свѣдѣнія, но никакъ ни оффиціальныя объ этомъ актѣ. По возвращеніи моемъ изъ Петербурга я самъ немедленно передалъ королю сообщенную мнѣ тайну, къ великому его изумленію» [3]).

Но этого мало; о существованіи манифеста Александръ сообщилъ принцу Оранскому, также пріѣзжавшему въ Петербургъ въ 1825 г., между тѣмъ какъ Николай Павловичъ находился въ полномъ невѣдѣніи о немъ и лишь удостаивался таинственныхъ намековъ [4]).

---

[1]) Это невѣрно, раньше 3-го ноября разговора о манифестѣ не могло быть, т. к. Александръ путешествовалъ по Россіи, а разговоръ происходилъ послѣ его возвращенія; равно не вѣрно, что манифестъ помѣченъ мартомъ 1823 г.

[2]) Свои записки Вильгельмъ писалъ въ 1859 году.

[3]) Шильдеръ—«Импер. Николай», т. I, стр. 491. Выдержка у него приведена на нѣмецкомъ языкѣ въ примѣчаніи.

[4]) Какъ образчикъ такихъ намековъ, намъ передаетъ баронъ Дибичъ—„Однажды мы были съ нимъ (Александромъ), передаетъ Дибичъ, въ поселеніяхъ, и онъ, обращая рѣчь къ великому князю Николаю Павловичу, сказалъ: *„тебѣ надобно будетъ это поддерживать“*. Я ничего другого изъ сихъ словъ не заключилъ, какъ то, что, судя по лѣтамъ великаго князя, онъ, переживъ государя и цесаревича, будетъ ихъ преемникомъ“.

Нельзя сказать, чтобы Александръ не сознавалъ всей опасности такого положенія; на этотъ счетъ онъ былъ даже предупреждаемъ кн. Голицынымъ передъ отъѣздомъ на югъ. Князь Голицынъ, прекрасно знавшій всю тайну, въ откровенной бесѣдѣ съ императоромъ замѣтилъ, «какъ неудобно акты, измѣняющіе порядокъ престолонаслѣдія, оставлять, при продолжительномъ отсутствіи, необнародованными и какая можетъ родиться отъ этого опасность...» Александръ сперва, казалось, былъ пораженъ справедливостью замѣчаній Голицына; но послѣ минутнаго молчанія, указавъ рукою на небо, тихо сказалъ: «remettons nous en á Dieu: Il saura mieux ordonner les choses que nous autres faibles mortels!»

Эта фраза очень характерна для Александра послѣднихъ лѣтъ его жизни и въ его характерѣ искали объясненій событіямъ, о которыхъ мы говоримъ. Но какое бы объясненіе мы ни находили, фактъ легкомысленнаго отношенія къ вопросу первостепенной важности остается неоспоримымъ. И такое отношеніе было не у одного Александра, оно одинаково характерно и для Константина, и для Николая Павловичей.

Дѣйствительно, какъ можно назвать отношеніе Александра, когда онъ отлично зная рѣшеніе своего брата, зная насколько оно твердо и важно для будущаго Россіи, не могъ съ лѣта 1819 года (разговоръ съ Ник. Пав.) и до августа 1823 года «положить оффиціальную сторону дѣлу», къ тому же рѣшенному уже по существу, такъ какъ послѣ женитьбы на Ловичъ Константинъ едва ли бы могъ царствовать. Точно такое же, повторяемъ, было отношеніе со стороны Николая Павловича. Онъ, кромѣ изумленія, выраженнаго при разговорѣ съ братомъ въ 1819 году, ничѣмъ не проявилъ своего отношенія и интереса къ поднятому вопросу, несмотря на всѣ намеки Маріи Ѳеодоровны и самого Александра, и несмотря на всю неопредѣленность и таинственность, въ которую облекся вопросъ. Именно эта таинственность и неопредѣленность обязывали Николая побольше подумать надъ намеками, дѣлавшимися ему.

Мы уже не говоримъ о Константинѣ Павловичѣ; онъ, очевидно, былъ въ полной увѣренности, что своимъ письмомъ онъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ могъ и требовалось.

Словомъ, какъ бы ни смотрѣть на всѣ поступки, связанные съ манифестомъ, никакъ не можешь отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что дѣло какъ будто касается маленькаго *семейнаго* достоянія, а не судьбы великаго европейскаго государства.

Раскроютъ когда надо завѣщаніе и узнаютъ, *чья* Россія!

Таковы условія самодержавія.

II.

Путешествіе Александра I и его смерть.

1-го сентября 1825 года императоръ Александръ таинственно уѣхалъ на югъ.

Постоянная нерѣшимость, наклонность къ таинственному и прямо мистицизмъ, овладѣвшій Александромъ со времени г-жи Крюденеръ, несмотря на то, что она была удалена и преслѣдуема, окончательно теперь захватилъ настроеніе и помыслы императора.

Казалось, ничто земное не интересовало Александра и не останавливало его вниманія; въ одиночествѣ, рано утромъ, онъ слушаетъ молебствіе у раки Александра Невскаго, бесѣдуя съ митрополитомъ Серафимомъ, надолго уединяется въ кельѣ схимника Алексія и прямо отъ него отправляется въ дальнее путешествіе на югъ.

Казалось, не въ простое путешествіе готовился Александръ. Онъ приводитъ въ порядокъ всѣ свои бумаги, подолгу занимаясь этимъ съ княземъ Голицынымъ. Къ тому же послѣднее время Александръ усиленно говорилъ о возможности отреченія отъ царствованія.

Во всякомъ случаѣ, это путешествіе, таинственно начатое и вызвавшее странное преданіе, было роковымъ для Александра и для Россіи.

12-го ноября генералъ Дибичъ, сопровождавшій императора въ поѣздкѣ, счелъ долгомъ сообщить генералу Курутѣ, адъютанту Константина Павловича, о болѣзни Александра, «чтобы слухи, дошедшіе стороной, не возбудили болѣе серьезнаго безпокойства со стороны великаго князя относительно здоровья августѣйшаго монарха». Послѣдній, по словамъ Дибича, чувствовалъ себя отлично во все время поѣздки по Крыму, но послѣдніе дни появилась легкая лихорадка, вслѣдствіе которой императоръ принужденъ былъ не выходить изъ комнатъ, и которая, по мнѣнію врачей, перешла, повидимому, въ перемежающуюся лихорадку; несмотря на надежды врачей и несмотря на то, что болѣзнь временно приняла менѣе острый характеръ, Дибичъ, однако, не разсчитывалъ на благопріятный исходъ. Дѣйствительно, черезъ два дня, 14-го ноября, «надежды на скорое выздоровленье» не только не оправдывались, но желчная лихорадка усилилась еще больше.

«Врачи не убѣждены еще въ неминуемой опасности, писалъ Дибичъ, но не ручаются болѣе за дѣйствительность ихъ леченія, а Е. В. чрезвычайно ослабъ вслѣдствіе сильныхъ пароксизмовъ лихорадки». Еще менѣе утѣшительно было письмо отъ 15-го ноября 6-ти часовъ вечера.

«Любезный генералъ, писалъ Дибичъ, мы провели ужасныя минуты послѣ отправленія моего вчерашняго письма. Еще съ вечера

лихорадка съ каждой минутой стала усиливаться и состояніе Е. В. все болѣе и болѣе внушало опасеніе. Мы сочли долгомъ посовѣтывать Е. В. пріобщиться сегодня въ шестомъ часу утра и это таинство было совершено Е. В. со свойственнымъ ему спокойствіемъ и покорностію волѣ Божіей. Вскорѣ послѣ причастія наступилъ сильный кризисъ, подвергшій насъ въ величайшее отчаяніе»[1]).

Наконецъ, 16-го утромъ «лихорадка перешла въ самый злокачественный тифъ» и Александръ впалъ «въ какое-то совершенно безчувственное состояніе», а 19-го ноября, въ 10 часовъ 50 минутъ дня, онъ скончался.

Дибичъ поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ событіи Константина Павловича, какъ оффиціальнаго наслѣдника престола.

«Съ сердечнымъ прискорбіемъ, читаемъ въ рапортѣ Дибича *Императору* Константину, имѣю долгъ донести В. И. В., что Всевышнему угодно было прекратить дни всеавгустѣйшаго нашего государя императора Александра Павловича, сего ноября 19-го дня въ 10 часовъ и 50 минутъ по-полуночи здѣсь, въ г. Таганрогѣ»[2]).

Здѣсь мы опять вступаемъ въ область поступковъ, самыхъ странныхъ, самыхъ непонятныхъ, совершенныхъ Константиномъ Павловичемъ.

Оказывается, что до 25-го ноября, когда въ 7 часовъ вечера было получено донесеніе о *смерти* Александра, въ Варшавѣ никто не зналъ ничего о *болѣзни* императора; о ней не знали ни родной его братъ, Михаилъ, гостившій въ Варшавѣ, ни жена Константина. Правда, замѣчали уже нѣсколько дней дурное и мрачное его настроеніе [3]), знали, что изъ Таганрога прибываетъ ежедневно по 2—3 фельдъегеря, но успокоились выдумкой великаго князя, что они будто привезли награды чиновникамъ.

Къ чему понадобилось Константину скрывать болѣзнь императора даже отъ своихъ ближнихъ? Больше того, для чего ему надо было разыграть комедію съ благодарностью якобы награжденныхъ чиновниковъ? А между тѣмъ это фактъ, вызывающій лишь удивленіе. «Не говорю вамъ о себѣ,—писалъ великій князь Дибичу, получивъ извѣстіе о болѣзни государя, 23 ноября,—и о томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь; ибо вамъ слишкомъ хорошо извѣстна моя преданность и мое искреннее расположеніе къ лучшему изъ братьевъ и монарховъ. Мое и безъ того тягостное положеніе ухудшается еще тѣмъ, что о болѣзни императора кромѣ меня знаютъ только мой старый другъ Курута и мой врачъ; вѣсть объ этомъ еще не дошла сюда, такъ что въ обществѣ мнѣ приходится казаться спокойнымъ, хотя въ душѣ

[1]) Междуцарствіе въ Россіи. Историческіе документы. «Рус. Стар.» 1882 г. Іюль, 153-6 стр

[2]) «Рус. Стар.», тамъ же, 155 стр.

[3]) Конст. Павл. даже не выходилъ нѣсколько дней къ обѣду.

у меня далеко нѣтъ такого спокойствія. Моя жена и братъ ничего не подозрѣваютъ, такъ что мнѣ пришлось выдумать объясненіе по поводу прибытія вашего перваго фельдъегеря; точно такъ же придется поступить сегодня. Если бы я повиновался одному внушенію моего сердца, то разумѣется давно уже былъ бы у васъ; но вы, конечно, сами поймете, что препятствуетъ мнѣ этому» [1]).

Ежедневно отправлялъ великій князь подобныя изліянія Дибичу, но почему-то «одинъ носилъ въ своемъ сердцѣ терзавшія его предчувствія и безпокойство». Оно должно быть тѣмъ болѣе, что надежды на улучшеніе изъ Таганрога совершенно не давали, а 22-го Константинъ Павловичъ при видѣ курьера «подумалъ, что онъ привезъ роковое извѣстіе» [2]).

Помимо того, что свои предчувствія Константину не было никакой надобности скрывать отъ своихъ близкихъ, но онъ долженъ былъ подумать о послѣдствіяхъ, вытекавшихъ изъ его рѣшенія отказаться отъ престола, въ виду опаснаго положенія императора. Между тѣмъ имъ было написано въ Таганрогъ до 25-го ноября 5—6 писемъ и ни въ одномъ ни словомъ не упомянуто о преемникѣ умирающаго императора, а необходимость этого прямо вытекала изъ его словъ, сказанныхъ своей супругѣ и брату, при извѣстіи о смерти Александра. «Теперь, добавилъ онъ, настала торжественная минута доказать, что весь прежній мой образъ дѣйствія не былъ личиною, и кончить дѣло съ тою же твердостію, съ которою оно было начато. Въ намѣреніяхъ моихъ, въ моей рѣшимости ничего не перемѣнилось и моя воля отказаться отъ престола болѣе чѣмъ когда-нибудь непреложна!» [3]).

И, однако, онъ не сдѣлалъ раньше того, къ чему обязывала эта его рѣшимость, какъ своевременно не сдѣлалъ покойный теперь Александръ [4]).

Умирая, онъ не открылъ спрятанной въ Успенскомъ Соборѣ столь важной тайны, хотя не могъ не сознавать всей опасности своего положенія, такъ какъ исповѣдовался и причастился еще въ полной памяти. Однако, послѣ смерти окружавшіе его остались въ полномъ невѣдѣніи. Обратились къ императрицѣ, не извѣстно ли ей какого-нибудь распоряженія, но она отвѣтила, что *ничего не знаетъ положительнаго* и совѣтовала обратиться въ Варшаву [4]).

---

1) Рус. Стар., тамъ же, 172 стр.

2) Рус. Стар., тамъ же, 168 стр. 2) Корфъ, тамъ же, 36 стр.

3) Въ 1824 году, когда Александръ былъ серьезно боленъ въ Петербургѣ, Константинъ Павловичъ поспѣшилъ туда; эта поспѣшность несомнѣнно была связана съ вопросомъ о престолонаслѣдіи.

4) Корфъ пишетъ, что родилась мысль: не найдется ли чего-нибудь въ пакетикѣ, который покойный носилъ всегда при себѣ. По просьбѣ Волконскаго онъ былъ вскрытъ императрицею, но въ немъ оказались только двѣ молитвы и замѣтки нѣсколькихъ главъ Священнаго писанія.

Совѣтъ былъ исполненъ, но онъ принесъ только цѣлый рядъ недоразумѣній вмѣсто разрѣшенія вопроса [1]).

III.

Отреченіе Константина Павловича.

Константинъ Павловичъ, рѣшивъ, что насталъ торжественный моментъ оправдать на дѣлѣ свое отреченіе, накричалъ на Новосильцева за титулъ Его Величества, который онъ продолжалъ употреблять въ обращеніи съ великимъ княземъ, несмотря на его запрещеніе. «Въ послѣдній разъ —закричалъ *цесаревичъ*—прошу васъ перестать и помнить, что теперь законный нашъ государь и императоръ — Николай Павловичъ!» [2]).

Дибичу было отправлено письмо, гдѣ великій князь называлъ себя лишь «товарищемъ» и совѣтовалъ «о всѣхъ дѣлахъ, разрѣшенія отъ высочайшей власти требующихъ, относиться въ С.-Петербургъ», въ Варшаву же «подобныхъ представленій не присылать» [3]).

Отстранивъ отъ себя всякія «представленія» съ юга, *наслѣдникъ* занялся сообщеніемъ своего рѣшенія *императору* Николаю. «Работа эта—пишетъ Корфъ—длилась всю ночь и только съ 5-ти часовъ слѣдующаго утра *цесаревичъ* могъ дать себѣ нѣсколько отдыха».

Императору Николаю, по присягѣ въ Варшавѣ, наслѣдникъ писалъ:

«Любезнѣйшій Братъ! Съ неизъяснимымъ сокрушеніемъ сердца получилъ я вчерашняго числа вечеромъ въ 7-мъ часовъ горестное увѣдомленіе о послѣдовавшей кончинѣ обожаемаго Государя Императора Александра Павловича, Моего Благодѣтеля.

«Спѣша раздѣлить съ Вами таковую постигшую Насъ тягчайшую скорбь, Я поставляю долгомъ Васъ увѣдомить, что вмѣстѣ съ симъ отправилъ Я письмо къ Ея Императорскому Величеству Вселюбезнѣйшей Родительницѣ Нашей, съ изъявленіемъ непоколебимой Моей воли въ томъ, что по силѣ Высочайшаго собственноручнаго Рескрипта покойнаго Государя Императора отъ 2 Февраля 1822 года ко Мнѣ послѣдовавшаго, на письмо Мое къ Его Императорскому Величеству объ устраненіи Меня отъ наслѣдія Императорскаго престола, которое было предъявлено Родительницѣ Нашей, удостоилось какъ согласія, такъ и личнаго Ея Величества Мнѣ о томъ подтвержденія, уступаю Вамъ право Мое на наслѣдіе Императорскаго Всероссійскаго Престола и прошу Любезнѣйшую Родительницу Нашу о всемъ томъ объявить гдѣ

---

[1]) См. подробнѣе о смерти имп. Александра въ книги «Легенда о старцѣ Кузьмичѣ».

[2]) Шильдеръ приводитъ разсказъ генерала Корсакова, какъ «гнѣвно» на него кричалъ К. П. за то, что онъ осмѣлился титуловать наслѣдника «Его Величествомъ». [3]) «Рус. Стар.», тамъ же, 173—4 стр.

слѣдуетъ, для приведенія сей непоколебимой Моей воли въ надлежащее исполненіе.

«Изложивъ сіе, непремѣнною за тѣмъ обязанностію поставляю всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества удостоить принять отъ Меня перваго вѣрноподданническую Мою присягу и дозволивъ Мнѣ изъяснить, что не простирая никакого желанія къ новымъ званіямъ и титуламъ, ограничиться тѣмъ титуломъ Цесаревича, коимъ удостоенъ Я за службу покойнымъ Нашимъ Родителемъ.

«Единственнымъ себѣ счастіемъ на всегда поставляю, ежели Ваше Императорское Величество удостоите принять чувства глубочайшаго Моего благоговѣнія и безпредѣльной преданности, въ удостовѣреніе коихъ представляю залогомъ свыше 30-ти лѣтнюю мою вѣрную службу и живѣйшее усердіе Блаженной памяти Государямъ Императорамъ Родителю и Брату оказанныя, съ коими до послѣднихъ дней Моихъ не престану продолжать Вашему Императорскому Величеству и потомству Вашему Мое служеніе при настоящей Моей обязанности и мѣстѣ» [1]).

Кромѣ того, онъ написалъ еще Николаю Павловичу письмо, носящее болѣе частный характеръ; въ немъ онъ между прочимъ писалъ: «Перехожу къ дѣлу и извѣщаю тебя, что, въ исполненіе воли покойнаго нашего Государя, я послалъ къ матушкѣ письмо, содержащее въ себѣ выраженіе непреложной моей рѣшимости, заранѣе освященной какъ покойнымъ моимъ повелителемъ, такъ и нашею родительницею.

«Не сомнѣваясь, что ты, любезный братъ, привязанный къ покойному душою и сердцемъ, въ точности исполнишь волю его и то, что было сдѣлано съ его соизволенія, приглашаю тебя распорядиться соотвѣтственно тому и почтить тѣмъ память брата, который тебя любилъ и которому наше государство обязано своею славою и настоящимъ величіемъ» [2]).

Эти письма повезъ самъ Михаилъ Павловичъ, какъ и письмо къ Маріи Θеодоровнѣ, почти одинаковаго содержанія. «Ты понимаешь,—сказалъ ему *наслѣдникъ*,—что никакая сила уже не можетъ поколебать моей рѣшимости, а чтобъ еще болѣе удостовѣрить въ томъ матушку и брата и отнять у нихъ послѣднее сомнѣніе, ты самъ повезешь къ нимъ мои письма. Готовься сегодня же ѣхать въ Петербургъ» [3]).

Содержаніе этихъ писемъ вызываетъ уже высказанный нами вопросъ, къ чему оно оставалось такой тайной, когда, напротивъ, все требовало широкой и своевременной гласности. Къ этому еще при-

---

[1]) Подписано: «Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ. Всемилостивѣйшій Государь Вашего Императорскаго Величества вѣрнѣйшій подданный Константинъ Цесаревичъ».

[2]) Корфъ—тамъ же, стр. 43.

[3]) Корфъ—тамъ же, 37 стр.

бавляется недоумѣніе, для чего Константину Павловичу захотѣлось снова нарушить основной законъ присвоеніемъ себѣ титула *наслѣдника*, когда таковымъ явно долженъ быть сынъ Николая Павловича, Александръ Николаевичъ, будущій царь-освободитель?

Едва ли мы можемъ найти другой отвѣтъ, кромѣ «самодержавной воли» [1]).

IV.

Присяга Константину I въ Петербургѣ. Государственный Совѣтъ и Николай Павловичъ.

Что дѣлалось тамъ, куда должны были адресоваться всѣ «представленія» и куда направился Михаилъ Павловичъ съ письмами оффиціальнаго и семейнаго характера Наслѣдника-Императора? Въ Петербургѣ до 22-го ноября были почти въ полномъ невѣдѣніи того, что происходило въ Таганрогѣ, и во всякомъ случаѣ въ полной увѣренности, что общей тишинѣ и благополучію царствующей семьи не угрожаетъ никакая опасность. 22-го ноября, утромъ, было получено отъ императрицы изъ Таганрога Маріей Θеодоровной письмо отъ 12-го ноября самаго утѣшительнаго характера; въ немъ выражалась надежда, что скоро въ письмахъ можно будетъ касаться менѣе важныхъ предметовъ, такъ какъ здоровье императора не внушаетъ никакихъ опасеній.

Насколько эти надежды были призрачны и расходились съ дѣйствительностью, при дворѣ могли убѣдиться прочитавъ бюллетени доктора Вилліе отъ того же 12-го ноября, полученные въ Петербургѣ 22-го вечеромъ, и особенно изъ письма Дибича отъ 15-го ноября къ Вилламову [2]), къ которому, наконецъ, собрался написать Дибичъ, сообщая уже о причастіи императора и о безнадежности его состоянія. Подобныя же письма были получены гр. Милорадовичемъ, кн. Лопухинымъ и Потаповымъ. Но насколько содержаніе ихъ запоздало и было неожиданно для всѣхъ, это показываетъ переполохъ, произведенный при дворѣ въ Петербургѣ. Вотъ что пишетъ объ этомъ моментѣ Николай Павловичъ:

«25-го ноября, часовъ въ шесть, я игралъ съ дѣтьми, у которыхъ были гости, какъ вдругъ пришли мнѣ сказать, что военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ ко мнѣ пріѣхалъ; я сейчасъ пошелъ къ нему и засталъ его въ пріемной комнатѣ, живо ходящимъ по комнатѣ съ платкомъ въ рукѣ и въ слезахъ; взглянувъ на него, я ужаснулся и спросилъ: «Что это, Михаилъ Андреевичъ? Что случилось?» —

[1]) Константинъ въ періодъ междуцарствія постоянно подчеркиваетъ свою «степень».

[2]) Секретарь императрицы Маріи Θеодоровны; письмо получено имъ 25-го ноября вечеромъ.

Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Il y a une horrible nouvelle!» — Я ввелъ его въ кабинетъ, и тутъ онъ, зарыдавъ, отдалъ мнѣ письма отъ князя Волконскаго и Дибича, говоря: «L'empereur se meurt; il n'y a plus qu'une faible espoir». — У меня ноги подкосились; я сѣлъ и прочелъ письма, гдѣ говорятъ, что хотя не потеряна всякая надежда, но что государь очень плохъ. Первая моя мысль была матушка и какъ ей объявить это ужасное извѣстіе.

«Было другое письмо отъ тѣхъ же лицъ къ г. Вилламову, ему пришлось повѣстить о семъ матушкѣ, и только что успѣлъ я объявить о томъ же женѣ и хотѣлъ ѣхать къ матушкѣ, какъ она за мною прислала; я засталъ ее въ тѣхъ ужасныхъ терзаніяхъ, которыхъ опасался; положеніе ея было столь ужасно, что я не рѣшился ее покидать и остался всю ночь съ адъютантомъ моимъ Адлербергомъ въ камердинерской комнатѣ сидящимъ. Ночью часто меня матушка призывала, ища утѣшеній, которыхъ я не въ состояніи былъ ей дать» [1]).

Такимъ образомъ, въ то самое время, какъ въ Варшавѣ Константинъ Павловичъ получилъ давно ожидавшееся имъ извѣстіе о *смерти* Александра, въ это время въ Петербургѣ совершенно *неожиданно* узнали лишь объ *опасности*, угрожавшей императору.

Въ то время, какъ въ Варшавѣ Константинъ Павловичъ писалъ всю ночь отказъ отъ престолонаслѣдія въ пользу Николая, въ то же время послѣдній въ Петербургѣ, обсуждая планы на случай смерти Александра, рѣшилъ первымъ принести присягу Константину Павловичу.

Этимъ создалось новое междуцарствіе въ Россіи.

Оно началось упомянутымъ совѣщаніемъ, роль Николая на которомъ недостаточно еще выяснена.

Въ письмѣ отъ брата Николая къ брату Константину объ этомъ совѣщаніи читаемъ: «Подавъ нужное пособіе ея величеству [2]), его императорское высочество, графъ Милорадовичъ и генералъ Войновъ приступили къ совѣщанію, какія бы нужно принять мѣры, если бы, чего Боже сохрани, получено было извѣстіе о кончинѣ возлюбленнаго монарха. Тогда его императорское высочество предложилъ свое мнѣніе, дабы въ одно время при объявленіи о сей неизречимой потерѣ провозгласить и восшедшаго на престолъ императора, и что онъ первый присягнетъ старшему своему брату, какъ законному наслѣднику престола» [3]).

---

[1]) Шильдеръ—тамъ же, 182 стр.

[2]) См. выше.

[3]) Шильдеръ—тамъ же, 615 стр. То же Н. П. сказалъ и Адлербергу. «Если.. надобно будетъ тотчасъ, не теряя ни минуты, присягнуть брату Константину» Корфъ—тамъ же, 47 стр.

Иначе представляетъ намъ дѣло Ѳ. П. Опочининъ, который разсказывалъ князю Сергѣю Трубецкому, что «по полученіи тревожныхъ извѣстій изъ Таганрога великій князь Николай Павловичъ пригласилъ къ себѣ князя Лопухина, кн. Алексѣя Куракина и гр. Милорадовича [1]). Великій князь *объявилъ имъ свои права на престолъ вслѣдствіе отреченія Константина Павловича*». «Графъ Милорадовичъ отвѣчалъ наотрѣзъ, что великій князь Николай не можетъ и не долженъ никакъ надѣяться наслѣдовать брату своему Александру въ случаѣ его смерти; что законы имперіи не дозволяютъ располагать престоломъ по завѣщанію, что, притомъ, завѣщаніе Александра извѣстно только нѣкоторымъ лицамъ, а неизвѣстно въ народѣ; что отреченіе Константина также не явное и осталось необнародованнымъ: что Александръ, если хотѣлъ, чтобы Николай наслѣдовалъ послѣ него престолъ, долженъ былъ обнародовать при жизни волю свою и согласіе на нее Константина; что ни народъ, ни войско не поймутъ отреченія и припишутъ все измѣнѣ, тѣмъ болѣе, что ни государя своего, ни наслѣдника по первородству нѣтъ въ столицѣ, но оба были въ отсутствіи; что, наконецъ, гвардія рѣшительно откажется принести Николаю присягу въ такихъ обстоятельствахъ, и неминуемое затѣмъ послѣдствіе будетъ возмущеніе. Совѣщаніе продолжалось до двухъ часовъ ночи. Великій князь доказывалъ свои права, но графъ Милорадовичъ признать ихъ не хотѣлъ и отказалъ въ своемъ содѣйствіи. На томъ и разошлись» [2]).

Такимъ образомъ, два свидѣтельства объ этомъ замѣчательномъ совѣщаніи, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, противорѣчатъ другъ другу; но въ то время, какъ первому, несмотря на свою документальность, невыгодно было передавать всѣ подробности роли Николая Павловича, второму не было никакой надобности искажать истину. Вслѣдствіе чего мы должны стать на сторону разсказа Опочинина и констатировать, что уже не такъ-то добровольно отказывался отъ престола Николай Павловичъ [3]).

Какъ бы то ни было, но рѣшеніе, принятое на совѣщаніи, имѣло роковыя послѣдствія.

Выполнить его Николаю Павловичу пришлось очень быстро.

27-го ноября было назначено молебствіе о здравіи Александра. Члены императорской фамиліи находились съ приближенными въ церкви Зимняго дворца; однако, молебствію не суждено было кончиться, такъ какъ было получено извѣстіе о смерти императора.

---

[1]) Составъ совѣщанія Опочининъ передаетъ не точно. См. выше выписку изъ письма Николая Павловича.

[2]) Записки декабриста князя С. Трубецкого.

[3]) Это важно выяснить въ виду такого утвержденія съ легкой руки Жуковскаго. См. объ этомъ ниже.

«Только что после обѣдни начался молебенъ,—пишетъ Николай Павловичъ,—знакъ мнѣ былъ данъ камердинеромъ Гриммомъ. Я тихо вышелъ и въ бывшей библіотекѣ, комнатѣ короля прусскаго, нашелъ графа Милорадовича; по лицу его я уже догадался, что роковая вѣсть пришла. Онъ мнѣ сказалъ: «C' est fini, courage maintenant, donnez l'exemple» [1]), и повелъ меня подъ руку; такъ мы дошли до перехода, что̀ былъ за кавалергардскою комнатою. Тутъ я упалъ на стулъ—всѣ силы меня оставили» [2]).

Позвавъ къ себѣ на подкрѣпленіе доктора Рюля, Николай Павловичъ отправился въ церковь. Остановивъ молебствіе и отправивъ Марію Θеодоровну, безчувственную отъ слезъ, онъ немедленно приступилъ къ присягѣ императору Константину, который наканунѣ присягнулъ императору Николаю.

Описывая присягу Николая, за которой онъ командовалъ подобно военному ученію на плацу, поэтъ Жуковскій, свидѣтель ея, восторгается «отверженіемъ» отъ власти, совершеннымъ великимъ княземъ.

«Что прибавлю къ моему разсказу?—пишетъ поэтъ-романтикъ.— Я съ своей стороны не знаю ни въ исторіи народовъ, ни въ исторіи души человѣческой ни одной болѣе возвышенной минуты. Великому князю извѣстно было отреченіе брата его отъ престола; онъ зналъ, что вслѣдствіе этого отреченія престолъ неоспоримо принадлежитъ ему; онъ предвидѣлъ, что черезъ нѣсколько минутъ всенародно откроется тайна отреченія, и что ему предложено будетъ воспользоваться правомъ, ему уступленнымъ; но въ то же время онъ въ душѣ своей признавалъ неприкосновенное право законнаго наслѣдника и не могъ знать, на что рѣшится этотъ наслѣдникъ (бывшій тогда далеко), подтвердитъ ли, уничтожитъ ли тайное свое отреченіе. Чего же требовала отъ него совѣсть, то было для него явно; но онъ страшился, чтобы воля его не поколебалась въ выборѣ между самоотверженіемъ и самодержавіемъ; онъ не повѣрилъ одной силѣ души своей, онъ поспѣшилъ подкрѣпить ее силою Бога, поспѣшилъ явиться передъ лицомъ этого Бога, дабы во храмъ его, къ подножію престола, на которомъ совершается жертва безкровная, положить свою жертву земного величія» [3]).

Теперь мы, зная рѣшеніе совѣщанія въ ночь на 26-е ноября, далеки будемъ отъ пѣснопѣній поэта, тѣмъ болѣе, что, совершивъ

[1]) Все кончено, покажите теперь примѣръ мужества!

[2]) Шильдеръ—тамъ же, 183 стр.

[3]) Шильдеръ—тамъ же, 497 стр. Дальше Жуковскій утверждаетъ, что онъ *одинъ* былъ свидѣтелемъ присяги Николая, однако, Корфъ пишетъ: «Потомъ великій князь съ графомъ Милорадовичемъ, княземъ Трубецкимъ, графомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ и другими, тутъ находившимися, пошелъ въ церковь... и здѣсь присягнулъ... примѣру его послѣдовали всѣ бывшіе съ нимъ».

подобное «самоотверженіе», Николай тутъ же проявилъ и свое самодержавіе, которымъ якобы онъ пожертвовалъ. Дѣйствительно, выйдя изъ церкви, онъ отправился къ внутреннимъ дворцовымъ карауламъ отъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, кавалергардскому и конногвардейскому, объявилъ о смерти Александра и приказалъ присягнуть Константину [1]), затѣмъ послалъ Адлерберга привести къ присягѣ инженерное вѣдомство, а генерала Нейгардта [2]) послалъ въ Невскую Лавру, гдѣ собрался на молебствіе весь оффиціальный міръ Петербурга, «передать отъ его имени генералу Войнову, чтобы немедленно привели къ присягѣ гвардію».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Николай дѣйствовалъ такъ, какъ будто онъ и не приносилъ «самоотверженія», а, напротивъ, былъ облеченъ самодержавною властью [3]).

Это тѣмъ болѣе такъ, что онъ не посовѣтовался даже ни съ кѣмъ изъ родныхъ и совершенно игнорировалъ высшія государственныя учрежденія: Государственный Совѣтъ и Сенатъ, по распоряженію котораго только могла быть объявлена присяга новому императору и которые должны были немедленно собраться въ экстренныя засѣданія.

Но на правахъ самодержца ex officio онъ не пожелалъ считаться съ ихъ существованіемъ, тѣмъ менѣе съ ихъ волею. «Въ сущности,— замѣчаетъ историкъ Николая, — принесенная тогда присяга представляла собой неоспоримый «coup d'état». Даже Михаилъ Павловичъ называлъ дѣйствія Николая революціонными.

Лишь давъ приведенныя распоряженія, онъ поспѣшилъ къ Маріи Θеодоровнѣ и объявилъ ей о присягѣ.

«Николай, что ты сдѣлалъ! — воскликнула императрица съ ужасомъ; — развѣ ты не знаешь, что существуетъ актъ, по которому ты назначенъ наслѣдникомъ престола?»

«Если такой актъ существуетъ,—отвѣчалъ онъ,—то онъ мнѣ неизвѣстенъ и никто о немъ не знаетъ; но мы всѣ знаемъ, что нашъ монархъ, нашъ законный государь, послѣ императора Александра, есть мой братъ Константинъ: мы исполнили слѣдовательно только нашу обязанность: пусть будетъ что будетъ!» [4]).

Отдѣлавшись такимъ легкимъ рѣшеніемъ государственнаго вопроса у своей матушки, Николай долженъ былъ пережить еще рядъ, если не непріятностей, то нѣкотораго рода осложненій.

---

[1]) Корфъ пишетъ, что это произошло до присяги самого Николая. См. его книгу 30 стр.

[2]) Въ первомъ манифестѣ Императоръ Николай, объясняя свой поступокъ, между прочимъ, писалъ: «Мы желали... отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній нашихъ...».

[3]) Начальникъ штаба гвардейскаго корпуса.

[4]) Переводъ съ французскаго. Корфъ—тамъ же, 231 стр.

Прежде всего онъ выдержалъ нападки князя Голицына, которому болѣе всего была извѣстна тайна; узнавъ въ Невской Лаврѣ о присягѣ Николая, онъ бросается къ нему во дворецъ.

«Въ изступленіи, — пишетъ великій князь въ своихъ запискахъ,— внѣ себя отъ горя, но и отъ вѣсти во дворцѣ, что всѣ присягнули Константину Павловичу, онъ началъ мнѣ выговаривать, зачѣмъ я брату присягнулъ и другихъ симъ завлекъ, и повторилъ мнѣ, что слышалъ отъ матушки, и требовалъ, чтобы я повиновался мнѣ неизвѣстной волѣ покойнаго государя; я отвергъ сіе неумѣстное требованіе положительно, и мы разстались съ княземъ: я, очень недовольный его вмѣшательствомъ, онъ - столько же моею неуступчивостью» [1]).

Нѣсколько потруднѣе было Николаю уладить дѣло съ только что забытымъ имъ Государственнымъ Совѣтомъ, несмотря на всю незначительность сопротивленія этого учрежденія.

Крайне любопытно познакомиться съ этимъ дѣйствительно «достопамятнымъ» засѣданіемъ Совѣта, «начавшимся—по выраженію Корфа—въ комнатахъ Совѣта, продолжавшимся предъ лицомъ великаго князя, перенесеннымъ оттуда въ храмъ Божій и, наконецъ, окончившимся въ покояхъ императрицы Маріи Ѳеодоровны и передъ ея лицемъ».

Дѣйствія Совѣта въ этотъ день вполнѣ оправдываютъ слова князя Лобанова-Ростовскаго, который назвалъ его «*Государевою канцеляріею*», но ни въ какомъ случаѣ не могутъ характеризовать Совѣтъ, какъ высшее государственное законодательное учрежденіе. Для всѣхъ его членовъ была болѣе чѣмъ странна та степень, то положеніе, въ которое былъ поставленъ силою обстоятельствъ Государственый Совѣтъ—*степень*, по выраженію Корфа—*государственной власти;* и, пожалуй, Николай былъ правъ, пренебрегая учрежденіемъ, которое не смѣло имѣтъ ни своего мнѣнія, ни своего рѣшенія, ни своей воли.

Доказательствомъ тому служитъ засѣданіе 27-го ноября, которое мы опишемъ съ необходимою и любопытною подробностью.

Въ этомъ отношеніи записки, составленныя Оленинымъ [2]), представляютъ огромную цѣнность.

До начала засѣданія, назначеннаго въ два часа, князь Голицынъ усиленно объяснялъ всѣмъ прибывавшимъ членамъ подробности таинственнаго пакета и воли покойнаго императора. Предсѣдатель Совѣта, князь Лопухинъ, склоненный убѣжденіями Голицына, уже далъ приказаніе принести пакетъ, но въ это время кн. Лобановъ-Ростовскій началъ убѣждать, что его распечатывать не нужно, такъ какъ Совѣтъ есть только *канцелярія государева* и такъ какъ «*мертвые воли не*

---

[1]) Шильдеръ—тамъ же, 187 стр.

[2]) Исправлявшій должность государственнаго секретаря.

имѣютъ», и что въ Сенатѣ онъ не допуститъ распечатанія пакета. «Все это вздоръ дѣлаютъ,—прибавилъ онъ Оленину,—великій князь Николай Павловичъ изволилъ присягнуть государю императору Константину Павловичу... Если вы здѣсь хотите пакетъ вашъ раскрыть, то пора было это кончить и сходку нашу распустить тѣмъ скорѣе, что мнѣ нужно итти скорѣе къ присягѣ, и что я затѣмъ только и остался» [1]). Лобанова-Ростовскаго поддерживалъ Шишковъ, который настаивалъ на немедленной присягѣ, такъ какъ «имперія ни на одно мгновеніе не можетъ остаться безъ государя [2]); что отъ воли Константина Павловича зависитъ принять или не принять престолъ, но что по порядку ему присягнуть должно» [3]).

Однако, всѣ остальные члены были противнаго мнѣнія и пакетъ былъ распечатанъ и содержимое прочтено. «Но едва только,—читаемъ въ запискахъ Оленина,—выслушана была съ *надлежащимъ благоговѣніемъ, съ горестными и умиленными сердцами* [4]) послѣдняя воля блаженной и вѣчнодостойной памяти Государя Императора Александра Павловича», какъ Милорадовичъ громогласно заявилъ, что содержаніе манифеста вполнѣ извѣстно великому князю Николаю Павловичу [5]), но что онъ торжественно отрекся отъ права, предоставленнаго ему манифестомъ, и первый уже присягнулъ на подданство Его Величеству Г. И. Константину».

Этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы привести почтенное собраніе старцевъ изъ придворной знати въ полное замѣшательство. О немъ такъ пишетъ Оленинъ: «Тутъ въ общемъ довольно шумномъ разговорѣ, между господами членами послѣдовавшемъ за третичнымъ предложеніемъ графа Милорадовича, мнѣ казалось, что я разслышалъ заявляемое ими вообще желаніе: сіе предложеніе графа Милорадовича имѣть счастіе слышать изъ устъ самого великаго князя Николая Павловича и потому просить его высочество о удостоеніи Государственнаго Совѣта своимъ посѣщеніемъ. По крайней глухотѣ князя Г. В. Лопухина [6]), которая въ этотъ день отъ разстройства мыслей еще болѣе усилилась, я рѣшился его свѣтлости громогласно объяснить то, что мнѣ казалось общимъ мнѣніемъ господъ членовъ Государствен-

---

[1]) Шильдеръ—тамъ же, 499 стр.

[2]) Противъ этихъ словъ Шишкова Николай написалъ: «*и правъ былъ*»; но и Шишковъ, и Николай забыли, что Россія не имѣла императора уже 8 дней, а, благодаря поступку Николая, у нея стало два государя, но въ дѣйствительности не было ни одного.

[3]) Шильдеръ—тамъ же, 187—8 стр.

[4]) Курсивъ нашъ.

[5]) Противъ этихъ словъ въ рукописи Корфа Николай написалъ: «не знаю, съ чего Милорадовичъ могъ сіе объявить, ибо мнѣ содержаніе манифеста было вовсе неизвѣстно».

[6]) Предсѣдатель Совѣта.

наго Совѣта, столь согласнымъ съ достоинствомъ сего верховнаго сословія»... [1]). Всѣ ухватились за эту счастливую мысль Оленина, которая, казалось, выводила «верховное сословіе» изъ той «степени», въ которой оно оказалось.

«Предсѣдатель, — продолжаетъ Оленинъ, — одобряя сію мысль, вмѣстѣ съ другими господами членами сталъ просить графа Милорадовича взять на себя трудъ убѣдительнѣйше просить великаго князя Николая Павловича удостоить Государственный Совѣтъ своимъ посѣщеніемъ, единственно въ томъ предметѣ, чтобъ изъ собственныхъ его устъ услышать непреложную его волю».

На самомъ же дѣлѣ эта спасительная мысль лишь осложнила затрудненіе Совѣта: Николай не пожелалъ явиться на засѣданіе, ссылаясь на то, что онъ не состоитъ членомъ Совѣта и потому не можетъ присутствовать на его засѣданіяхъ.

Что же теперь оставалось дѣлать?

Приходилось оставить въ сторонѣ «достоинство верховнаго сословія» и просить Николая принять Совѣтъ, хотя въ своихъ аппартаментахъ. Эту мысль подалъ тотъ же Оленинъ. «Разсуждая съ близстоящими господами членами, я понималъ, — пишетъ онъ, — что если его императорскому высочеству не угодно самому пожаловать въ собраніе, то, кажется, весьма прилично (?) будетъ достоинству сего верховнаго сословія испросить дозволенія явиться in corpore предъ лицо его императорскаго высочества и, принявъ изустное его приказаніе, исполнить немедленно оное, какъ непреложное повелѣніе той высокой особы, которой мы въ семъ затруднительномъ обстоятельствѣ должны, по ближайшему соображенію, безмолвно повиноваться».

Вторично быть отправленъ Милорадовичъ къ Николаю и на этотъ разъ возвратился «съ милостивѣйшимъ отвѣтомъ и дозволеніемъ тотчасъ явиться къ его высочеству», что и «поспѣшили» исполнить члены Совѣта.

«Лишь только мы всѣ вошли въ пріемную залу бывшихъ комнатъ в. к. Михаила Павловича, — продолжаетъ Оленинъ, — то графъ Милорадовичъ пошелъ сказать о приходѣ нашемъ Николаю Павловичу». Послѣдній не заставилъ себя ждать и тогда-то разыгралась высоко-интересная сцена, въ которой Государственный Совѣтъ воистину поддержалъ то *достоинство* верховнаго сословія, о которомъ такъ заботился Оленинъ, а Николай показалъ себя настоящимъ мастеромъ до психологическихъ маневровъ.

«Великій князь, оставаясь между нами и держа правую руку и указательный палецъ простертыми надъ своею головою, призывая, такъ сказать, сими движеніями Всевышняго во свидѣтели искренности его

---

[1]) Сборники Истор. О-ва, т. XX, стр. 507.

помышленій, являлъ въ лицѣ своемъ, сколько можно ему было, болѣе твердости, но глубокая грусть, на челѣ его напечатлѣнная, и слѣды горькихъ и многихъ слезъ по блѣднымъ его щекамъ, а также по временамъ и судорожное движеніе всего тѣла, показывали какою сильною онъ былъ удручаемъ печалью. Въ этомъ ужасномъ положеніи онъ произнесъ слѣдующія слова:

«Господа, я васъ прошу, я васъ убѣждаю, для спокойствія государства, немедленно, по примѣру моему и войска, принять присягу на вѣрное подданство Г. И. К—ну П—чу. Я никакого другого предложенія не приму и ничего другого и слушать не стану».

«Тутъ онъ былъ прерванъ рыданіями членовъ Г. Совѣта, и нѣкоторые голоса произнесли между другими восклицаніями: «какой великодушный подвигъ!»

«Никакого тутъ нѣтъ подвига,—воскликнулъ великій князь,—въ моемъ поступкѣ нѣтъ другого побужденія, какъ только исполнить священный долгъ мой предъ старшимъ братомъ. Никакая сила земная не можетъ перемѣнить мыслей моихъ по сему предмету и въ этомъ дѣлѣ. Я ни съ кѣмъ совѣтоваться не буду и ничего не вижу достойнаго похвалы. Я исполняю мою обязанность и больше ничего. Мнѣ бы весьма больно было, если бы кто-либо изъ васъ, милостивые государи, могъ подумать, чтобъ я минуту на какой другой мысли могъ остановиться, кромѣ присяги моей природному моему и вашему государю Константину Павловичу по кончинѣ брата и благодѣтеля моего Александра».

«Тутъ всѣ сдѣлали движеніе, чтобъ облобызать великаго князя. Онъ многихъ предупредилъ, цѣлуясь и бравши за руку».

Князь Голицынъ, очевидно не теряя еще надежды повлiять на Николая при помощи «земной силы», сталъ просить, по выраженію Оленина, «для совершенной очистки ихъ совѣсти передъ покойнымъ государемъ прочитать его послѣднюю, такъ сказать, волю и отреченіе Константина». Отказываясь читать, онъ говорилъ, что содержаніе бумаги ему извѣстно; «но Голицынъ приступилъ къ нему неотвязно, такъ что онъ напослѣдокъ взялъ ее, прочиталъ поспѣшно вслухъ и, поцѣловавъ Голицына съ жаромъ въ голову, сказалъ: «знаю, Александръ Николаевичъ, знаю все; но прошу васъ со слезами, успокойте меня и матушку; подите къ ней и скажите, что вы присягаете К—ну П—чу» [1]).

Послѣ этого, «когда услыхали мой рѣшительный отказъ и требованіе (!) присяги,—пишетъ Николай Павловичъ,—графъ Литта первый сказалъ: «по волѣ покойнаго государя, мы, не присягнувшіе К—ну П—чу, признаемъ васъ нашимъ государемъ; вы одни можете

---

[1]) Записки Шишкова, Берлинъ 1870 г. т. II. Шильдеръ, 500 стр.

Князь
Е. П Оболенскій.

Княгиня Трубецкая.

намъ повелѣвать, и, буде воля ваша непреклонна, мы должны вамъ повиноваться, но просимъ, ведите насъ къ присягѣ»—что я и исполнилъ съ охотою».

Такъ состоялась присяга Государственнаго Совѣта въ придворной церкви и такъ вышелъ онъ изъ затруднительнаго положенія; какъ видимъ, изъ него вывелъ Совѣтъ болѣе чѣмъ поспѣшное рѣшеніе: принятіе его не сопровождалось ни обсужденіями, ни голосованіемъ а произошло лишь по простому предложенію одного изъ членовъ насколько это предложеніе соотвѣтствовало необходимости и благу для Россіи и даже самихъ великихъ князей-императоровъ—этого не принималось во вниманіе: объ участи Россіи и возможныхъ для нея послѣдствіяхъ совершенно забыли, а всякій старался какъ бы не нарушить непреклонную волю Николая.

Но этого было мало. Для того, чтобы закончить свое странствованіе по дворцу, Государственный Совѣтъ направился на половину Маріи Θеодоровны.

«Здѣсь, по словамъ Оленина, насъ ожидала плачевнѣйшая и величественнѣйшая живая картина, какую можно въ жизни видѣть.

«Двери въ кабинетъ растворились. Неподалеку отъ нихъ въ креслахъ сидѣла вдовствующая государыня... Она сидѣла въ креслахъ въ совершенномъ, но величественномъ отчаяніи. Она не плакала, не рыдала, но глаза ея были тусклые, и все лицо покрыто было красными и бѣлыми пятнами. Тутъ, забывъ обыкновенный придворный этикетъ, мы бросились къ ней и ее окружили безъ всякихъ чиновъ; она заговорила, и мы всѣ зарыдали.

«—Хотя въ положеніи моемъ, — говорила вдовствующая государыня,—мнѣ весьма тяжко чѣмъ-либо другимъ заниматься, кромѣ настоящаго моего несчастья, но я хотѣла васъ видѣть, чтобы вамъ изустно подтвердить, что мнѣ совершенно извѣстно положеніе, сдѣланное моимъ Александромъ въ разсужденіи Николая,—мнѣ извѣстно, и я васъ увѣряю, что все это сдѣлано по доброй волѣ и по непринужденному согласію моего Константина, но что со всѣмъ тѣмъ я совершенно соглашаюсь и одобряю поступокъ этого ангела»—взявъ в. к. Н. П., который уже подлѣ нея стоялъ, за руку. Тутъ всѣ, кто только ближе стоялъ къ ея величеству, бросились къ ея рукамъ, чтобъ ихъ облобызать. Она, привставъ изъ своихъ креселъ и жалуя руки свои намъ, продолжала свою рѣчь, но разслушать нельзя было... за измѣняющимся ея отъ рыданія голосомъ и за обшимъ, такъ сказать, нашимъ плачемъ и стономъ».

Такъ кончилось это единственное въ своемъ родѣ и безпримѣрное засѣданіе высшаго государственнаго учрежденія, сведеннаго на степень государевой канцеляріи.

Такъ окриками, слезами и поцѣлуями «сломилъ» Николай Павловичъ «своевольный» Совѣтъ.

Но не то его ожидало, когда его «непреложная» воля встрѣтилась съ самодержавною волею Константина Павловича.

V.

Сношенія братьевъ-императоровъ.

Въ то время какъ изъ Варшавы скакалъ Михаилъ Павловичъ съ письмами отъ *наслѣдника* Константина къ императору Николаю, въ это же время изъ Петербурга были отправлены протоколъ описаннаго нами засѣданія Государственнаго Совѣта и письма отъ *великаго князя* Николая къ императору Константину. Великій князь писалъ:

«Любезный Константинъ! Предстою передъ моимъ *государемъ* съ присягою, которою ему обязанъ, которую уже и принесъ ему, со всѣми меня окружавшими, въ церкви, въ ту самую минуту, когда разразилась надъ нами вѣсть о жесточайшемъ изъ всѣхъ насчастій. Какъ сострадаю я вамъ и какъ всѣ мы несчастны! Бога ради не покидайте насъ и не оставляйте однихъ. Вашъ братъ и вашъ вѣрный подданный на жизнь и на смерть Николай» [1]).

Одновременно онъ писалъ другому брату Михаилу:

«Милый Михаилъ, другъ мой, ты все знаешь; мы все потеряли, все; остались намъ однѣ слезы. *Я долгъ святой исполнилъ* [2]), и Богъ помогъ мнѣ—всѣ мнѣ послѣдовали, всѣ, наша безцѣнная гвардія исполнила также долгъ свой вездѣ. *Сердце чисто у насъ*... Мы ждемъ нетерпѣливо государя, дай Богъ поскорѣе видѣть передъ нами, и ты ради Бога пріѣзжай. Вспомни меня и сжалься».

Кромѣ того, Николай собственноручно написалъ письмо Дибичу, полученіе котораго поставило его въ затруднительное положеніе и заставило сдѣлать рядъ «ошибокъ» [3]).

«Послѣ постигшаго насъ бѣдствія,—писалъ Н. П.,—однимъ могли мы заплатить послѣдній долгъ тому, кто наше счастіе чинилъ, покуда онъ былъ въ живыхъ. Его именемъ, видя, чувствуя какъ бы предъ его лицомъ, я принесъ присягу моему законному государю И. К. П. Теперь моя совѣсть спокойна и передъ тѣмъ, котораго всю жизнь оплакивать будемъ, и предъ законнымъ моимъ государемъ—а потомъ *да будетъ воля Твоя!*

---

[1]) Французскій текстъ письма приведенъ Шильдеромъ. «Николай I», т. I, стр. 196 у Корфа приведено письмо въ переводѣ, гдѣ *вы* замѣнено *ты;* это прямо возмутило Шильдера.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Рус. Стар. 82 г. іюль, 184—6 стр.

«Съ искреннимъ душевнымъ удовольствіемъ долженъ я вамъ донести, что все послѣдовало моему примѣру; гвардія, городъ, все присягнуло; я самъ привелъ Совѣтъ къ присягѣ при себѣ. Все спокойно и тихо, одни мы несчастные безутѣшные остались сироты!..

«Поцѣлуйте за несчастнаго брата гробъ его благодѣтеля, помолитесь у него, чтобъ онъ меня не оставилъ; я имъ дышу, имъ *дѣйствую;* пусть онъ мнѣ предводительствуетъ!...» [1]).

Такимъ образомъ, Константинъ Павловичъ, вмѣсто ожидаемыхъ «дальнѣйшихъ повелѣній отъ вступавшаго на престолъ государя императора», получилъ извѣстіе о принесенной ему присягѣ.

«Легко себѣ представить,—пишетъ Шильдеръ,—послѣ всего вышесказаннаго, удивленіе, гнѣвъ и огорченіе, испытанные цесаревичемъ К-номъ П-чемъ, когда получилъ донесеніе, что вся Россія присягаетъ ему, какъ законному государю, и что воля почившаго императора не исполнена и оставлена безъ вниманія», когда онъ услышалъ отъ посланнаго Николая, Лазарева: «имѣю счастіе явиться, ваше императорское величество».

«При послѣднихъ словахъ,—доносилъ Лазаревъ Николаю,—у его величества видна была перемѣна въ лицѣ, съ которою онъ меня и отпустилъ». Затѣмъ къ нему едва ли не приставили стражу, чтобы онъ никуда не выходилъ и ни съ кѣмъ не сообщался, и на слѣдующій день, въ 9 часовъ утра, его отправили обратно съ гнѣвными письмами Константина.

«Вашъ адъютантъ, любезный Николай,—писалъ онъ,—по прибытіи сюда, вручилъ мнѣ въ точности ваше письмо. Я прочелъ его съ живѣйшею горестью и печалью. Мое рѣшеніе *непоколебимо* и освящено моимъ покойнымъ благодѣтелемъ, императоромъ и повелителемъ. Приглашеніе ваше пріѣхать скорѣе не можетъ быть принято мною, и я объявляю вамъ, что удалюсь еще далѣе, если все не устроится согласно волѣ покойнаго нашего императора. Вашъ на жизнь вѣрный и искренній другъ и братъ Константинъ» [2]).

Въ еще болѣе рѣзкомъ и рѣшительномъ тонѣ былъ написанъ отвѣтъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта, Лопухину. Константина Павловича возмутилъ цѣлый рядъ нарушеній, допущенный Совѣтомъ, повинуясь «самодержавной» волѣ Николая.

«Поставляя всегда священнѣйшую обязанность,—писалъ Константинъ,—исполнять съ глубочайшимъ благоговѣніемъ волю покойнаго Г. И., я вмѣняю себѣ непремѣннымъ долгомъ изъявить при семъ случаѣ: что сдѣланную мнѣ... присягу почитаю вовсе противною

---

[1]) «Рус. Стар.» 82 г. іюль, 178—9 стр. Ужасно странно читать это письмо о дѣйствіи *именемъ* покойнаго императора, когда Николай утверждалъ, что если бы ему былъ даже извѣстенъ манифестъ, онъ все-таки присягнулъ бы Константину.

[2]) Письмо отъ 2-го декабря. Шильдеръ, 219 стр.

волѣ покойнаго Г. И., а потому самому, какъ совершенно ничтожную, я не принимаю и не долженъ принять.

«Вашей свѣтлости и Г-ному Совѣту не безъизвѣстно было изъ хранившагося въ архивѣ Государственной Канцеляріи, за замкомъ и и печатью предсѣдателя, пакета, присланнаго отъ покойнаго Г. И. 16 августа 1823 года, съ изображеніемъ послѣдней Е. В. воли, ознаменованной въ копіи въ В. манифеста, въ коемъ Е. В. опредѣляетъ быть наслѣдникомъ престола В. К. Н. П., по свободному моему отъ онаго отреченія...

«При чемъ Вашей свѣтлости и то сказать долженъ, что присяга не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за императорскимъ подписаніемъ.

«Долгомъ поставляю изъявить съ крайнимъ прискорбіемъ Г. Совѣту, что въ семъ случаѣ отступлено имъ отъ законной обязанности, принесеніемъ мнѣ неслѣдуемой присяги, тѣмъ болѣе, что сіе учинено безъ моего вѣдома и согласія; а сдѣланная нынѣ присяга, завлекшая и другихъ, подавъ примѣръ къ неисполненію вѣрноподданническаго долга, есть неправедна и незаконна, и для того должна быть уничтожена и, вмѣсто оной, принесена Е. И. В. Н. П.» [1]).

Такъ отчитывалъ Константинъ на правахъ самодержца «государеву канцелярію», сваливая на нее всю отвѣтственность за исполненіе «самодержавной» воли Николая.

Будучи юридически совершенно правымъ, онъ могъ ожидать исполненія манифеста, но для этого, конечно, не было никакой необходимости удаляться еще дальше отъ Варшавы, если бы этого не исполнили; напротивъ, послѣднее именно могло обязывать Константина явиться въ Петербургъ и лично привести Россію къ присягѣ Николаю. Но непреклонная воля самодержца выразилась въ упорномъ нежеланіи чѣмъ-либо помочь дѣйствительно затруднительному положенію; но, написавъ угрозу Николаю и выговоръ Государственному Совѣту, онъ не пошелъ дальше выговоровъ. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ его отвѣтъ генералу Потапову на мольбы послѣдняго принять корону.

Возвращая письмо обратно въ *разорванномъ* видѣ, Константинъ писалъ:

«Изъ одного уваженія къ вамъ, Алексѣй Николаевичъ, распечаталъ я письмо, которое вы мнѣ прислали съ неподлежащею надписью. Я чуждъ всѣхъ дѣйствій противозаконныхъ. Явленіе передъ гвардіею, народомъ и тому подобное, суть дѣйствія, которыя я воздерживаюсь назвать истиннымъ словомъ сему роду поступковъ принадлежащихъ. Жалѣю весьма, что вы, зная меня столь съ давняго

[1]) Корфъ—тамъ же, 207—о стр.

времени, думали найти во мнѣ готовность сему образу дѣйствій поддаться. Умалчиваю, сколь мнѣ больно лично, что досель меня не знали, одно мнѣ остается сдѣлать изъ угожденія къ вамъ, т.-е, напомнить долгъ вашей присяги къ покойному государю и возвратить къ вамъ ваше письмо, разодранное для уничтоженія, дабы тѣмъ очистить вашу совѣсть, ибо писано въ духѣ заблужденія и подъ личиною усердія оказующаго духъ неповиновенія и отступленія отъ долга обязанностей вашихъ. Долгъ вѣрноподданнаго есть слѣпое и безмолвное повиновеніе къ высшей и священной власти [1])».

Нечего, конечно, и говорить, что подобные отписки и выговоры нисколько не могли улучшить дѣла, и бѣда въ томъ, что они дѣлались въ полномъ убѣжденіи въ ихъ дѣйствительности.

А между тѣмъ положеніе осложнялось равнымъ упорствомъ «непреложной» воли Николая.

3-го декабря, рано утромъ, Михаилъ привезъ въ Петербургъ *рѣшительную* волю Константина, его рѣшительный отказъ отъ престола, выраженный въ приведенныхъ нами выше письмахъ. Однако, Николай не удовлетворился этими письмами и нашелъ, что они не рѣшаютъ вопроса; поэтому рѣшился скрывать ото всѣхъ истинное положеніе вещей до поры до времени. Для пріѣзда великаго князя былъ выдуманъ предлогъ—сыновняя любовь, а объ императорѣ Константинѣ напечатали сущую выдумку, ровно ничего не говорившую и не только не разъяснявшую о положеніи *государя*, но еще болѣе смущавшую умы, и безъ того уже начинавшіе бродить проникавшими смутными слухами.

Жители Петербурга 3-го декабря въ газетахъ читали:

«Его величество государь императоръ Константинъ Павловичъ находится, благодаря Всевышнему, въ вожделѣнномъ здравіи». О великомъ князѣ сообщалось: «Ея величество государыня императрица обрадована возвращеніемъ изъ Варшавы его высочества государя великаго князя Михаила Павловича, который, слѣдуя влеченію нѣжнаго сыновняго сердца, поспѣшилъ къ ней немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженныя памяти и. А-ра П-ча» [2]).

---

[1]) Шильдеръ—тамъ же, 224 стр. Надо замѣтить, что Константинъ уже не совсѣмъ-то стоялъ въ сторонѣ отъ «текущихъ» дѣлъ и не всегда возвращалъ письма съ «неподлежащею надписью». Такъ на донесеніе Дибича о тайныхъ обществахъ 1-го декабря онъ «совѣтовалъ» немедленно принять рѣшительныя мѣры. «Тѣ же самыя мѣры,—писалъ онъ,—по мнѣнію моему, надлежитъ принять и въ разсужденіи полковника Пестеля, на котораго падаетъ подозрѣніе въ участіи по сему обстоятельству». «Рус. Стар.» 82 г. іюль, 179 стр.

[2]) 6-го же декабря въ 146 № «Сѣверной Пчелы» извѣщалось: «Государыня императрица Марія Θеодоровна изволила вчера къ вечеру получить извѣстія, удостовѣряющія о вожделѣнномъ здравіи Г. И. и обнадеживающія о скоромъ его прибытіи въ столицу». Это былъ сплошной вымыселъ, кромѣ «вожделѣннаго здоровья» наслѣдника.

Однако, эта ложь, принятая «во спасеніе», никого не обманула Вѣсть о пріѣздѣ Михаила Павловича, при тогдашнемъ напряженномъ вниманіи всего петербургскаго населенія, разнеслась очень быстро и всѣ, кто могъ, прежде всего устремились во дворецъ. «Присягнулъ ли уже Михаилъ Павловичъ?»—спрашивалъ каждый. И отрицательный отвѣтъ лицъ свиты не оставлялъ никакого сомнѣнія на счетъ истиннаго положенія [1]).

А оно продолжало быть самымъ неопредѣленнымъ и смутнымъ для всѣхъ.

«Матушка заперлась съ М. П.,—пишетъ о пріѣздѣ брата Николай,—я ожидалъ въ другомъ покоѣ, и ожидалъ рѣшенія своей участи—минута неизгладимая! Наконецъ, дверь отперлась и матушка мнѣ сказала: «Итакъ, Николай, преклонитесь предъ вашимъ братомъ Константиномъ: онъ вполнѣ достоинъ почтенія и высокъ въ неизмѣняемомъ рѣшеніи передать вамъ тронъ» [2]). Признаюсь мнѣ слова сіи тяжело было слушать, и я въ томъ винюсь; но я себя спрашивалъ: кто большую приноситъ изъ насъ двухъ жертву?—тотъ ли, который отвергалъ наслѣдство отцовское, подъ предлогомъ своей неспособности, и который, разъ на сіе рѣшившись, повторяетъ токмо свою неизмѣнную волю и остается въ томъ положеніи, которое самъ себѣ создалъ сходно всѣмъ своимъ желаніямъ, или тотъ, который вовсе не готовился къ званію, на которое, по порядку природы, вовсе не имѣлъ никакого права, которому воля братская была всегда тайной, и который неожиданно въ самое тяжелое время и въ ужасныхъ обстоятельствахъ долженъ былъ жертвовать всѣмъ, что ему было дорого, дабы покориться воли другого! Участь страшная! и смѣю думать и нынѣ, послѣ 10-ти лѣтъ, что жертва моя была въ моральномъ, въ справедливомъ смыслѣ гораздо тягче.

«Я отвѣчалъ матушкѣ: «Прежде чѣмъ я преклонюсь, какъ вы говорите, маменька, позвольте мнѣ узнать побудительную къ тому причину; ибо это еще вопросъ, которую изъ двухъ жертвъ въ этомъ случаѣ долженъ считать выше: со стороны ли отказывающагося, или же со стороны принимающаго!» [3]).

Чтобы быть логичнымъ, въ этомъ разговорѣ всякій долженъ видѣть извѣстное содержаніе, именно опредѣленное рѣшеніе о принятіи трона Николаемъ; но не то было на самомъ дѣлѣ. Ему удалось

---

[1]) При дворѣ и въ публикѣ возникаютъ нѣкоторыя соображенія и сомнѣнія насчетъ будущаго—писалъ Потаповъ Дибичу 3-го декабря. «Пошли догалки, а въ особенности обстоятельство не присяги Михаила Павловича навело на всѣхъ сомнѣніе, что скрывалось отреченіе Константина Павловича»—пишетъ въ своихъ запискахъ Николай Павловичъ.

[2]) Сказано было по-французски.

[3]) См. предыдущую сноску.

убѣдить Марію Θеодоровну, что бумаги, присланныя наслѣдникомъ, *нельзя обнародовать безъ всякой опасности*, а что надо просить «брата прибавить къ нимъ другой актъ въ видѣ манифеста, который рѣшилъ бы окончательно спорный вопросъ, кому царствовать»; поэтому 3-го декабря въ Варшаву были посланы письма отъ Николая Павловича и Маріи Θеодоровны.

Но если въ приведенной перепискѣ мы наблюдали особенную, своеобразную черту, ее характеризующую, то въ этомъ письмѣ Николая и отвѣтѣ на него эта черта достигла высшей точки; если въ прежнихъ письмахъ выражалась «непреклонная» воля или рѣшеніе, если они содержали въ себѣ угрозы и «головомойки», то въ письмахъ, которыми Николай думалъ окончательно рѣшить вопросъ, не содержится ничего, кромѣ сентиментальныхъ изліяній растроганныхъ братьевъ; если Николай находилъ невозможнымъ опубликовать прежнія письма Константина Павловича, то было бы прямо смѣшно опубликовать его послѣдній отвѣтъ.

Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, надо прочесть самые подлинники и мы нарочно приведемъ одинъ изъ нихъ цѣликомъ.

«Припадая къ стопамъ вашимъ, — писалъ Николай Павловичъ,— какъ братъ, какъ подданный, я молю васъ о прощеніи, о благословеніи, дорогой, дорогой Константинъ; рѣшайте мою судьбу, приказывайте вашему вѣрному подданному и разсчитывайте на его безпрекословное послушаніе [1]). Что же, великій Боже, я могу сдѣлать, что могу сказать вамъ? Вы имѣете мою присягу, я вашъ подданный, я могу лишь покоряться и повиноваться вамъ; я сдѣлаю это потому, что таковъ мой долгъ, ваша воля, моего владыки, моего государя, и который никогда не перестанетъ быть имъ для меня; но сжальтесь надъ несчастнымъ, единственное утѣшеніе котораго заключается въ убѣжденіи, что онъ исполнилъ свой долгъ (?) и другихъ заставилъ сдѣлать то же самое; но если я и былъ не правъ, то я слѣдовалъ лишь чувству моего сердца, чувству, слишкомъ вкоренившемуся, слишкомъ глубоко запечатлѣвшемуся въ моей душѣ съ самаго дѣтства, чтобы я могъ когда-либо хоть на одно мгновеніе отрѣшиться отъ него, чувству, которое стало лишь болѣе священнымъ въ моихъ глазахъ послѣ того, какъ я узналъ о намѣреніяхъ моего благодѣтеля и вашихъ! «Онъ, который видитъ насъ, который судитъ насъ, потому что онъ читаетъ въ глубинѣ нашихъ душъ, я призываю его, этого ангела, нашего благодѣтеля, и пусть онъ будетъ судьей между нами. Могъ ли я по человѣческимъ понятіямъ поступить иначе, могъ ли я, даже забывая свою честь, свою совѣсть, могъ ли я рисковать положеніемъ

[1]) Странно это увѣреніе послѣ того, что приказаніе и воля Константина не были исполнены Николаемъ въ тотъ же день, когда писались эти строки.

государства, этого обожаемаго отечества? Такимъ образомъ я исполнилъ свой долгъ и передъ вами, моимъ государемъ, и передъ моимъ отечествомъ, долгъ священный, но ничего болѣе какъ долгъ, такъ какъ у меня не было никакой задней мысли; увы, я васъ зналъ достаточно, *чтобы не сомнѣваться, къ какому я приду результату* [1]), но, по крайней мѣрѣ, я осмѣливаюсь надѣяться, что вы не могли бы оскорбить меня, допуская возможность съ моей стороны другого образа дѣйствій. Теперь же съ чистою душею передъ вами, мой государь, передъ Богомъ, моимъ Спасителемъ, и передъ тѣмъ ангеломъ, которому я обязанъ былъ воздать этотъ долгъ, это обстоятельство, подыщите слово, какое хотите, я чувствую, но не могу выразить это, спокойно и безропотно покоряюсь я вашей волѣ и повторяю вамъ здѣсь клятву передъ Богомъ исполнить вашу волю, какъ бы тягостна она ни была для меня. Я не могу сказать вамъ ничего большаго: такъ я исповѣдался передъ вами, какъ бы передъ самимъ Богомъ».

Письмо это писано и послано 3-го декабря. Для чего понадобилось Николаю ждать цѣлыхъ *девять* сутокъ отвѣта на эту витіеватую и сентиментальную «исповѣдь», когда положеніе дѣла было до чрезвычайности затруднительно, и когда онъ отлично зналъ, «къ какому результату все придетъ», даже болѣе того, когда онъ уже рѣшилъ повиноваться волѣ Константина, которая была «непреклонной», хорошо извѣстной и которая состояла въ требованіи взойти на престолъ. Что могъ дать для спокойствія его души и совѣсти отвѣтъ на эти изліянія сентиментальности? Онъ могъ, конечно, получить и новое неудовольствіе, но получилъ такое же изліяніе сердечныхъ чувствъ, да еще нравоученіе, какъ «ничего не нужно выдумывать, но, дѣйствуя въ духѣ нашего покойнаго императора, поддерживать и укрѣплять то, что было сдѣлано имъ, и что стоило ему столькихъ трудовъ и, быть можетъ, даже свело въ могилу, такъ какъ физическая сторона поборола нравственную. Однимъ словомъ,—писалъ Константинъ,—примите за основаніе, что вы лишь уполномоченный покойнаго благодѣтеля, и что въ каждое мгновеніе вы должны быть готовы отдать ему отчетъ въ томъ, что вы дѣлаете и что сдѣлаете».

«Рѣшительный курьеръ воротился,—писалъ Николай Дибичу 12-го декабря въ 9 часовъ вечера, получивъ отвѣтъ на свою «исповѣдь»—послѣ завтра поутру я — или государь или *безъ дыханія*. Я жертвую собой для брата; счастливъ, если, какъ *подданный*, исполню волю его. Но что будетъ въ Россіи? Что будетъ въ арміи?»

Что же могло быть въ Россіи, что могло быть въ арміи—зададимъ мы въ свою очередь вопросъ, когда Николай во всѣхъ письмахъ увѣрялъ, что всюду полная тишина и благополучіе? Но прежде чѣмъ

[1]) Курсивъ нашъ.

отвѣтить на этотъ вопросъ. мы должны рѣшить другой, кто былъ виновникомъ того положенія, которое создалось въ Россіи со смерти Александра I? Описавши ходъ событій междуцарствія и всѣ подробности сношеній братьевъ-императоровъ, мы теперь можемъ и должны отвѣтить, кто виновникъ междуцарствія 1825 года. Мы уже отчасти отвѣтили на это выше и указали, какъ на одного изъ главныхъ виновниковъ, на Александра I, на ту таинственность, которою онъ окуталъ столь важный, къ тому же всецѣло требовавшій полной гласности вопросъ.

Несомнѣнно, что будь опубликованъ манифестъ 16-го августа 1823 года, вопросъ рѣшался бы просто. Измѣненія, подобныя содержавшемуся въ манифестѣ, бывали въ Россіи не разъ, и никогда не вызывали недоразумѣній, если съ этимъ не связывались другія обстоятельства. Въ подобныхъ случаяхъ русскому народу мало было дѣла, *кто* будетъ царствовать; дѣло осложнялось лишь тогда, когда съ этимъ связывались условія, *какъ* будетъ царствовать. Тѣмъ менѣе могла вызвать недоразумѣнія добровольная замѣна одного брата другимъ.

Однако, манифестъ остался необнародованнымъ [1]). Но вѣдь онъ существовалъ; даже въ четырехъ экземплярахъ, и даже находился въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и самомъ священномъ мѣстѣ Москвы; къ тому же на немъ была надпись «раскрыть прежде всякихъ дѣйствій», когда царь царствующихъ призоветъ Александра.

Почему же не исполнили его волю, не выполнили этой надписи и содержанія манифеста? Кто этому виной?

Конечно не Константинъ Павловичъ. Въ этомъ отношеніи его слова вполнѣ подтверждались поступками; «его сердце было чисто» передъ «благодѣтелемъ». Ему манифестъ даже не былъ извѣстенъ, но онъ зналъ рѣшеніе, принятое сообща съ императоромъ, и цѣликомъ его выполнилъ [2]).

Другое дѣло Николай Павловичъ. Мы выше сказали, что именно онъ снова поднялъ рѣшенный уже вопросъ, кому изъ двухъ братьевъ царствовать; намъ остается здѣсь только повторить это.

Свои дѣйствія во время междуцарствія Николай объяснялъ «обстоятельствами», въ которыхъ ему «невозможно было поступить иначе», считая свою присягу «долгомъ».

---

[1]) По этому поводу современникъ событія писалъ: «Ежели Александръ сколько-нибудь любилъ свое отечество, которое дало ему въ 1812 году такія неоспоримыя доказательства своей преданности, то какимъ же образомъ могъ онъ хладнокровно повергнуть Россію опасности междоусобной войны?» «Нельзя играть съ законнымъ наслѣдіемъ престола, какъ съ частною собственностью»—писалъ по тому же поводу принцъ Евгеній.

[2]) Это, конечно, не значитъ, что онъ сдѣлалъ все, что долженъ былъ сдѣлать. «Въ его дѣйствіяхъ,—пишетъ историкъ,—въ этомъ пассивномъ созерцаніи происходящаго, сказывается своего рода утомленіе отъ подвига, быть можетъ сожалѣніе о немъ». Общ. движ. при Александрѣ I. Спб. 1905 г., 432 стр.

Какія же эти обстоятельства, которыя заставили его нарушить волю Александра и исполнить столь странный долгъ? Біографъ Александра и Николая, Шильдеръ, пытаясь указать эти обстоятельства, вспоминаетъ прежде всего вліяніе графа Милорадовича на великаго князя и его могущество въ придворныхъ сферахъ, какъ петербургскаго генералъ-губернатора.

Что касается послѣдняго, то несомнѣнно, что графъ велъ себя болѣе, чѣмъ независимо. Ссылаясь въ разговорѣ съ Шаховскимъ на незнаніе манифеста, онъ прибавилъ: «Могъ ли же я допустить, чтобы принесена была какая-нибудь присяга, кромѣ той, которая слѣдовала? Мой первый долгъ былъ требовать этого, и я почитаю себя счастливымъ, что великій князь тотчасъ же согласился на это». На замѣчаніе собесѣдника, что прежде слѣдовало бы прочесть манифестъ, а затѣмъ уже присягать, Милорадовичъ съ жестомъ отвѣтилъ:

«Извините,—корона для насъ священна, и мы прежде всего должны исполнить свой долгъ. Прочесть бумаги всегда успѣемъ (!), а присяга въ вѣрности нужна прежде всего. Такъ рѣшилъ и великій князь. У кого 60.000 штыковъ въ карманѣ, тотъ можетъ смѣло говорить. Разные члены совѣта пробовали мнѣ говорить и то и другое, но самъ великій князь согласился на мое предложеніе, и присяга была произнесена».

Довѣряя этимъ словамъ Милорадовича, Шильдеръ видитъ его огромное вліяніе на Николая. Но это едва ли такъ: конечно послѣдній могъ принять къ свѣдѣнію 60.000 войска, находившагося въ карманѣ у Милорадовича, но, описывая событія междуцарствія, онъ ни словомъ не упоминаетъ о давленіи со стороны Милорадовича. Правда, онъ могъ скрыть это изъ самолюбія, но въ дѣйствительности мы видимъ другія побудительныя причины дѣйствіямъ Николая.

Равносильно несостоятельнымъ намъ кажется предположеніе объ общественномъ вліяніи на ходъ событій, указаніе на симпатіи военныхъ сферъ къ Константину и, напротивъ, холодность ихъ къ Николаю. Намъ кажется, что общественное мнѣніе или симпатіи для братьевъ Александра не существовали. Въ этомъ отношеніи ихъ воззрѣнія ясно выражались заключительной фразой Константина въ письмѣ къ генералу Потапову: „*Долгъ вѣрноподданнаго есть слѣпое и безмолвное повиновеніе къ высшей священной власти*“.

Не трудно видѣть, что въ этомъ пониманіи высшей власти не можетъ быть мѣста общественному мнѣнію, какъ бы оно слабо ни выражалось [1]).

---

[1]) Мы не хотимъ сказать, чтобы указанныхъ симпатій не существовало; напротивъ, мы могли бы привести свидѣтельство кн. С. Трубецкого, вполнѣ достовѣрное въ этомъ отношеніи; но симпатій не существовало для братьевъ Александра.

Несомнѣнно одно, что обстоятельства требовали поступить такъ. какъ сдѣлали генералы, окружавшіе Александра въ Таганрогѣ, именно—ждать распоряженія законнаго наслѣдника Константина, тѣмъ болѣе, какъ правильно писалъ послѣдній, присяга не могла быть совершена по распоряженію *великаго князя,* а лишь по манифесту *императора,* и тѣмъ болѣе, что таковой манифестъ находился въ совѣтѣ, содержаніе его стало извѣстнымъ Николаю отъ Маріи Ѳеодоровны и князя Голицына. Если это произошло только послѣ личной присяги великаго князя, то во всякомъ случаѣ странно то упорство, съ которымъ онъ настаивалъ на присягѣ войскъ, Государственнаго Совѣта и всей Россіи. Если ему «трудно было выйти инымъ образомъ, какъ путемъ немедленной присяги» — какъ пишетъ Шильдеръ, то не лучше ли было пріостановить дальнѣйшее принесеніе присяги и ждать отвѣта изъ Варшавы? Къ этому прямо обязывала приведенная нами надпись на конвертѣ, въ которомъ находился манифестъ.

И, однако, Николай не обращаетъ на это все никакого вниманія и настаиваетъ на присягѣ.

Такъ отпадаютъ обстоятельства, на которыя ссылался Николай; объясненіе его поведенію надо искать въ тѣхъ сердечныхъ изліяніяхъ, которыя онъ дѣлаетъ въ своихъ письмахъ въ періодъ междуцарствія.

«Могъ ли по человѣческимъ понятіямъ поступить иначе, могъ ли я, даже забывая свою честь, свою совѣсть, могъ ли я рисковать положеніемъ государства, этого обожаемаго отечества?»—задаетъ вопросъ великій князь въ сентиментальномъ письмѣ къ своему брату отъ 3-го декабря. Нѣсколько строкъ ниже мы видимъ, что «обожаемому отечеству» были предпочтены личные мотивы. «Увы,—продолжаетъ въ письмѣ Николай,—я васъ зналъ достаточно, *чтобы не сомнѣваться, къ какому я приду результату,* но, по крайней мѣрѣ, я осмѣливаюсь надѣяться, что вы не могли бы оскорбить меня, допуская возможность съ моей стороны другого образа дѣйствій. Теперь же съ чистою душою передъ вами, мой государь.....»

Такъ вотъ что больше всего заботило Николая, вотъ что руководило его дѣйствіями, питало его настойчивость и упорство, торопило его присягу. Онъ боялся, что могутъ усумниться въ чистотѣ его помысловъ, могутъ обвинить его въ захватѣ чужой власти, наконецъ, присвоеніи братняго трона. Оказывается онъ зналъ заранѣе, чѣмъ все кончится, «къ какому придетъ результату», зналъ что Россія такъ или иначе, но *будетъ его,* поэтому и не спѣшилъ сѣсть на тронъ, не очистивши свою совѣсть передъ братомъ.

Что это такъ, намъ съ очевидностью доказываетъ то лишнее промедленіе, которое позволилъ Николай, посылая сентиментальное письмо

въ Варшаву 3-го декабря и дождавшись отвѣта на него до 12-го числа, когда вопросъ для него былъ совершенно ясенъ.

То же подтверждаютъ намъ и другія письма великаго князя. «*Сердце чисто у насъ*»—писалъ онъ 28-го ноября Михаилу Павловичу. «*Теперь моя совѣсть чиста*,—повторяетъ онъ не разъ въ письмѣ къ Дибичу,—и передъ тѣмъ, котораго всю жизнь оплакивать будемъ, и передъ законнымъ моимъ государемъ, а потомъ да будетъ воля твоя!»[1]). Такимъ образомъ и послѣднія слова подтверждаютъ, что Николай зналъ исходъ своихъ дѣйствій.

Такъ «священный долгъ», возвеличенный поэтомъ-романтикомъ и разглашенный великимъ княземъ-императоромъ, превращается въ разсчитанный и завѣдомый поступокъ, а «непреклонная воля» въ твердость неограниченной власти.

VI.

Первыя извѣстія о тайныхъ обществахъ. Доносы. Ростовцевъ.

Съ начала ноября 1825 года Россія уже не управлялась верховною властью самодержца. «Дѣла всѣ стали», «безпорядокъ во всемъ полный»,—вотъ какъ характеризуется положеніе государственныхъ дѣлъ современниками междуцарствія. Дѣйствительно, цѣлый мѣсяцъ Россія имѣла императора больнымъ, и потому не имѣла его управленія; цѣлыхъ 17 дней она имѣла двухъ императоровъ, но въ дѣйствительности не было ни одного.

«Въ такомъ положеніи,—пишетъ въ своихъ запискахъ Николай,—надо было рѣшиться или оставаться мнѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, отстраняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ, до коихъ въ строгомъ смыслѣ службы, какъ говорится, мнѣ дѣла не было, или участвовать въ нихъ и почти направлять тѣхъ людей, въ рукахъ коихъ, по званію ихъ, власть находилась. Въ первомъ случаѣ, соблюдая форму по совѣсти, я бы грѣшилъ, попуская дѣламъ искажаться, можетъ быть, безвозвратно, и тогда бы я заслужилъ въ полной мѣрѣ названія эгоиста; во второмъ случаѣ я жертвовалъ собою, съ убѣжденіемъ быть полезнымъ отечеству и тому, которому я присягнулъ. Я не усомнился, и влеченіе внутреннее рѣшило мое поведеніе. Одно было трудно: я долженъ былъ скрывать настоящее положеніе дѣлъ отъ мнительности матушки, отъ глазъ окружающихъ, которыхъ любопыт-

[1]) «Я каждую минуту ожидаю разрѣшенія К. П. на вступленіе мое на его мѣсто,—писалъ 12-го декабря Н. П. Дибичу.—Какъ и почему — здѣсь не мѣсто сказывать: скоро все объяснится и докажетъ, *что я, прежде всего, былъ честнымъ человѣкомъ*, а потому... *чистъ совѣстью* и дѣлами».

ство предугадывало истину. Но съ твердымъ упованіемъ на милость Божію я рѣшился дѣйствовать, какъ сумѣю. Городъ казался тихъ, такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ графъ Милорадовичъ, увѣряли и тѣ немногіе, которые ко мнѣ хаживали, ибо я не считалъ приличнымъ показываться и почти не выходилъ изъ комнатъ».

Рѣшившись дѣйствовать императорскою властью [1]), Николай переѣхалъ въ Зимній дворецъ, разославъ всюду распоряженія, чтобы «всѣ сношенія, нужныя съ мѣстами, здѣсь (Спб.) находящимися», дѣлались непосредственно черезъ него, онъ распечатывалъ всѣ бумаги, приходившія на Высочайшее имя, и самъ распредѣлялъ по принадлежности [2]).

Одно изъ такихъ «сношеній» было привезено въ Петербургъ 12-го декабря въ 6 часовъ утра съ надписью: «Его Императорскому Величеству. Отъ начальника главнаго штаба всеподданнѣйшій докладъ въ собственныя руки», и тотчасъ было подано Николаю. Пробѣжавъ докладъ, онъ, по выраженію Корфа, пришелъ въ несказанный ужасъ.

Изъ разговора съ Фредериксомъ, привезшимъ пакетъ, великій князь заключилъ, «что пакетъ содержалъ обстоятельство особой важности; я былъ въ крайнемъ недоумѣніи, на что мнѣ рѣшиться. Вскрыть пакетъ на имя императора былъ поступокъ столь важный, что рѣшиться на сіе казалось мнѣ послѣднею крайностью [3]), къ которой одна необходимость могла принудить человѣка, поставленнаго въ самое затруднительное положеніе—и пакетъ вскрытъ!

«Пусть вообразятъ себѣ, что должно произойти во мнѣ, когда, бросивъ глаза на включенное письмо отъ генерала Дибича, видѣлъ, что дѣло шло о существующемъ и только что открытомъ преступномъ заговорѣ, котораго отрасли распространились черезъ всю Имперію отъ Петербурга на Москву и до второй арміи въ Бессарабіи! Тогда только почувствовалъ я въ полной мѣрѣ всю тяжесть своей участи и съ ужасомъ вспомнилъ, въ какомъ находился положеніи. Должно было дѣйствовать, не теряя ни минуты, съ полною властію, съ опытностью, съ рѣшимостью: я не имѣлъ ни власти, ни права, на случай могъ только дѣйствовать черезъ другого, изъ одного довѣрія ко мнѣ обращающагося, безъ увѣренности, что совѣту (?) моему послѣдуютъ, и притомъ чувствовалъ, что тайну подобной важности должно было

---

[1]) Надо замѣтить, что онъ уже дѣйствовалъ такъ, съ самаго момента полученія извѣстія о смерти Александра.

[2]) Декабристъ Штейнгель пишетъ: «Приказано было солдатъ не выпускать изъ казармъ,—даже въ баню и наблюдать строго, чтобы не было никакихъ разговоровъ между ними».

[3]) Это странно читать, такъ какъ Корфъ, сочиненіе котораго читалъ самъ Николай Павловичъ, пишетъ, что послѣдній распечатывалъ бумаги, приходившія на Высочайшее имя. См. Восшествіе на престолъ Николая I. Стр. 71.

тщательнѣйше скрывать отъ всѣхъ, даже отъ матушки, дабы ея не испугать имъ преждевременно, заговорщикамъ не открывать, что замыслы ихъ уже не скрыты отъ правительства. Къ кому мнѣ было обратиться—*одному, совершенно одному безъ совѣта!*»

Докладъ Дибича содержалъ сводку всѣхъ донесеній добровольныхъ доносчиковъ изъ среды военныхъ, и изъ той же среды профессіональныхъ сыщиковъ, членовъ военной полиціи, учрежденной Александромъ послѣ возмущенія Семеновскаго полка въ 1821 году.

Документъ этотъ близко касается исторіи декабристовъ и ихъ общества и раскрываетъ намъ ходы, которыми правительство воспользовалось, чтобы открыть *тайное* общество; — поэтому мы приводимъ его ниже цѣликомъ, отсылая и читателя познакомиться съ нимъ.

Вспоминая въ своихъ запискахъ объ этомъ любопытномъ документѣ, Николай писалъ: «Показанія были весьма не ясны, не опредѣлительныя». Эта неясность увеличивалась тѣмъ, что въ Петербургѣ, о которомъ интереснѣе всего ему было знать, не было почти никакихъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе, первая мысль Николая, какъ онъ самъ пишетъ, была «узнать, кто изъ поименованныхъ лицъ въ Петербургѣ, и не медля ихъ арестовать». Но «изъ петербургскихъ заговорщиковъ, по справкѣ, никого не оказалось [1]) на-лицо; всѣ были въ отпуску, а именно: Свистуновъ, гр. Зах. Чернышевъ и Никита Муравьевъ, что болѣе еще утверждало справедливость подозрѣній, что они были въ отсутствіи для съѣзда [2]), какъ то въ запискахъ упоминалось. Графъ Милорадовичъ долженъ былъ вѣрить столь яснымъ уликамъ въ существованіи заговора и вѣроятномъ участіи и другихъ лицъ, хотя объ нихъ не упоминалось; онъ обѣщалъ обратить все вниманіе полиціи, но все осталось въ прежней безъясности».

Эта «безъясность», однако, не усыпила Николая, она только неправильно направила его дѣятельность. «Но притомъ долгомъ считаю въ честь нашей гвардіи сказать,—писалъ онъ Дибичу того же 12 декабря,—что я почти увѣренъ, что сообщниковъ подобнаго злодѣянія здѣсь весьма мало, или и вовсе нѣтъ. Тому служитъ неоспоримымъ доказательствомъ примѣрный порядокъ, соблюдаемый здѣсь по *всѣмъ* частямъ съ самаго ужаснаго 27-го числа; нѣтъ ни слуха о томъ, ни подозрѣнія въ чемъ-либо подобномъ, и, напротивъ, можно скорѣе сказать,—что почти *никогда* такого порядка при жизни государя здѣсь не бывало; я бы грѣшилъ предъ Богомъ и предъ самимъ собою, если бы говорилъ противное. Но «на Бога надѣйся и самъ не плошай» было и будетъ нашимъ правиломъ до конца, и мы не зѣваемъ».

[1]) Не вѣрно; Рылѣевъ былъ въ Спб., и онъ упомянутъ въ донесеніи; полиціи даже доносили о собраніяхъ у него.

[2]) Въ дѣйствительности они были въ разныхъ сторонахъ Россіи.

Но едва это было написано, какъ Николаю подаютъ пакетъ, принесенный молодымъ, еще только двадцатилѣтнимъ юношею, адъютантомъ командующаго гвардейскою пѣхотою, подпоручикомъ Ростовцевымъ. Пакетъ былъ адресованъ великому князю отъ генерала Бистрома, однако, въ немъ находилось письмо самого Ростовцева. Онъ писалъ:

«Ваше императорское высочество! Всемилостивѣшій государь! Три дня я тщетно искалъ случая встрѣтить васъ наединѣ, наконецъ, принялъ дерзость писать къ вамъ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, съ сердечнымъ удовольствіемъ замѣчалъ иногда ваше доброе ко мнѣ расположеніе, думая, что люди, васъ окружающіе, въ минуту рѣшительную не имѣютъ довольно смѣлости быть откровенными съ вами; горя желаніемъ быть по мѣрѣ силъ моихъ полезнымъ спокойствію и славѣ Россіи, наконецъ, въ увѣренности, что къ человѣку, отвергшему корону, какъ къ человѣку истинно благородному, можно имѣть полную довѣренность, я рѣшился на сей отважный поступокъ. Не почитайте меня ни презрѣннымъ льстецомъ, ни коварнымъ доносчикомъ; не думайте, чтобы я былъ чьимъ-либо орудіемъ или дѣйствовалъ изъ подлыхъ видовъ моей личности; нѣтъ, съ чистой совѣстью я пришелъ говорить вамъ правду.

«Безкорыстнымъ поступкомъ своимъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ, вы сдѣлались предметомъ благоговѣнія, и исторія, хотя бы вы никогда не царствовали, поставитъ васъ выше многихъ знаменитыхъ честолюбцевъ. Но вы только зачали славное дѣло,—чтобы быть истинно великимъ, вамъ нужно довершить оное.

«Въ народѣ и войскѣ распространился уже слухъ, что Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола. Слѣдуя рѣдко влеченію вашего добраго сердца, излишне довѣряя льстецамъ и наушникамъ, вы весьма многихъ противъ себя раздражили.

«Для вашей собственной славы подождите царствовать.

«Противъ васъ должно таиться возмущеніе; оно вспыхнетъ при новой присягѣ, и, можетъ быть, это зарево освѣтитъ конечную гибель Россіи».

Предсказывая далѣе въ письмѣ раздѣленіе Россіи, Ростовцевъ просилъ вызвать въ Петербургъ Константина Павловича и всенародно, на площади, принять корону или отречься отъ престола, и такъ закончилъ свои изліянія: «Ежели ваше воцареніе, что да дастъ Всемогущій, будетъ мирно и благополучно, то казните меня, какъ человѣка недостойнаго, желавшаго изъ личныхъ видовъ нарушить ваше спокойствіе; ежели же, къ несчастью Россіи, ужасныя предположенія мои сбудутся, то наградите меня вашею довѣренностью и позвольте мнѣ умереть возлѣ васъ».

Не прождалъ Ростовцевъ и десяти минутъ, какъ выходитъ Николай и ведетъ его въ кабинетъ. Здѣсь, затворивъ плотно дверь, онъ,

цѣлуя его нѣсколько разъ, сказалъ: «Вотъ чего ты достоинъ, такой правды я не слыхивалъ никогда!»

— Ваше высочество, не почитайте меня доносчикомъ и не думайте, чтобы я пришелъ съ желаніемъ выслужиться.

— Мой другъ, я давно знаю тебя за благороднаго человѣка, и подобная мысль недостойна ни тебя, ни меня. Я умѣю понимать тебя! Я отъ тебя личностей и не ожидаю. Но какъ ты думаешь, нѣтъ ли противъ меня какого-нибудь заговора?

— Не знаю никого. Можетъ быть многіе питаютъ неудовольствіе противъ васъ; но я увѣренъ, что люди благоразумные въ мирномъ воцареніи вашемъ видятъ спокойствіе Россіи. Вотъ уже пятнадцать дней, какъ гробъ лежитъ у насъ на тронѣ, и обыкновенная тишина не прерывалась, но, ваше высочество, въ самой этой тишинѣ можетъ крыться коварное возмущеніе.

— Мой другъ, можетъ быть, ты знаешь нѣкоторыхъ злоумышленниковъ и не хочешь назвать ихъ, думая, что сіе противно благородству души твоей, — и не называй! Ежели какой-либо заговоръ тебѣ извѣстенъ, то дай отвѣтъ не мнѣ, а Тому, Кто насъ выше! Мой другъ, я плачу тебѣ довѣренностью за довѣренность! Ни убѣжденія матушки, ни мольбы мои не могли преклонить брата принять корону; онъ рѣшительно отрекается. Въ приватномъ письмѣ проклинаетъ меня, что я провозгласилъ его императоромъ, и прислалъ мнѣ съ Михаиломъ Павловичемъ актъ отреченія. Я думаю, что этого будетъ довольно.

— Нѣтъ, ваше высочество, этого будетъ мало! Пусть онъ пріѣдетъ самъ и всенародно на площади провозгласитъ васъ своимъ государемъ.

— Что дѣлать! Онъ рѣшительно отъ этого отказывается.

— Для блага Россіи вы должны убѣдить его это сдѣлать.

— Мой другъ, онъ мой старшій братъ! Впрочемъ, будь покоенъ; нами всѣ мѣры будутъ приняты. Но ежели умъ человѣческій слабъ, ежели воля Всевышняго назначитъ иначе, ежели мнѣ нужно погибнуть, то у меня шпага съ темлякомъ: это вывѣска благороднаго человѣка. Я умру съ нею въ рукахъ, увѣренный въ правотѣ и святости своего дѣла, и съ чистою совѣстію предстану на судъ Божій.

— Ваше высочество, это личность. Вы думаете о собственной славѣ и забываете Россію: что будетъ съ нею?

— Мой другъ, можешь ли ты сомнѣваться, чтобы я любилъ Россію менѣе себя? Но престолъ празденъ, братъ мой отрекается, я единственный законный наслѣдникъ, Россія безъ царя быть не можетъ. Что же велитъ мнѣ дѣлать Россія? Нѣтъ, мой другъ, ежели нужно умереть, то умремъ вмѣстѣ [1]).

---

[1]) Здѣсь растроганные собесѣдники нѣсколько разъ поцѣловались.

Княгиня Волконская въ Читѣ.

Съ акварели Н. А. Бестужева (1828 г.).

— Ваше высочество, умоляю васъ: возьмите мою шпагу. Пусть послѣдствія обвинятъ меня или оправдаютъ.

— Нѣтъ, мой другъ, ты слишкомъ достоинъ носить ее. Подъ арестомъ ты не можешь быть полезенъ, а съ нею, въ случаѣ нужды, ты будешь вѣрнѣйшимъ щитомъ моимъ.

— Ваше высочество, позвольте еще просить васъ, чтобы это осталось между нами.

— Это останется навсегда въ сердцѣ моемъ! Этой минуты я никогда не забуду. Знаетъ ли Карлъ Ивановичъ [1]), что ты поѣхалъ ко мнѣ?

— Ваше высочество, онъ слишкомъ къ вамъ привязанъ; этимъ я не хотѣлъ огорчить его; сверхъ того, я полагалъ, что только лично съ вами я могу быть откровеннымъ на счетъ васъ.

— И не говори ему ничего до времени; я самъ поблагодарю его, что онъ, какъ человѣкъ благородный, умѣлъ найти въ тебѣ благороднаго человѣка и не ошибся.

— Ваше высочество, не дѣлайте мнѣ никакой награды; всякая награда осквернитъ мой поступокъ въ собственныхъ глазахъ моихъ.

— Наградой тебѣ—моя дружба. Прощай [2]).

Стоя передъ неизбѣжною участію и наэкзальтированный таинственными, неуловимыми слухами о предстоящей опасности, Николай не зналъ, гдѣ ему искать и спасенія и утѣшенія. 12-го же декабря онъ писалъ въ Таганрогъ Волконскому:

«Воля Божія и приговоръ братній надо мной совершается. 14-го числа я буду государь или *мертвъ*. Что во мнѣ происходитъ, описать нельзя; вы вѣрно надо мной сжалитесь—да, мы всѣ несчастные,—но нѣтъ несчастливѣе меня! Да будетъ воля Божія!... Вы меня прежде любили, сколько я могъ замѣтить; надѣюсь, что и теперь не усомнитесь въ искреннемъ уваженіи и дружбѣ моей».

Такъ наступала развязка того узла, который былъ лишь еще больше затянутъ Николаемъ дѣйствіями, вызванными эгоизмомъ и упорствомъ. Теперь ему одному пришлось быть въ отвѣтѣ, хотя виноватъ онъ былъ далеко не одинъ: оба его брата и Александръ и Константинъ равно подготовили то положеніе, изъ котораго Николай боялся не выйти живымъ. Опасность, конечно, была преувеличена, но она увеличивалась благодаря «безъясности» врага, неизвѣстности его нахожденія, откуда могъ напасть. Для своего спасенія надо было дѣйствительно «не зѣвать».

[1]) Генералъ Бистромъ.

[2]) На прощаніе слѣдовали объятія и поцѣлуи. Шильдеръ—тамъ же.

VII.

Канунъ 14-го декабря во дворцѣ.

«Рѣшительный курьеръ возвратился». Надо было кончать тѣмъ, съ чего надо было начать двѣ недѣли тому назадъ. Теперь же приходилось объяснять всю запутанность, всю странность двухнедѣльнаго междуцарствія. Задача едва ли легкая, во всякомъ случаѣ неблагодарная и рискованная. Рѣшить ее поручили Адлербергу, Карамзину и Сперанскому. Ими рѣшено было, что Николай настаивалъ на присягѣ Константину «не въ прерѣканіе дѣйствительной воли, изъявленной Его Высочествомъ, и еще менѣе не въ преслушаніе воли покойнаго государя Императора, общаго Нашего Отца и Благодѣтеля, воли для Насъ всегда священной, но дабы оградить коренный Законъ порядка наслѣдія Престола отъ всякаго прикосновенія, дабы отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній Нашихъ, и дабы предохранить любезно Отечество Наше отъ малѣйшей, даже и мгновенной неизвѣстности о законномъ его Государѣ». Ничего, что подобное рѣшеніе, на повѣрку, имѣло явное противорѣчіе въ самомъ себѣ, но за то оно было согласно волѣ Николая; ничего, что нарушеніемъ «священной» воли отца и благодѣтеля—послѣдняго лишали самодержавія, возможности прикоснуться къ порядку наслѣдія, за то было объяснено гладко и... правдоподобно.

Гораздо труднѣе оказалось сладить съ заключеніемъ... упованіями, обѣщаніями и прочими принадлежностями *перваго* манифеста.

«Въ заключеніе, — пишетъ Карамзинъ, — хотѣлось бы мнѣ также чего-нибудь живѣйшаго, сильнѣйшаго для утѣшенія и надежды россіянъ. Напримѣръ:

«И Мы, въ сей торжественный часъ, предъ лицомъ Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить единственно для любезнаго отечества: слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами вѣнценосца.

«Да будетъ наше царствованіе только продолженіемъ Александрова!

«Да благоденствуетъ Россія своими уже пріобрѣтенными могуществомъ, внѣшнею безопасностію, внутреннимъ устройствомъ, чистою вѣрою нашихъ предковъ, доблестію государственною и воинскою, истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочностію нравовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ сердецъ невинныхъ. Да будетъ престолъ нашъ твердъ закономъ, вѣрностію народною!

«Да соединится неразрывно, подъ Нашею державою, правосудіе неослабное съ милосердіемъ человѣколюбія! Да исполнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совершить для отечества Александръ без-

смертный, тотъ, коего священная память должна питать въ насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народа россійскаго!».

Бѣдный Карамзинъ не понималъ, что его языкъ — не языкъ самодержца Николая, и потому не предвидѣлъ, что его «живѣйшія и сильнѣйшія» надежды, и обѣщанія не могли быть одобрены: неприлично хвалить своего брата и недопустимо обѣщать какую-то «мирную свободу» или говорить о «вѣрности народной» и «любви народа».

Проектъ былъ переданъ Сперанскому, а онъ зналъ, что значитъ говорить о народѣ, и все «сильнѣйшее» исчезло подъ его перомъ.

Манифестъ готовъ, подписанъ даже заднимъ числомъ, 12-мъ декабря, но нѣтъ еще великаго князя Михаила Павловича, застрявшаго на станціи между Петербургомъ и Варшавою, и потому обнародованіе манифеста отложено до 14-го декабря.

Тѣмъ временемъ Николай послалъ родственное письмо въ Варшаву съ изліяніемъ своихъ сердечныхъ вѣрноподданническихъ чувствъ.

Письмо это, какъ и предыдущее, весьма интересно.

«Любезнѣйшій братъ! — писалъ Николай.— Съ сердечнымъ сокрушеніемъ въ полной мѣрѣ раздѣляя съ В. В. тяжкую скорбь, совокупно Насъ постигшую, Я искалъ утѣшенія въ той мысли, что въ Васъ, какъ старшемъ братѣ, коего отъ юности моей привыкъ Я чтить и любить душевно, найду отца и государя.

«Ваше Высочество, письмомъ В. отъ 26-го ноября лишили меня сего утѣшенія. Вы запретили мнѣ слѣдовать движеніямъ моего сердца, и присягу, не по долгу только, но и по внутреннему чувству моему Вамъ принесенную, принять не благоволили.

«Но, В. В., не воспретите, ничѣмъ не остановите чувства преданности и той внутренней, душевной присяги, которую, Вамъ давъ возвратить я не могу и которой отвергнуть, по любви Вашей ко Мнѣ Вы не будете въ силахъ.

«Желанія В. В. исполнены. Я вступилъ на ту степень, которую Вы мнѣ указали и коей, бывъ закономъ къ тому предназначены, Вы занять не восхотѣли. Воля Ваша совершилась!

«Но позвольте Мнѣ быть увѣреннымъ, что тотъ, кто, противъ чаянія и желанія Моего, поставилъ Меня на семъ пути многотрудномъ, будетъ на немъ вождемъ Моимъ и наставникомъ. Отъ сей обязанности Вы, предъ Богомъ, не можете отказаться; не можете отречься отъ той власти, которая Вамъ, какъ старшему брату, ввѣрена самимъ провидѣніемъ и коей повиноваться, *въ сердечномъ* Моемъ подданствѣ, всегда будетъ для Меня величайшимъ въ жизни счастіемъ..

«В. И В. искренно душевно-вѣрноподданный братъ Николай» [1]..

[1]) Корфъ — тамъ же, 116—118. Въ отвѣтъ Константинъ между прочимъ писалъ: «Всемилостивѣйшій Государь! Съ сердечнымъ умиленіемъ имѣлъ Я счастіе

Наконецъ, канунъ 14-го декабря закончился необычнымъ опять засѣданіемъ государственнаго совѣта. Созывая экстренное собраніе, Николай писалъ Лопухину, что, «имѣя порученіе отъ Государя Императора сообщить Высочайшую волю», онъ явится лично въ сопровожденіи в. к. Михаила.

Однако, собравшимся не скоро удалось увидать *великихъ князей* и услыхать волю *императора*. Было уже около полуночи, а М. П. еще не пріѣзжалъ, а Н. П. не желалъ являться безъ «личнаго свидѣтеля» отреченія Константина, очевидно, боясь встрѣтить вновь «сопротивленіе» со стороны совѣта.

«Такимъ образомъ достигли до 11-ти часовъ ночи,—пишетъ Оленинъ.—Члены совѣта, утомленные отъ ожиданія и пустыхъ между собою разговоровъ и бесѣдуя въ разныхъ комнатахъ, въ разныхъ углахъ, сидѣли уже въ молчаніи, даже самъ кн. Лопухинъ, уставши отъ безпрестанной ходьбы взадъ и впередъ, сидѣлъ на стулѣ въ передней комнатѣ совѣта».

Трудно сказать, чѣмъ кончилось бы это сидѣнье, если бы вдругъ не явился посланецъ отъ Н. П. съ предложеніемъ пока поужинать.

«Сіе предложеніе многихъ членовъ, удрученныхъ лѣтами и слабостью, нѣсколько оживило, и такъ мы стали уже ожидать ужина—пишетъ Оленинъ.—Но великій князь не пріѣхалъ и послѣ ужина. Между тѣмъ слухъ о чрезвычайномъ собраніи совѣта разнесся по городу, и всѣ ждали, наконецъ, рѣшительныхъ извѣстій; такимъ образомъ нельзя было ни отложить засѣданія, ни оставить это почтенное собраніе ночевать въ совѣтѣ». «Съ сердечнымъ сокрушеніемъ», по выраженію Корфа, «Николай покорился необходимости предстать совѣту безъ брата».

Подойдя къ столу, Николай сказалъ: «я выполняю волю брата Константина Павловича»—и началъ читать манифестъ о восшествіи на престолъ. Такъ началось давно ожидавшееся ночное засѣданіе совѣта, во время котораго *великій князь* сталъ быть *императоромъ* и которымъ закончилось междуцарствіе.

получить Всемилостивѣйшій Рескриптъ Вашего Императорскаго Величества, возвѣщающій радостное вступленіе Ваше на Прародительскій Престолъ любезнѣйшей Россіи.

«Ея верховнымъ законамъ,—законамъ священнѣйшимъ для всѣхъ земель, гдѣ твердость бытія уважается благимъ даромъ Небесъ, есть воля, милостію Божіею Царствующаго Государя. Ваше Императорское Величество, послѣдовавъ сей волѣ, исполнили волю Царя Царей, Коего направленіемъ и вдохновеніемъ дѣйствуютъ по столь важнымъ предметамъ Цари земные.

«Совершилась воля священная. Поспѣшествуя въ томъ, Я исполнилъ только долгъ мой, долгъ вѣрнѣйшаго подданнаго, преданнѣйшаго Брата,—долгъ Россіянина, гордящагося счастіемъ повиноваться Богу и Государю».

Подписано такъ: «Вѣрнѣйшій подданный *Константинъ Цесаревичъ*».

Закрывая собраніе, императоръ сказалъ: «сегодня я васъ прошу, а завтра буду приказывать», и въ этомъ вылилось все его пониманіе верховной власти, его священнаго долга.

Описывая эту ночь, Корфъ восклицаетъ: «Ночь эта—начало новой эры въ нашемъ бытописіи—во всемъ, казалось, должна была отличаться отъ прешедшаго и послѣдующаго».

Но не въ первомъ словѣ императора надо видѣть начало новой эры, не въ этомъ окрикѣ неограниченной власти, а въ той звѣздѣ русской свободы, которая загорѣлась въ эту ночь для борьбы съ этой властью.

«Державная чета отошла къ покою,—пишетъ Корфъ,—и сонъ ея былъ безмятеженъ: съ чистою предъ Богомъ совѣстію, она предала себя, отъ глубины души, Его неисповѣдимому промыслу»; тогда же пробудилось сознаніе русскихъ, и первый шагъ ихъ былъ не мятежъ, не цареубійство, какъ раньше, а первый могучій протестъ во имя правъ человѣка и гражданина.

VIII.

Тайное общество въ Петербургѣ. Его дѣйствія въ періодъ междуцарствія.

Пока затянулось рѣшеніе вопроса, кому изъ двухъ братьевъ наслѣдовать ихъ отцу и благодѣтелю, мы сказали, выдвинулся другой вопросъ: на какихъ условіяхъ царствовать Николаю? быть ли дольше самодержавію въ Россіи или ей управляться народнымъ представительствомъ? скуетъ ли Николай Россію желѣзными цѣпями, или раздѣлитъ свою власть съ законодательной палатой? Такъ, конечно, поставили вопросъ члены Сѣвернаго общества, не потерявшіе пылъ къ политическимъ вопросамъ со времени Союза спасенія и Союза благоденствія. Здѣсь не было мѣста цареубійству, ради самаго цареубійства, какъ это было не разъ прежде и какъ это хотѣлъ представить Николай въ глазахъ темной массы.

И если 12-го декабря Николай получилъ въ наслѣдственное владѣніе русскій тронъ отъ своего брата, то черезъ день—14-го декабря картечные выстрѣлы поднесли ему самодержавіе въ полной его неприкосновенности.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ исключительномъ моментѣ декабрьской катастрофы, намъ нужно познакомиться подробнѣе съ его подготовительными стадіями, намъ необходимо знать положеніе и дѣйствіе Сѣвернаго общества въ эту эпоху.

«Между тѣмъ и въ обществѣ Петербургскомъ явилась большая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени

вступленія Рылѣева въ Думу на мѣсто князя Сергѣя Трубецкого»— такъ изображаетъ положеніе Сѣвернаго общества донесеніе «Комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ». Но на то она и была учреждена, чтобы все представить въ большемъ размѣрѣ, тѣмъ болѣе это такъ совпадало съ желаніями Николая. Если же мы послушаемъ самихъ участниковъ этого общества, то у насъ явится совсѣмъ другое представленіе о его «безпокойной дѣятельности».

«Не знаю,—пишетъ одинъ изъ «безпокойныхъ» членовъ, Н. А. Бестужевъ,—былъ ли Рылѣевъ обманутъ самъ, или желалъ другимъ представлять дѣла общества въ лучшемъ видѣ, только изъ его пламенныхъ разговоровъ о распространеніи числа членовъ, принадлежащихъ къ союзу благомыслящихъ людей, я и другіе заключили, что общество наше многочисленно и что знающіе люди участвуютъ въ ономъ. Въ семъ положеніи дѣла застигла насъ нечаянная смерть Александра. Болѣе года прежде всего въ разговорахъ нашихъ я привыкъ слышать отъ Рылѣева, что смерть императора была назначена обществомъ эпохою для начала дѣйствій онаго, и когда я узналъ о съѣздѣ во дворцѣ, по случаю нечаянной смерти царя, о замѣшательствѣ наслѣдниковъ престола, о назначеніи присяги Константину, тотчасъ бросился къ Рылѣеву; ко мнѣ присоединился Торсонъ. Происшествіе было неожиданно; вѣсть о немъ пришла совсѣмъ не оттуда, откуда ожидалъ я, и, вмѣсто начатія дѣйствій, я увидѣлъ, что Рылѣевъ не зналъ объ этомъ. Встревоженный и волнуемый духомъ, видя благопріятную минуту пропущенною, не видя общества, не видя никакого начала къ дѣйствію, я горько сталъ выговаривать Рылѣеву, что онъ поступилъ съ нами иначе, нежели было должно.

«Гдѣ же общество,—говорилъ я, о которомъ столько разсказывалъ ты? Гдѣ же дѣйствователи, которымъ настала минута показаться? Гдѣ они соберутся, что предпримутъ, гдѣ силы ихъ, какіе ихъ планы? Почему это общество, ежели оно сильно, не знало о болѣзни царя, тогда какъ во дворцѣ болѣе недѣли получаются бюллетени объ его опасномъ положеніи? Ежели есть какія намѣренія, скажи ихъ намъ— и мы приступимъ къ исполненію. Говори!»

«Рылѣевъ долго молчалъ, облокотясь на колѣни и положивъ голову между рукъ.

«Онъ былъ пораженъ нечаянностію случая и сказалъ:

«Это обстоятельство явно даетъ намъ понятіе о нашемъ безсиліи, я обманулся самъ: мы не имѣемъ установленнаго плана, никакія мѣры не приняты, число наличныхъ членовъ въ Петербургѣ не велико; но, несмотря на это, мы соберемся опять сегодня къ вечеру. Между тѣмъ я поѣду собирать свѣдѣнія, а вы, ежели можете, узнайте расположеніе умовъ въ городѣ и войскѣ».

«Батенковъ и братъ Александръ явились въ эту минуту, и первое начало происшествій, ознаменовавшихъ періодъ междуцарствія, началось бѣднымъ собраніемъ пяти человѣкъ» [1]).

Написанное Бестужевымъ какъ нельзя лучше представляетъ намъ дѣйствительное положеніе Сѣвернаго общества. Подтвержденіе его словъ мы находимъ въ запискахъ другого его члена — кн. С. Трубецкого.

«Первое дѣйствіе тайнаго общества, — пишетъ онъ, — было увѣриться, что всѣ его члены будутъ равно усердно содѣйствовать общей цѣли. Но здѣсь оказалось то же, что обыкновенно оказывается во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ. Многіе члены вступили въ общество, когда еще конечное его дѣйствіе предствлялось въ неизвѣстной дали. Будучи его членами, они знали, что будутъ всегда поддержаны имъ и что это могло способствовать ихъ возвышенію. Теперь, когда они уже достигли извѣстной степени и когда открывались новыя обстоятельства, они не видѣли пользы для себя дѣйствовать сообразно видамъ тайнаго общества, гдѣ члены не имѣли никакой личной цѣли, жертвовали собой единственно для блага своего отечества, и не представляющаго никакихъ личныхъ выгодъ ни которому изъ своихъ членовъ. Многіе, бывшіе ревностными членами въ молодости, охладѣли лѣтами. Теперь предстояло дѣйствіе рѣшительное, которое, съ одной стороны, въ случаѣ успѣха, не представляло личныхъ выгодъ, съ другой стороны, въ случаѣ неуспѣха, грозило гибелью. Выгоднѣе было поддержать имѣющаго надежду получить престолъ и повергнуть себя и всѣ свои способности и средства предъ стопами того, отъ кого можно было надѣяться награды и которому всѣ предположенія обѣщали успѣхъ [2]).

Общество видѣло себя ослабленнымъ чрезъ отступленіе такихъ членовъ, которые непремѣнно сдѣлали бы значительный перевѣсъ по

[1]) См. I-й выпускъ Библ. Декабр. записки Н. Бестужева.

[2]) Въ подтвержденіе своихъ словъ Трубецкой приводитъ слѣдующій «скорбный листъ»: «Многіе изъ оставшихся въ Россіи членовъ общества занимали послѣ и нынѣ еще занимаютъ важныя должности въ государствѣ: Граббе Г. А. командовалъ на кавказской линіи дивизіей, Гурко замѣнилъ его и послѣ былъ начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса, нынѣ тожъ запасныхъ войскъ; князь Михаилъ Горчаковъ — начальникъ штабовъ дѣйствующей арміи; Николай Николаевичъ Муравьевъ командовалъ корпусомъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ—сенаторъ Петръ Калошинъ—начальникъ департамента; Илья Бибиковъ—при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ; Кавелинъ—военный генералъ-губернаторъ въ Петербургѣ Л. В. Перовскій—министръ внутреннихъ дѣлъ; князь Менщиковъ—членъ общества русскихъ рыцарей, начальникъ штаба морского; Вольховскій — начальникъ штаба въ Грузіи; Литке—наставникъ в. к. Константина Николаевича. Не помню другихъ, менѣе значительныя должности занимавшихъ; также не считаемъ Шипова, Ростовцева, Моллера, измѣнившихъ обществу, и князя Долгорукова, отступившаго изъ страха.

власти, которую чины, занимаемые ими въ рядахъ гвардіи, предоставили въ ихъ руки» [1]).

Въ такомъ дѣйствительно критическомъ положеніи находилось Сѣверное общество въ то самое время, когда задачи и цѣль его наиболѣе всего могли быть исполнены. «Никакой другой случай,— пишетъ вполнѣ справедливо декабристъ, кн. Трубецкой, — не могъ быть благопріятнѣе для приведенія въ исполненіе намѣренія тайнаго общества, еслибъ оно было довольно сильно; но члены его были разсѣяны по большому пространству Россійской имперіи. Столица, гдѣ должно было происходить главное дѣйствіе, заключала небольшое число членовъ» [2]).

Однако это небольшое число членовъ было изъ наиболѣе ревностныхъ и наиболѣе преданныхъ дѣлу народной свободы; достаточно сказать, они имѣли во главѣ себя Кондратія Ѳеодоровича Рылѣева. Несмотря на ничтожность своихъ силъ, они рѣшились воспользоваться случаемъ и дѣйствовать, «особенно когда въ мыслящей публикѣ поселилось ожиданіе, что Константинъ Павловичъ не приметъ слѣдуемаго ему наслѣдія престола».

Причины, которыя побудили ихъ, были слѣдующія: 1) «Въ Россіи никогда не бывало, чтобы законный наслѣдникъ престола добровольно отъ него отказывался, и должно было предполагать, что съ трудомъ повѣрятъ такому отказу. 2) Молодыхъ великихъ князей не любили, особенно военнные; только нѣкоторая часть двора предпочитала имѣть императоромъ Николая. Придворные дамы находили, что для нихъ низко будетъ имѣть незначительнаго рода польку императрицей. 3) Во всѣхъ домахъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшему обществу столицы, изъявлялось негодованіе на странное положеніе, въ которомъ находилось государство. Это негодованіе не смѣло выразиться рѣчами дерзкими или рѣшительными, но выражалось насмѣшками. Были заклады, кому достанется престолъ. Смѣялись надъ тѣмъ, что отъ Сената посланъ былъ къ императору Константину съ объявленіемъ о принесенной ему присягѣ чиновникъ, бывшій за оберъ-прокуроскимъ столомъ, извѣстный какъ картежный игрокъ, хорошо предугадывавшій карты, и это обстоятельство примѣняли съ насмѣшками къ тогдашнему случаю. 4) Наконецъ, члены тайнаго общества увѣрены были въ содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ высшихъ сановниковъ государства, которые, опасаясь дѣйствовать явно, когда еще общество не оказало своей силы, являли себя готовыми пристать, какъ скоро увидѣли бы, что достаточная военная сила можетъ поддержать ихъ» [3]).

---

[1]) Записки кн. С. Трубецкого. СПБ. 1906 г. подъ редакціей В. Я. Якушкина.

[2]) Записки кн. С. Трубецкого. СПБ. 1906 г., 33—4 стр.

[3]) Записки кн. С. Трубецкого.

Рѣшившись дѣйствовать, надо было готовиться, такъ какъ междуцарствіе могло прекратиться каждый день, новая присяга Николаю могла быть объявлена каждую минуту, а на нее-то и расчитывали заговорщики.

«Съ этой минуты,—пишетъ Н. Бестужевъ,—домъ Рылѣева сдѣлался сборнымъ мѣстомъ нашихъ совѣщаній, а онъ душой оныхъ. Ввечеру мы сообщили другъ другу собранныя свѣдѣнія: они были неблагопріятны. Войско присягнуло Константину холодно, однако безъ изъявленія неудовольствія [1]). Въ городѣ еще не знали, отречется ли Константинъ: тайна его прежняго отреченія въ пользу Николая еще не распространилась. Въ Варшаву поскакали курьеры, и всѣ были увѣрены, что дѣла останутся въ томъ же положеніи.

«Когда мы остались трое, Рылѣевъ, братъ мой Александръ и я, то, послѣ многихъ намѣреній, положили было писать прокламаціи къ войску и тайно разбросать ихъ по казармамъ; но послѣ, признавъ это неудобнымъ, изорвали нѣсколько исписанныхъ уже листовъ и рѣшились всѣ трое идти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часового и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до 15 лѣтъ солдатская служба.

«Это положено было разсказывать, чтобы приготовить духъ войска для всякаго случая, могшаго представиться впослѣдствіи. Я для того упоминаю объ этомъ намѣреніи, что оно было началомъ дѣйствій нашихъ и осталось неизвѣстнымъ комитету.

«Нельзя представить жадности, съ какою слушали насъ солдаты, нельзя изъяснить быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ.

«Два дня сильнаго безпокойства, двѣ безсонныя ночи въ ходьбѣ по городу и огорченіе сильно подѣйствовали на Рылѣева. У него

[1]) Кн. Трубецкой передаетъ, что внутренній караулъ отъ Преображенскаго полка долго отказывался принести присягу Константину. Въ комнатѣ, гдѣ обыкновенно стоитъ этотъ караулъ, стоялъ аналой съ крестомъ и евангеліемъ. Солдаты спросили, что это значитъ?—«Присяга»,—отвѣтили имъ; они всѣ въ одинъ голосъ:—«какая присяга?»—«Новому государю».—«У насъ есть государь».—«Скончался».—«Мы не слыхали, что онъ и боленъ былъ». Пришелъ комендантъ Башуцкій и сталъ имъ разсказывать, что извѣстно было о болѣзни и смерти государя. Тогда головной человѣкъ вышелъ впередъ и началъ тѣ же возраженія, прибавивъ, что они не могутъ присягать новому государю, когда есть у нихъ давно царствующій, и вѣрить о смерти его не могутъ, не слыхавъ даже о болѣзни. Дежурный генералъ штаба Е. В. Потаповъ пришелъ на помощь коменданту, подтвердилъ его слова и началъ уговаривать людей принять присягу. Солдаты настаивали упорно на своемъ отказѣ. Волненіе утихло лишь съ появленіемъ Николая, послѣ его словъ что и онъ присягнулъ. Трубецкой былъ самъ свидѣтелемъ этой сцены.

сдѣлалось воспаленіе горла; онъ слегъ въ постель; воспаленіе перешло въ жабу; онъ едва могъ переводить дыханіе, но не переставалъ принимать участіе въ дѣлахъ общества. Мало-по-малу число наше увеличилось; члены съѣзжались отовсюду, и болѣзнь Рылѣева была предлогомъ безпрестанныхъ собраній въ его домѣ.

«Между тѣмъ сомнѣнія насчетъ наслѣдства престола возростали. Намъ открывался новый случай воспользоваться новою присягою. Мы работали усерднѣе: приготовляли гвардію, питали и возбуждали духъ непріязни къ Николаю, существовавшій между солдатами. Рылѣевъ выздоравливалъ и не переставалъ быть источникомъ и главною пружиною всѣхъ дѣйствій общества» [1]).

Дѣйствія заговорщиковъ были успѣшны. Если мало было на-лицо старыхъ членовъ, то они за время междуцарствія пріобрѣли новыхъ. Большая часть офицеровъ гвардіи, по свидѣтельству князя Трубецкого, не вѣрила возможности отреченія Константина; нелюбовь ихъ къ молодымъ великимъ князьямъ явно сказывалась въ ихъ разговорахъ, и они, которымъ общество открыло свои намѣренія, съ восторгомъ оказывали готовность дѣйствовать подъ его руководствомъ. Всѣ эти офицеры были люди молодые; никто изъ нихъ не былъ чиномъ выше ротнаго командира, но они горячо были проникнуты необходимостью перемѣны для Россіи, и это давало имъ увѣренность и рѣшимость.

«Люди рискуютъ часто жизнью изъ-за пустяковъ,—пишетъ князь Трубецкой;—но въ такихъ случаяхъ человѣкъ, увлеченный страстью, все-таки или расчитываетъ на какую-либо награду, или на счастливый случай. Когда же дѣло идетъ на то, чтобы хладнокровно предаться опасности, утратить жизнь и сверхъ того подвергнуться, можетъ быть, безславію и позорной смерти, то недостаточно одной врожденной храбрости. Человѣкъ, дорожащій честью, не иначе рѣшится на такой поступокъ, какъ въ полномъ убѣжденіи, что прошедшая жизнь его и возложенныя на него обязанности требуютъ этой великой отъ него жертвы. Члены общества, рѣшившись исполнить то, что почитали своимъ долгомъ и на что обрекли себя при вступленіи въ общество, не убоялись позора. Они не имѣли въ виду для себя никакихъ личныхъ выгодъ, не мысли о богатствѣ, почестяхъ и власти. Они все это предоставляли людямъ, не принадлежащимъ къ ихъ обществу, но такимъ, которыхъ считали способными по истинному достоинству или по мнѣнію, которымъ пользовались, привести въ исполненіе то, чего они всѣмъ сердцемъ и всею душею желали: поставить Россію въ такое положеніе, которое упрочило бы благо государства и оградило его отъ переворотовъ, подобныхъ француз-

[1]) Записки Н. А. Бестужева—I в. Библ. Декабр.

ской революціи, и которые, къ несчастію, продолжаютъ еще угрожать ей въ будущности. Словомъ, члены тайнаго общества Союза благоденствія рѣшились принести въ жертву отечеству жизнь, честь, достояніе и всѣ преимущества, какими пользовались,—все, что имѣли, безъ всякаго возмездія [1]).

И это было рѣшено тогда, когда погибель была весьма и весьма вѣроятная.

У насъ нѣтъ подробныхъ данныхъ, что дѣлалось на собраніяхъ у Рылѣева съ самаго ихъ начала; мы не знаемъ достовѣрно, кто что высказывалъ, но мы несомнѣнно знаемъ, что единодушія среди собиравшихся далеко не было. Собранія были немноголюдны, но очень шумливы, и среди общаго шума нерѣдко раздавались пессиместическія рѣчи и сомнѣнія въ успѣхѣ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на увеличеніе общества новыми членами, несмотря даже на то, что «за многіе полки сдѣланы были обѣщаянія», заговорщики все же мало увѣрены были въ своихъ силахъ: никто не могъ ручаться за полный полкъ; отвѣчали же только за свои роты ротные командиры и то «при благопріятныхъ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ».

Однако, общее одушевленіе и твердость Рылѣева брали верхъ надъ всякимъ сомнѣніемъ.

«Часто въ разговорахъ нашихъ,—пишетъ Н. Бестужевъ,—сомнѣніе насчетъ успѣха выражалось очень положительно. Не менѣе того, мы видѣли необходимость дѣйствовать: чувствовали надобность пробудить Россію. Рылѣевъ всегда говаривалъ: «Предвижу, что не будетъ успѣха, но потрясеніе необходимо. Тактика революціи заключается въ одномъ словѣ:—*дерзай*! и ежели это будетъ несчастливо—мы своей неудачей научимъ другихъ».

То же приблизительно передаетъ намъ другой участникъ возстанія 14-го декабря, баронъ Розенъ. «Принятыя мѣры къ возстанію,—пишетъ онъ,—были неточны и неопредѣленны, почему на нѣкоторыя мои возраженія и замѣчанія князь Оболенскій и Булатовъ сказали съ усмѣшкой:—вѣдь нельзя же дѣлать репетиціи!—Всѣ изъ присутствовавшихъ были готовы дѣйствовать, всѣ были восторженны, всѣ надѣялись на успѣхъ, и только одинъ изъ всѣхъ поразилъ меня совершеннымъ самоотверженіемъ; онъ спросилъ меня наединѣ: можно ли положиться навѣрно на содѣйствіе 1-го и 2-го баталіоновъ нашего полка, и когда я представилъ ему всѣ препятствія, затрудненія, почти невозможность, то онъ съ особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ голосѣ сказалъ мнѣ:—да, мало видовъ на успѣхъ, но все-таки надо, все-таки надо начать; начало и примѣръ принесутъ плоды.—Еще те-

---

[1]) Записки кн. Трубецкого.

перь слышу звуки, интонацію—«все-таки надо»,—то сказалъ мнѣ Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ» [1]).

Вербовка членовъ и сочувствующихъ и агитація къ возстанію шла очень дѣятельно и далеко не безрезультатно. Какъ образецъ этой агитаціи, намъ слѣдующее передаетъ баронъ Розенъ:

«10-го декабря, вечеромъ, получилъ я записку отъ товарища капитана Н. И. Рѣпина [2]), въ которой онъ просилъ меня немедленно пріѣхать къ нему; это было въ 8 часовъ. Я тотчасъ же поѣхалъ, полагая, что онъ имѣлъ какую-нибудь непріятность или бѣду; я засталъ его одного въ тревожномъ состояніи. Въ краткихъ и ясныхъ словахъ изложилъ онъ мнѣ дѣло важное, цѣль возстанія, удобный случай дѣйствовать для отвращенія гибельныхъ междоусобій. Тутъ рѣчи были безполезны: надлежало имѣть матеріальную силу, по крайней мѣрѣ нѣсколько баталіоновъ съ орудіями. Онъ просилъ моего содѣйствія къ присоединенію 1-го баталіона, въ чемъ я положительно отказался, командуя въ немъ только стрѣлковымъ взводомъ. Можно было положиться на готовность молодыхъ офицеровъ, но отнюдь не на ротныхъ командировъ. Осталась еще попытка,—она могла удасться тѣмъ легче, что утверждали содѣйствіе полковника А. Ф. Моллера, командира 2-го баталіона, давнишняго члена тайнаго общества. Съ Рѣпинымъ поѣхалъ я къ К. Ѳ. Рылѣеву: онъ жилъ въ домѣ американской компаніи у Синяго моста; мы застали его одного, сидѣвшаго съ книгою въ рукахъ—«Русскій Ратникъ»,—и съ большимъ шерстянымъ платкомъ, обернутымъ вокругъ шеи, по причинѣ болѣзни горла. Во взорахъ его выразительныхъ глазъ, всѣхъ чертахъ его лица виднѣлась восторженность къ великому дѣлу; рѣчь его убѣдительно, просто текла безъ всякой самонадѣянности, безъ надменности, безъ фигурныхъ фразъ и возгласовъ; вскорѣ пріѣхали Бестужевъ и князь Щепинъ-Ростовскій и положили собраться при первомъ нужномъ случаѣ, смотря по полученію вѣстей изъ Варшавы».

Такъ вербовались силы среди даже тѣхъ, которые совершенно не знали о существованіи общества.

Еще болѣе интересный случай агитаціи членовъ тайного общества за этотъ періодъ передаетъ намъ тотъ же Розенъ, случай, которому онъ самъ былъ очевидцемъ.

«11-го декабря,—пишетъ онъ,—поѣхалъ къ Рѣпину, гдѣ къ большому неудовольствію моему засталъ до 16-ти молодыхъ офицеровъ нашего полка, разсуждавшихъ о событіяхъ дня и частью уже посвященныхъ въ тайны главнаго предпріятія. Мнѣ удалось отозвать Рѣ-

[1]) Въ донесеніи слѣдственной комиссіи приводятся отдѣльныя фразы и даже діалоги нѣкоторыхъ изъ заговорщиковъ, но въ такомъ рабскомъ и извращенномъ видѣ, что мы не рѣшаемся ихъ приводить.

[2]) Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

пина въ другую комнату, замѣтить ему неумѣстность и опасность такихъ преждевременныхъ откровеній, ибо въ минуту дѣйствія можно положиться на ихъ содѣйствія. Юность легко приводится въ восторгъ, нѣтъ ей преградъ непреодолимыхъ, нѣтъ невозможностей, а чѣмъ больше затрудненій и опасностей, тѣмъ больше въ ней отваги. Изъ всѣхъ тутъ присутствовавшихъ не было ни единаго члена тайнаго общества, кромѣ хозяина» [1]).

Насколько справедливо было опасеніе Розена, видно изъ предательскаго поступка Ростовцева, воспользовавшагося дружбой и откровенностью Оболенскаго, чтобы предупредить Николая о планахъ заговорщиковъ. 12-го декабря, днемъ, у Оболенскаго было собраніе, на которое собралось человѣкъ двадцать офицеровъ разныхъ полковъ; на собраніи былъ и Рылѣевъ. «Всѣ», пишетъ Ростовцевъ въ своихъ запискахъ, «говорили другъ съ другомъ шепотомъ и примѣтно смѣшались, когда я вошелъ».

Если Ростовцевъ еще сомнѣвался, донести ли Николаю о собраніяхъ, то посѣщеніе Оболенскаго и присутствіе у него офицеровъ рѣшило давно задуманное преданіе. Ростовцевъ тотчасъ написалъ приведенное нами выше письмо и отправился въ Зимній дворецъ.

Объясняя этотъ поступокъ, Ростовцевъ позже писалъ:

«Видя общее недоумѣніе во всѣхъ сословіяхъ, зная, что в. к. Николай Павловичъ не успѣлъ еще пріобрѣсти себѣ приверженцевъ, зная непомѣрное честолюбіе и сильную ненависть къ великому князю Оболенскаго и Рылѣева, наконецъ, видя ихъ хлопоты, смущеніе и безпрерывныя совѣщанія, не предвѣщавшія ничего добраго и откровеннаго, я не зналъ на что рѣшиться. Никогда еще не представлялся такой удобный случай къ возмущенію. Мысль о несчастіяхъ, которыя, можетъ быть, ожидаютъ Россію, не давала мнѣ покоя: я забылъ и пищу и сонъ».

Видаясь часто съ Оболенскимъ, Ростовцевъ удерживалъ его отъ участія въ заговорѣ и предупреждалъ даже, что выдастъ все Николаю. 10-го декабря Оболенскій пришелъ къ нему, и, продолжая разговоръ на эту тему, начатый наканунѣ, сказалъ:

— Любезный другъ, не принимай словъ за дѣло. Все пустяки! Богъ милостивъ, ничего не будетъ.

— По крайней мѣрѣ, скажи, на чемъ основали вы ваши планы?— продолжалъ допытываться Ростовцевъ.

— Я не имѣю права открыть тебѣ это!

— Евгеній, Евгеній, ты лицемѣришь! Что-то мрачное тяготитъ тебя; но я спасу тебя, противъ твоей воли выполню обязанность добраго гражданина и сегодня же предувѣдомлю Николая Павло-

---

[1]) Записки декабриста—Барона А. Я. Розена. Спб. 1907 г.

вича о возмущеніи. Будетъ ли оно или нѣтъ, но я сдѣлаю свое дѣло.

— Какъ ты малодушенъ! Какъ другъ, увѣряю тебя, что все будетъ мирно и благополучно, а этимъ ты погубишь себя.

— Пусть такъ, но я исполню долгъ свой; ежели погибну, то погибну одинъ, а располагать самимъ собою я имѣю полное право.

— Любезный другъ, я не пророкъ, но пророчу тебѣ крѣпость, и тогда,—прибавилъ Оболенскій, смѣючись,—ты принудишь меня поневолѣ итти освобождать тебя [1]).

Тѣмъ разговоръ и кончился. Каково же было изумленіе и негодованіе Оболенскаго, когда 13-го, утромъ, Ростовцевъ открылъ ему свою бесѣду съ Николаемъ. Придя къ Оболенскому, у котораго находился въ то время Рылѣевъ, Ростовцевъ сказалъ:

«Господа, я имѣю сильныя подозрѣнія, что вы намѣреваетесь дѣйствовать противъ правительства; дай Богъ, чтобы подозрѣнія эти были неосновательны; но я исполнилъ долгъ свой. Я вчера былъ у в. князя. Всѣ мѣры противъ возмущенія будутъ приняты, и ваши покушенія будутъ тщетны. Васъ не знаютъ; будьте вѣрны своему долгу, и вы будете спасены!»

Затѣмъ Ростовцевъ передалъ имъ письмо къ в. князю и разговоръ съ нимъ; Рылѣевъ началъ читать вслухъ. Оба они поблѣднѣли и чрезвычайно смѣшались. Оболенскій воскликнулъ: «съ чего ты взялъ, что мы хотимъ дѣйствовать? Ты употребилъ во зло мою довѣренность и измѣнилъ моей къ тебѣ дружбѣ. Великій князь знаетъ наперечетъ всѣхъ насъ либераловъ, и мало-по-малу искоренитъ насъ; но ты долженъ погибнуть прежде всѣхъ и будешь первою жертвою!

— Оболенскій,—отвѣчалъ ему Ростовцевъ,—ежели ты почитаешь себя въ правѣ мстить мнѣ, то отмщай теперь!

Рылѣевъ бросился Ростовцеву на шею, говоря: «Нѣтъ, Оболенскій, Ростовцевъ не виноватъ, что различнаго съ нами образа мыслей! Не спорю, что онъ измѣнилъ твоей довѣренности; но какое право ты имѣлъ быть съ нимъ излишне откровеннымъ? Онъ дѣйствовалъ по долгу своей совѣсти жертвовалъ жизнію, идя къ великому князю, вновь жертвуетъ жизнію, придя къ намъ: ты долженъ обнять его, какъ благороднаго человѣка!»

Исполняя это, Оболенскій сказалъ: «Да, я его обнимаю и желалъ бы задушить въ моихъ объятіяхъ» [2]).

Нѣсколько иначе передаетъ этотъ инцидентъ въ своихъ запискахъ Н. Бестужевъ. Изъ его словъ видно, что Ростобцевъ открылъ свой разговоръ съ Николаемъ по настоянію Оболенскаго и въ суб-

[1]) Шильдеръ. Императоръ Николай, т. I-й.
[2]) Шильдеръ—тамъ же.

боту 12-го декабря, вечеромъ, а не 13-го утромъ, какъ пишетъ Ростовцевъ.

«Наконецъ, 12-го декабря, въ субботу, пишетъ Бестужевъ, явился у меня Рылѣевъ. Видъ его былъ безпокойный. Онъ сообщилъ мнѣ, что Оболенскій вывѣдалъ отъ Ростовцева, что сей послѣдній имѣлъ разговоръ съ Николаемъ, въ которомъ объявилъ ему о умышленномъ заговорѣ, о намѣреніяхъ воспользоваться расположеніемъ солдатъ и упрашивалъ его, для отвращенія кровопролитія, или отказаться отъ престола или подождать цесаревича для формальнаго и всенароднаго отказа.

«— Оболенскій заставилъ Ростовцева переписать, какъ письмо, писанное имъ до свиданія, такъ и разговоръ съ Николаемъ. Вотъ черновое изложеніе того и другого, продолжалъ Рылѣевъ: собственной руки Ростовцева. Прочти и скажи, что ты объ этомъ думаешь?

«Я прочиталъ. Тамъ не было ничего упомянуто о существованіи общества; не названо ни одного лица, но говорилось о намѣреніи воспротивиться вступленію на престолъ Николая; о могущемъ произойти кровопролитіи. Въ справедливости же своего показанія, Ростовцевъ завѣрялъ головою, просилъ, чтобы его посадили съ сей же минуты въ крѣпость и не выпускали оттуда, ежели предсказываемое не случится.

«— Увѣренъ ли ты, сказалъ я Рылѣеву:—что все написанное въ этомъ письмѣ и разговоръ совершенно согласенъ съ правдою, и что въ нихъ ничего не убавлено противъ изустнаго показанія Ростовцева?

«— Оболенскій ручается за правдивость этой бумаги: онъ говоритъ, что Ростовцевъ почти добровольно объявилъ ему все это.

«— По доброй душѣ своей Оболенскій готовъ ему вѣрить; но я думаю, что Ростовцевъ ставитъ свѣчу Богу и сатанѣ. Николаю онъ открываетъ заговоръ, передъ нами умываетъ руки признаніемъ, въ которомъ говоритъ онъ, нѣтъ ничего личнаго. Не менѣе того въ этомъ признаніи онъ могъ написать, что ему угодно, и скрывать то, чего ему ненадобно намъ сказывать.

«Но пусть будетъ такъ, что Ростовцевъ, движимый сожалѣніемъ, совѣстью, раскаяніемъ, сказалъ и написалъ не болѣе и не менѣе; однако же, у него сказано о умыслѣ и ежели у Николая теперь такъ много хлопотъ, что некогда разспросить о ней доносчика, или боязнь и политика мѣшали приняться за розыски какъ бы надобно, то, конечно, эти причины не будутъ существовать на первый день по вступленіи на престолъ [1]), и Ростовцева заставятъ сказать что-нибудь поболѣе о томъ, о чемъ онъ говоритъ теперь съ такою скромностію.

---

[1]) Н. Бестужевъ вполнѣ правильно угадалъ дѣйствительную причину отсутствія арестовъ: Николай не желалъ ими раздражить противъ себя и безъ того далеко неблагопріятно настроенное для него общество; онъ надѣялся сдѣлать

«— И если бы сказано было что-нибудь болѣе, насъ, конечно тайная полиція прибрала бы къ рукамъ.

«— Я тебѣ повторяю, что Николай сдѣлаетъ это. Опорная точка нашего заговора, есть вѣрность присяги Константину и нежеланіе присяги Николаю. Это намѣреніе существуетъ въ войскахъ, и, конечно, тайная полиція, о томъ извѣстила Николая; но такъ какъ онъ самъ еще не увѣренъ, точно ли откажется отъ престола братъ его, слѣдовательно арестъ людей, которые хотѣли остаться вѣрными первой присягѣ, можетъ показаться съ дурной стороны Константину, ежели онъ вздумаетъ принять корону.

«— Итакъ, ты думаешь, что мы уже заявлены?

«— Непремѣнно, и будемъ взяты, ежели не теперь, то послѣ присяги.

«— Что же, ты полагаешь, нужно дѣлать?

«— Не показывать этого письма никому и дѣйствовать: лучше быть взятыми на площади, нежели на постели. Пусть лучше узнаютъ за кого мы погибаемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайно исчезнемъ изъ общества, и никто не будетъ знать, гдѣ мы и за что пропали.

Рылѣевъ бросился къ Бестужеву на шею.

— Я увѣренъ былъ,—сказалъ онъ съ сильнымъ движеніемъ,—что это будетъ твое мнѣніе. Итакъ—съ Богомъ! Судьба наша рѣшена. Къ сомнѣніямъ нашимъ теперь, конечно, прибавятся всѣ препятствія. Но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется.

— Принесемъ собою жертву для будущей свободы отечества.

«Мы поѣхали вмѣстѣ съ нимъ—продолжаетъ Бестужевъ—къ полковнику Финляндскаго полка Моллеру, члену общества, чтобы спросить его рѣшительнаго отвѣта, и не застали дома. Рылѣевъ поручилъ мнѣ непремѣнно узнать о его намѣреніяхъ. Я былъ у Моллера опять ввечеру и нашелъ его въ наилучшемъ расположеніи—съ этимъ я отправился къ Рылѣеву. Въ тотъ же вечеръ пріѣхали ко мнѣ изъ деревни мать съ сестрами, и потому мнѣ нельзя было оставаться на совѣщаніи; Рылѣевъ обѣщалъ извѣстить меня обо всемъ».

Въ этотъ день, вечеромъ, у Рылѣева было, если не рѣшающее собраніе, то во всякомъ случаѣ очень важное: на немъ былъ принятъ

это, когда взойдетъ на тронъ. На требованіе военнаго министра ареста извѣстныхъ участниковъ тайнаго общества Николай 13-го декабря сказалъ:

— Нѣтъ, этого не дѣлай. Не хочу, чтобы присягѣ предшествовали аресты. Подумай, какое дурное впечатлѣніе сдѣлаемъ на всѣхъ.

— Но,—возражалъ министръ,—безпокойные заговорщики могутъ произвести безпорядокъ.

— Пусть такъ,—прервалъ его Николай,—тогда и аресты никого не удивятъ; тогда не сочтутъ ихъ несправедливостью и произволомъ.

Вотъ она тактика «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

Н. И. Тургеневъ.
(Род. 1789 г., ум. 1871 г.).

Князь Сергѣй Григорьевичъ
ВОЛКОНСКІЙ.
Съ миніатюры Изабэ 1814 г.

нѣкоторый планъ дѣйствій. На этомъ собраніи были, по словамъ барона Штейнгеля, жившаго въ одномъ домѣ съ Рылѣевымъ, слѣдующія лица: Кн. Трубецкой, Николай, Александръ и Михаилъ Бестужевы, кн. Оболенскій, Каховскій, Арбузовъ, Рѣпинъ, графъ Коновницынъ, кн. Одоевскій, Сутгофъ, Пущинъ, Батенковъ, Якубовичъ, Щепинъ-Ростовскій. Но были не всѣ вмѣстѣ, а одни приходили, другіе уходили. Въ этотъ день Николай Бестужевъ и Арбузовъ отвѣчали за гвардейскій экипажъ; Бестужевъ 3-ій, Московскаго полка, но довольно слабо, за свою роту; Рѣпинъ сначала за часть Финляндскаго полка, потомъ лишь за нѣсколько офицеровъ, прибавляя, что сей полкъ увлечь за собою не можетъ никто изъ согласившихся участвовать въ бунтѣ [1]).

«12-го декабря, вечеромъ, былъ я приглашенъ на совѣщаніе къ Рылѣеву и князю Оболенскому, — пишетъ баронъ Розенъ; — тамъ засталъ я главныхъ участниковъ 14-го декабря. Постановлено было въ день, назначенный для новой присяги, собраться на Сенатской площади, вести туда сколько возможно будетъ войска подъ предлогомъ поддержанія правъ Константина, ввѣрить начальство надъ войскомъ князю Трубецкому [2]), если къ тому времени не прибудетъ изъ Москвы М. Ф. Орловъ. Если главная сила будетъ на нашей сторонѣ, то объявить престолъ упраздненнымъ и ввести немедленно временное правленіе изъ пяти человѣкъ, по выбору членовъ Государственнаго Совѣта и Сената. Въ числѣ пяти называли заранѣе И. С. Мордвинова, М. Б. Сперанскаго и П. И. Пестеля. Временному правленію надлежало управлять всѣми дѣлами государственными съ помощью Совѣта и Сената до того времени, пока выборные люди всей земли Русской успѣютъ собраться и положить основаніе новому правленію. Навѣрно никто не зналъ, сколькими баталіонами или ротами, изъ какихъ полковъ, можно будетъ располагать. Въ случаѣ достаточнаго числа войскъ положено было занять дворецъ, главныя правительственныя мѣста, банки и почтамтъ для избѣжанія всякихъ безпорядковъ. Въ случаѣ малочисленности военной силы и неудачи, надлежало отступить къ новгородскимъ военнымъ населеніямъ» [3]).

Нѣсколько подробнѣе передалъ планы заговорщиковъ и ихъ мотивировку князь Трубецкой. Солдаты, по его словамъ, съ увѣренностью ждали пріѣзда Константина и слышать не хотѣли о новой присягѣ.

«Подсылаемые въ полки люди, съ распущеніемъ слуха о возможности отреченія Константина, были солдатами дурно приняты.

«Развѣдованіе, произведенное офицерами, принадлежащими къ тайному обществу, или содѣйствовавшими ему, убѣдили ихъ, что солдаты

---

[1]) Донесеніе слѣдственной комиссіи. Изд. Саблина. М. 1906 г. 47 стр.

[2]) Онъ находился въ отпускѣ и пріѣхалъ изъ Кіева, гдѣ служилъ.

[3]) Баронъ А. Е. Розенъ.—Записки декабриста. Спб. 1907, стр. 63.

не будутъ согласны дать новую присягу, и что только изустное объявленіе Константина, что онъ передаетъ брату престолъ, можетъ увѣрить ихъ въ истинномъ отреченіи его. Полки, изъ которыхъ имѣли извѣстія, были: Измайловскій, Егерскій, Лейбъ-Гренадерскій, Финляндскій, Московскій, Морской Экипажъ и частью артиллерія; сверхъ того, Преображенскій очень былъ не расположенъ къ Николаю Павловичу. Планъ дѣйствій былъ основанъ на упорствѣ солдатъ остаться вѣрными императору, которому присягнули, въ чемъ общество и не ошиблось, и составленъ былъ слѣдующимъ образомъ. Какъ скоро собраны будутъ полки для новой присяги, и солдаты окажутъ сопротивленіе и не захотятъ, или будутъ колебаться дать ее, то офицеры будутъ стараться вывести ихъ со дворовъ, на которыхъ они собраны будутъ. Первый полкъ съ барабаннымъ боемъ долженъ идти къ другому, который къ нему пристанетъ. Такимъ образомъ надѣялись имѣть не только тѣ полки, на которыхъ разсчитывали, но увлечь и другіе. Лейбъ-Гренадерскій долженъ былъ прямо идти къ арсеналу и занять его. Собраннымъ полкамъ собраться на площади Петровской и заставить Сенатъ издать манифестъ, въ которомъ прописаны будутъ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія и для разрѣшенія которыхъ назначаются выбранные люди отъ всѣхъ сословій для утвержденія, за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ... Срокъ службы военной для рядовыхъ сократить до 15-ти лѣтъ. Временное правленіе должно составить проектъ государственнаго уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія, по образцу Европейскихъ государствъ, и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По обнародованіи Сенатомъ манифеста, войско должно было выступить изъ города, притянувъ 2-е баталіоны, и расположиться въ окрестностяхъ. Это было условіе, на которомъ обѣщано чрезъ Батенкова содѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта [1]), которые требовали, чтобы ихъ имена остались неизвѣстными [2])».

Какъ видно, этотъ планъ, или, вѣрнѣе, въ общихъ чертахъ его набросокъ, не предвидѣлъ неудачи; это не значило, впрочемъ, что ея не ожидали заговорщики; напротивъ, нѣкоторые ясно сознавали всю рискованность возстанія, но это только еще болѣе заставляло готовиться къ нему.

Съ утра 13-го декабря Рылѣевъ былъ уже на ногахъ и объѣзжалъ членовъ, чтобы у одного развѣдать что нибудь новое, другому сообщить только что узнанное, третьихъ уговорить и т. д.

«На другой день (13-го) поутру,—пишетъ Н. Бестужевъ,—передавъ мнѣ нѣкоторыя слабыя надежды, Рылѣевъ поѣхалъ опять со мною

[1]) Батенковъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ со Сперанскимъ.

[2]) Записки кн. С. П. Трубецкого. Спб. 1906 г., 85—7 стр.

къ Моллеру и опять не засталъ его дома. Обѣщавъ пріѣхать ко мнѣ обѣдать, онъ поручилъ мнѣ сыскать его, чтобы, узнавъ его мысли, принять рѣшительныя мѣры.

«Я отправился къ Торсону, и тамъ узнали мы, что Моллеръ у дяди своего, министра. Послали за нимъ. Онъ явился, но былъ уже не тотъ, съ которымъ я говорилъ наканунѣ. При первомъ вопросѣ о его намѣреніяхъ, онъ вспыхнулъ, сказавъ, что не намѣренъ служить орудіемъ и игрушкой другихъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ голова не навѣрно держится на плечахъ и, не слушая нашихъ убѣжденій, ушелъ.

«Я сообщилъ Рылѣеву за обѣдомъ нашу неудачу.

«— Намъ надобно что-нибудь узнать въ Финляндскомъ полку,— сказалъ онъ;—поѣдемъ къ Рѣпину.

«Мы поѣхали, насилу отыскали его, привезли ко мнѣ, и вотъ его слова о состояніи Финляндскаго полка:

«— Моллеръ и Тулубьевъ, который еще сегодня поутру съ энтузіазмомъ далъ слово, оба отказываются. Моллеръ по своимъ расчетамъ, Тулубьевъ, слѣдуя ему. Я не могу ручаться ни за одного солдата. Моей роты здѣсь нѣтъ: она съ баталіономъ стоитъ въ деревнѣ, и притомъ я сказываюсь больнымъ, подавши въ отставку. Во всемъ полку одинъ только Розенъ отвѣчаетъ за себя, но я не знаю, что онъ будетъ въ состояніи сдѣлать.

«Рылѣевъ уѣхалъ, давъ слово возвратиться ввечеру и извѣстить насъ объ окончательныхъ намѣреніяхъ и завтрашнихъ дѣйствіяхъ.

«Мы остались съ Рѣпинымъ. Общество наше увеличилось Торсономъ и Батенковымъ. Въ 10 часовъ пріѣхалъ Рылѣевъ съ Пущинымъ и объявилъ намъ о положенномъ на совѣщаніи, что завтрашній день при принятіи присяги должно поднимать войска, на которыя есть надежда, и какъ бы ни были малы силы, съ которыми выйдутъ на площадь, идти съ ними немедленно во дворецъ.

«— Надобно нанесть первый ударъ,—сказалъ онъ:—а тамъ замѣшательство дастъ новый случай къ дѣйствію. Итакъ, братъ твой Михаилъ со своею ротою, или Арбузовъ, или Сутгофъ— первый, кто придетъ на площадь, отправится тотчасъ во дворецъ.

«Здѣсь Рѣпинъ замѣтилъ Рылѣеву, что дворецъ слишкомъ великъ и выходовъ въ немъ множество, чтобы занять его одною ротою, и что, наконецъ, Преображенскій баталіонъ, помѣщенный возлѣ дворца, можетъ въ ту же минуту быть введенъ туда черезъ Эрмитажъ и что отважившаяся рота будетъ въ слишкомъ опасномъ положеніи, тогда какъ и безъ сего успѣхъ не вѣренъ, чтобы воспрепятствовать уходу царской фамиліи.

«— Если же,—прибавилъ онъ,—это необходимо, недурно бы достать планъ дворца и по оному расположить дѣйствія, чтобы воспользоваться съ выгодою малымъ числомъ.

«— Мы не думаемъ,—сказалъ Рылѣевъ, — чтобъ успѣли кончить всѣ дѣйствія однимъ занятіемъ дворца; но довольно того, ежели Николай и царская фамилія уѣдутъ оттуда, и замѣшательство оставитъ его партію безъ головы. Тогда вся гвардія пристанетъ къ намъ, и самые нерѣшительные должны будуть склониться на нашу сторону. Повторяю, что успѣхъ революціи заключается въ одномъ словѣ: дерзай.

«Такимъ образомъ кончился канунъ происшествія 14-го числа. Многіе изъ товарищей, бывшихъ на совѣщаніи 13-го числа,—прибавляетъ Бестужевъ,—утверждаютъ, что тамъ никогда не было принято подобнаго намѣренія. Не бывъ на семъ совѣщаніи, я этого не знаю и передаю только то, что говорилъ Рылѣевъ Рѣпину и мнѣ ввечеру 13-го числа, послѣ сего совѣщанія, и какъ я въ семъ случаѣ пишу не исторію общества, но дѣйствія Рылѣева, то я долженъ ихъ передавать такъ, какъ я собственно ихъ видѣлъ и слышалъ».

Вечеромъ 13-го совѣщаніе у Рылѣева дѣйствительно было; оно было рѣшающимъ и, по выраженію донесенія, «такъ же многочисленно и безпорядочно, какъ предшедшее: всѣ говорили, почти никто не слушалъ».

«Князь Щепинъ-Ростовскій удивлялъ сообщниковъ своимъ пустымъ многорѣчіемъ; Корниловичъ, только-что возвратившійся въ Петербургъ, увѣрялъ, что во 2-й арміи готово 100 тысячъ человѣкъ; Александръ Бестужевъ отвѣчалъ на замѣчанія младшаго Пущина (Конно-Піонернаго): *по крайней мѣрѣ объ насъ будетъ страничка въ Исторіи.*— *Но эта страничка замараетъ ее,* возразилъ Пущинъ, *и насъ покроетъ стыдомъ*. Когда же баронъ Штейнгель, удостовѣрясь болѣе прежняго въ ничтожности силъ ихъ Тайнаго Общества, и какъ отецъ семейства, заранѣе устрашенный вѣроятными послѣдствіями мятежа, спрашивалъ Рылѣева: *не уже ли вы думаете дѣйствовать?* то онъ сказалъ ему: *дѣйствовать, непремѣнно дѣйствовать;* а Князю Трубецкому, который начиналъ изъявлять боязнь: *умирать все равно; мы обречены на гибель;* и прибавилъ, показывая копію съ письма подпоручика Ростовцова къ Вашему Величеству: *видите ль? намъ измѣнили; Дворъ уже многое знаетъ, но не все; и мы еще довольно сильны.—Ножны изломаны,* промолвилъ другой, *и саблей спрятать нельзя.*

«Въ шумѣ сихъ разговоровъ, преній, восклицаній, слышны были слова и ужасныя предложенія: говорили, но, какъ утверждаютъ, лишь мимоходомъ, о погубленіи всей Августѣйшей Фамиліи Вашей; а покушенія на священную Вашу жизнь требовали, какъ необходимости, Князь Оболенской, Александръ Бестужевъ и наконецъ самъ Князь Трубецкой, ихъ Диктаторъ; сей послѣдній полагалъ, что надобно оставить Великаго Князя Александра Николаевича и провозгласить Его Императоромъ. Якубовичъ вызывалъ бросить жребій, кому изъ пяти (ихъ въ сію минуту столько было въ комнатѣ) умертвить Ваше Вели-

чество: видя, что всѣ молчатъ, онъ сказалъ: *въ прочемъ я за это не возьмусь; у меня доброе сердце; я хотѣлъ мстить, но хладнокровно убійцей быть не могу.* Нѣкоторые Члены совѣтовали удовольствоваться арестованіемъ Вашего Величества и всей Августѣйшей Фамиліи Вашей; Штейнгель ставилъ въ примѣръ Шведскую революцію 1809 года; Рылѣевъ кончилъ споръ словами: *обстоятельства покажутъ, что дѣлать должно;* но просилъ достать карту Петербурга и планъ Зимняго Дворца, на что Александръ Бестужевъ отвѣчалъ со смѣхомъ: *Царская Фамилія не иголка; не спрячется, когда дѣло дойдетъ до ареста*».

Въ этомъ описаніи собранія 13-го декабря, взятаго изъ донесенія слѣдственной комиссіи, если и есть поддержки, преувеличенія и извращенія (безъ этого оно уже никакъ не можетъ), то на этотъ разъ въ небольшой степени. Въ главномъ оно сходится съ тѣмъ, что передаютъ намъ сами участники собранія.

Описывая его, Михаилъ Бестужевъ пишетъ: «Многолюдное собраніе было въ какомъ-то лихорадочно высоконастроенномъ состояніи. Тутъ слышались отчаянныя фразы, неудобно исполнимыя предложенія и распоряженія, слова безъ дѣлъ, за которыя многіе дорого поплатились, не будучи виноваты ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ. Чаще другихъ слышались хвастливые возгласы Якубовича и Щепина-Ростовскаго. Первый былъ храбрый офицеръ, но хвастунъ и самъ трубилъ о своихъ подвигахъ на Кавказѣ. Но не даромъ сказано: кто про свои дѣла твердитъ всѣмъ безъ умолку, въ томъ мало очень толку, и это онъ доказалъ 14-го декабря на Сенатской площади. Храбрость солдата и храбрость заговорщика—не одно и то же. Въ первомъ случаѣ, даже при неудачѣ, его ожидаетъ почетъ и награды, тогда какъ въ послѣднемъ при удачѣ ему предстоитъ туманная будущность, а при проигрышѣ дѣла—вѣрный позоръ и безславная смерть. Щепина-Ростовскаго, хотя онъ не былъ членомъ общества, я нарочно привелъ на это совѣщаніе, чтобы посмотрѣть, не попятится ли онъ. Будучи наэлектризованъ мною, быть можетъ, чрезъ мѣру и чувствуя непреодолимую силу, влекущую его въ водоворотъ, билъ руками и ногами, и старался какъ бы заглушить разсудокъ всплескомъ воды и брызгами.

«За то какъ прекрасенъ былъ въ этотъ вечеръ Рылѣевъ! Онъ былъ не хорошъ собою, говорилъ просто, но негладко; но когда онъ попадалъ на свою любимую тему, на любовь къ родинѣ, физіономія его оживлялась; черные, какъ смоль, глаза озарялись неземнымъ свѣтомъ; рѣчь текла плавно, какъ огненная лава, и тогда, бывало не устанешь любоваться имъ. Такъ и въ этотъ роковой вечеръ, рѣшившій туманный вопросъ: быть или не быть, его ликъ, какъ луна, блѣдный, но озаренный какимъ-то сверхъестественнымъ свѣтомъ, то появлялся, то исчезалъ въ бурныхъ волнахъ этого моря, кипящаго рззличными

страстями и побужденіями. Я любовался имъ, сидя въ сторонѣ подлѣ Сутгофа, съ которымъ мы бесѣдовали, повѣряя другъ другу свои завѣтныя мысли. Къ намъ подошелъ Рылѣевъ и, взявъ обѣими своими руками руку каждаго изъ насъ, и сказалъ: «Миръ вамъ, люди дѣла, а не слова! Вы не бѣснуетесь, какъ Щепинъ или Якубовичъ, но увѣренъ, что сдѣлаете свое дѣло. Мы...»

Я прервалъ его:

— Мнѣ крайне подозрительны эти бравады и хвастливыя выходки, особенно Якубовича. Вы поручили ему поднять артиллеристовъ и Измайловскій полкъ, прійти съ ними ко мнѣ и тогда уже вести всѣхъ на площадь къ сенату; повѣрьте мнѣ, онъ этого не исполнитъ, а ежели исполнитъ, то промедленіе въ то время, когда энтузіазмъ солдатъ возбужденъ, можетъ повредить успѣху, если не вовсе его испортить.

— Какъ можно предполагать, чтобы храбрый кавказецъ?..

— Но храбрость солдата не то, что храбрость заговорщика, а онъ достаточно уменъ, чтобы понять это различіе. Однимъ словомъ, я приведу полкъ, постаравшись не допустить его до присяги, а другіе полки пусть соединятся со мною на площади.

— Солдаты твоей роты, я знаю, пойдутъ за тобою въ огонь и воду, но прочія роты?—спросилъ, подумавъ немного, Рылѣевъ.

— Въ послѣдніе два дня солдаты мои усердно работали въ другихъ ротахъ, а ротные командиры дали мнѣ честное слово не останавливать своихъ солдатъ, если они пойдутъ съ моими. Ротныхъ командировъ я убѣдилъ не ходить на площадь и не увеличивать понапрасну число жертвъ.

— А что же вы?—сказалъ Рылѣевъ, обратившись къ Сутгофу.

— Повторю то же, что сказалъ Бестужевъ, — отвѣчалъ Сутгофъ.—Я приведу ее на площадь, когда соберется туда хоть часть войска.

— А прочія роты?—спросилъ Рылѣевъ.

— Можетъ быть и прочія послѣдуютъ за нами. Но за нихъ я не могу ручаться».

Это были послѣднія слова, которыми обмѣнялся Бестужевъ съ Рылѣевымъ. Было уже около полуночи, когда первый вышелъ изъ его дома; онъ спѣшилъ домой, чтобы быть готовымъ къ роковому завтрашнему дню, подкрѣпить ослабѣвшія отъ напряженія силы.

Новыя подробности, какъ этого собранія, такъ и предыдущихъ даетъ намъ Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ. Хотя они писались для судей, оказавшихся палачами, тѣмъ не менѣе онѣ очень цѣнны.

«13 декабря къ вечеру, писалъ Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ, «я дѣйствительно предлагалъ Каховскому убить нынѣ Царствующаго Государя и говорилъ, что это можно исполнить на площади, но

кто при томъ былъ, не помню. Поутру того дня, долго обдумывая планъ нашего предпріятія, я находилъ множество неудобствъ къ счастливому окончанію онаго. Болѣе всего спрашивалъ я, если нынѣ Царствующій Государь Императоръ не будетъ схваченъ нами, думая, что въ такомъ случаѣ непремѣнно послѣдуетъ междоусобная война. Тутъ пришло мнѣ на умъ, что для избѣжанія междоусобія, должно его принести въ жертву, и эта мысль была причиною моего злодѣйскаго предложенія.

«Кромѣ вышеприведенныхъ мнѣній разныхъ членовъ, Якубовичъ говорилъ, что надобно разбить кабаки, позволить солдатамъ и черни грабежъ, потомъ вынести изъ какой-нибудь церкви хоругви и итти ко дворцу. Все это говорено имъ было въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ и съ чрезвычайнымъ жаромъ, но сіе предложеніе единодушно было отвергнуто. Другихъ особенныхъ мнѣній не помню. Повторяю, что объ истребленіи всей Императорской фамиліи и объ оглашеніи республики я никогда не говорилъ. Дворецъ занять брался Якубовичъ съ Арбузовымъ, на что и изъявилъ свое согласіе Трубецкой. Занятіе же крѣпости и другихъ мѣстъ должно было послѣдовать по плану Трубецкого послѣ задержанія Императорской фамиліи. Другихъ военныхъ распоряженій я не знаю. На одномъ изъ совѣщаній Трубецкой назначилъ къ себѣ въ начальники штаба Оболенскаго; можетъ быть, сей послѣдній получилъ отъ него какія-либо порученія. Еще извѣстно мнѣ, что въ случаѣ неудачи положено было ретироваться на населеніе. Кто это предложилъ не знаю точно».

Чтобы закончить описаніе дѣйствій тайнаго общества въ Петербургѣ наканунѣ возстанія, мы приведемъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ интересна каждая подробность, любопытно каждое извѣстіе.

Мы уже сообщали, что послѣ совѣщанія, т.-е. уже ночью, Рылѣевъ съ Пущинымъ поѣхали къ Н. Бестужеву сообщить ему положеніе вещей. Къ нимъ присоединились Рѣпинъ, Торсонъ и Батенковъ; эти уже ради компаніи; очевидно, настроеніе всѣхъ было таково, что не было мыслей о домѣ и снѣ; всякому хотѣлось сообщить другому свои мысли, раздѣлить съ кѣмъ-нибудь свои чувства. Оболенскій поспѣшилъ къ Ростовцеву сообщить ему преднамѣренную ложь, такъ какъ боялся, что послѣдній можетъ узнать рѣшеніе и сейчасъ же откроетъ всѣхъ по-именно Николаю. Обнимая его, онъ сказалъ:

— Такъ, милый другъ, мы хотѣли дѣйствовать, но увидѣли свою безразсудность! Благодарю тебя, ты насъ спасъ.

«Такая перемѣна,—замѣчаетъ Ростовцевъ,—меня обрадовала, но впослѣдствіи я увидѣлъ, къ несчастью, что это была только хитрость».

13-го же декабря къ барону Розену приходило нѣсколько офицеровъ, несомнѣнно освѣдомленныхъ насчетъ возстанія, и спрашивали «какъ слѣдуетъ поступить тому, кто въ день возстанія будетъ въ караулѣ; отвѣчалъ я положительно и кратко,—пишетъ Розенъ,— что тотъ для общей безопасности и порядка долженъ держаться на занимаемомъ посту. Если этотъ случай спасъ и наградилъ офицера, занимавшаго караулъ 14-го декабря въ сенатѣ, Якова Насакина, то я искренно тому радовался. Къ вечеру получилъ я частное увѣдомленіе о назначеніи слѣдующаго дня къ принятію присяги. Ночью вѣстовой принесъ приказъ полковой, по коему всѣмъ офицерамъ велѣно было собраться въ квартирѣ полкового командира въ 7 часовъ утра. Сонъ прошелъ; съ женою разсуждали объ обязанностяхъ христіанина, гражданина, о предстоящихъ опасностяхъ, о коихъ въ эти послѣдніе дни мы безпрестанно бесѣдовали; я могъ ей совершенно открытся,—ея умъ и сердце все понимали. Наконецъ, съ молитвою предались волѣ Божіей. Наступилъ часъ разлуки» [1]).

Такъ закончились приготовленія къ возстанію 14-го декабря 1825 года, возстанію начавшему ту борьбу противъ деспотизма власти, продолженіе которой мы переживаемъ въ наши дни. Это былъ первый починъ, и отсюда вытекаютъ всѣ промахи, всѣ недостатки, которыми такъ изобиловало событіе 14-го декабря, наконецъ, отсюда вся неудача, которая постигла участниковъ возстанія и вслѣдствіе которой Россія осталась въ рукахъ того же деспотизма.

Но послѣдуемъ за ходомъ событій и потомъ уже постараемся, насколько возможно, оцѣнить все же громадное значеніе, которое имѣетъ возстаніе 1825 года, стоившее жертвъ цѣлаго поколѣнія и лучшаго поколѣнія.

IX.

Раннее утро 14-го декабря въ Петербургѣ. Присяга въ полкахъ.

Наступило сумрачное петербургское утро 14-го декабря, съ 8-ю градусами мороза, утро, казалось, не предвѣщавшее успѣха заговорщикамъ и дѣйствительно ставшее роковымъ для нихъ.

Никогда еще Зимній дворецъ не видѣлъ такого ранняго съѣзда, какъ въ это утро, никогда еще не было тамъ такъ рано пріемовъ. Не было еще семи часовъ утра, какъ Николай уже вышелъ изъ своихъ комнатъ къ собравшимся въ большомъ количествѣ и давно ожидавшимъ его выхода начальникамъ дивизій, бригадъ, полковъ и отдѣльныхъ баталіоновъ гвардейскаго корпуса. Здѣсь, передъ этимъ

[1]) Баронъ А. Е. Розенъ. Тамъ же, 63 стр.

родомъ военнаго совѣта, собравшагося для того, чтобы убѣдиться въ правильности рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи и выслушать приказъ новаго самодержца, Николай сначала прочелъ всѣ документы и манифестъ о восшествіи на престолъ и вдругъ спросилъ изумленную отъ вопроса толпу: —«не имѣетъ ли кто какихъ сомнѣній?» Не трудно отгадать, что всѣ единогласно отвѣчали, что сомнѣній никакихъ не имѣется.

Теперь, имѣя за собою военную силу, Николай уже смѣло скомандовалъ всѣмъ начальникамъ отправиться присягать и приводить къ присягѣ войска. «Послѣ этого,—прибавилъ онъ,—вы отвѣчаете мнѣ головою за спокойствіе столицы; а что до меня, если я буду императоромъ хоть на одинъ часъ, то покажу, что былъ того достоинъ».

Въ то время, какъ въ сенатѣ и совѣтѣ собрались ихъ члены для присяги, чтобы потомъ поспѣть въ Зимній дворецъ къ 11-ти часамъ, въ это же время началась присяга по войскамъ, хотя не одновременно, чтобы заговорщики, которыхъ никто не зналъ, есть ли они, не могли воспользоваться этимъ моментомъ.

Увѣренія Милорадовича о полной тишинѣ въ городѣ и безопасности уже, казалось, сбывались; уже прискакалъ во дворецъ съ донесеніемъ о благополучной присягѣ ген.-адъют. Орловъ, командиръ лейбъ-гвардіи коннаго полка, который наиболѣе былъ преданъ своему шефу,—Константину Павловичу; его извѣстіе было особенно радостно, такъ какъ служило «какъ бы нѣкоторымъ ручательствомъ, что присяга и въ остальныхъ полкахъ совершится также благополучно». Дѣйствительно, объ окончаніи присяги уже были получены извѣстія: изъ Гвардейскаго Сапернаго баталіона, Кавалергардскаго, Преображенскаго, Семеновскаго, Павловскаго, Егерскаго и Финляндскаго полковъ. Въ послѣднемъ поручикъ полка баронъ Розенъ пытался было поднять вопросъ о законности присяги, но не былъ никѣмъ поддержанъ, и попытка не удалась.

«14-го декабря, до разсвѣта,—пишетъ Розенъ, — собрались всѣ офицеры у полковаго командира генерала Воропалова, который, поздравивъ насъ съ новымъ императоромъ, прочелъ письмо и завѣщаніе Александра, отреченіе Константина и манифестъ Николая. Въ присутствіи всѣхъ офицеровъ я выступилъ впередъ и объявилъ генералу: «что если всѣ имъ читанныя письма и бумаги вѣрны съ подлинниками, въ чемъ не имѣю никакой причины сомнѣваться, то почему 27-го ноября не дали намъ прямо присягнуть Николаю?» — Генералъ въ замѣшательствѣ отвѣтилъ мнѣ: «Вы не такъ разсуждаете,—о томъ думали и разсуждали люди поопытнѣе и постарше насъ; извольте, господа, идти по своимъ баталіонамъ для присяги»[1]).

---

[1]. Баронъ Розенъ—тамъ же, 63—4.

Въ саперномъ баталіонѣ, высшимъ начальствомъ котораго былъ самъ Николай, также произошелъ инцидентъ, по словамъ генерала Фелькнера «зловѣщій признакъ, свидѣтельствовавшій, что въ городѣ и въ средѣ гвардейскихъ частей происходитъ какое-то волненіе, производимое тайными поджигателями».

Дѣло, по словамъ В. И. Фелькнера, было такъ:

«Когда командиръ 1-й саперной роты, штабсъ-капитанъ Квашнинъ-Самаринъ, посланный для принесенія изъ Аничковскаго дворца баталіоннаго знамени для присяги, подходилъ съ 1-мъ взводомъ къ казармамъ, въ послѣдній въѣхали ѣхавшіе очень быстро, въ саняхъ, два офицера гвардейской конной артиллеріи, привели его тѣмъ въ безпорядокъ, кричали саперамъ: «братцы, не присягайте! васъ обманываютъ», и затѣмъ скрылись изъ виду. Квашнинъ-Самаринъ, выстроивъ смятый вторженіемъ артиллерійскихъ офицеровъ взводъ, напомнилъ саперамъ о ихъ долгѣ и привелъ ихъ въ порядкѣ на баталіонный дворъ, гдѣ они, вмѣстѣ съ прочими товарищами своими, принесли присягу, и затѣмъ отнесли знамя обратно въ Аничковскій дворецъ. Послѣ принесенія присяги, нижніе чины были распущены, а офицеры, собранные въ квартирѣ баталіоннаго командира, для подписанія присяжнаго листа, получили приказаніе прибыть къ часу пополудни, въ Зимній дворецъ, къ торжественному молебствію»[1]).

Однако, это приказаніе не могли выполнить «по независящимъ отъ офицеровъ обстоятельствамъ»: едва успѣли они выслушать приказаніе, какъ было получено извѣстіе, что гвардейскіе конно-артиллеристы, казармы которыхъ были смежны съ саперными, отказываются присягать Николаю; вслѣдствіе этого извѣстія полковникъ Геруа, «въ предположеніе», что баталіонъ будетъ нуженъ для подавленія безпорядковъ, приказалъ всѣмъ офицерамъ оставаться въ казармахъ и не ѣздить въ Зимній дворецъ, куда, впрочемъ, скоро самъ повелъ весь баталіонъ по приказанію начальника штаба для охраны дворца.

Но что же происходило въ конной артиллеріи? Въ какой степени тамъ проявился «зловѣщій признакъ»? Объ этомъ намъ довольно подробно и правдоподобно разсказываетъ генералъ Сухозанетъ, который принималъ самъ участіе въ приведеніи присяги и прибылъ въ казармы въ 9 часовъ утра.

«Войдя на казарменный дворъ,—пишетъ Сухозанетъ,—я поздоровался съ людьми, и, скомандовавъ: смирно! счелъ нужнымъ высказать имъ слѣдующее: «Ребята! слушайте со вниманіемъ! я самъ внятно и ясно прочту вамъ присягу!» и прочелъ имъ извѣстныя оффиціальныя приложенія. Едва успѣлъ я дочитать послѣднее слово и вос-

[1]) Русская Старина 1870 г., т. II, стр. 133. Изъ записокъ г.-л. Фелькнера.

торжено воскликнуть: «Ура! императоръ Николай Павловичъ!» какъ этотъ возгласъ подхваченъ былъ всѣми шеренгами съ многократными, единодушными и радостными восклицаніями. Солдатъ воспламенить легко. Обратившись къ священнику, я сказалъ ему: «батюшка, читайте молитву къ присягѣ», а поворотясь къ солдатамъ, добавилъ: «ребята это—молитва!» Послѣ этого чтенія еще разъ громкое ура было повторено цѣлою массою голосовъ, и затѣмъ всѣ по одиночкѣ подходили и прикладывались къ кресту и евангелію. Минута была торжественная, зрѣлище умилительное. Прощаясь со мною, генералъ Нейдгартъ[1]) благодарилъ меня въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ за удовольствіе, ему доставленное, и прибавилъ: «вы вездѣ мастеръ своего дѣла!» Мы разстались, ожидая еще извѣстій изъ конной артиллеріи и 2-й пѣшей бригады; я уѣхалъ тотчасъ же домой на свою квартиру, на углу Литейной улицы и Гагаренской набережной».

Однако, нарисованная Сухозанетомъ «торжественная и умилительная» картина вдругъ измѣнилась и угрожала едва ли не бунтомъ. Не прошло и четверти часа послѣ восхитившаго Сухозанета и Нейдгарта зрѣлища, какъ къ первому вбѣгаетъ его адъютантъ «блѣдный, смущенный, со всѣми признаками самаго сильнаго душевнаго волненія» и едва выговариваетъ: «Ваше превосходительство! Конная артиллерія взбунтовалась, не присягаетъ! Офицеры разбѣжались!» Однако «мастеръ своего дѣла» не растерялся даже при этомъ извѣстіи. Не тревожьтесь,—сказалъ онъ,—отправляйтесь къ генералу Войнову, а если вамъ не удастся его отыскать, то представьтесь прямо государю и доложите о томъ, что вы видѣли; а обо мнѣ скажите, что я буду тамъ, гдѣ мнѣ быть должно».

Дѣйствительно, онъ стремительно бросился въ казармы. «Мы вмѣстѣ сбѣжали съ лѣстницы,—продолжаетъ Сухозанетъ;— хотя моя карета была уже заложена, но такъ какъ она стояла на конюшенномъ дворѣ, нѣсколько отдаленномъ отъ моего подъѣзда, то я бросился въ первыя попавшіяся мнѣ сани и поскакалъ въ казармы гвардейской конной артиллеріи. Первымъ словомъ моимъ при входѣ было: «ура, императоръ Николай Павловичъ!» и единодушное, рѣшительное потвореніе этого возгласа всѣми присутствующими чинами послужило достаточнымъ доказательствомъ полнаго сознанія долга и уничтоженнаго заблужденія. Людей я нашелъ въ порядкѣ, только лица нѣкоторыхъ изъ нихъ носили еще слѣды какого-то недоумѣнія. Веселые взгляды солдатъ, ихъ спокойное, хладнокровное обращеніе убѣдили меня въ томъ, что принципъ безпрекословнаго повиновенія начальству въ этой части установленъ. Искренняя моя радостъ этому возвращенію къ долгу присяги была такъ велика, что я добавилъ:

---

[1]) Начальникъ штаба.

«Поздравляю васъ, ребята, съ новымъ императоромъ!»—«Рады стараться!» отвѣчали они и, крикъ: «ура! императоръ Николай Павловичъ!» еще разъ повторился[1]).

Уже передъ концомъ присяги, когда Сухозанетъ успѣлъ съѣздить во дворецъ и доложилъ о происшедшемъ, въ казармы вдругъ пріѣзжаетъ Михаилъ Павловичъ. «Это посѣщеніе всѣхъ насъ восхитило»—пишетъ Сухазанетъ.

«Но это было не надолго».

Неожиданно пріѣхалъ адъютантъ великаго князя и передалъ ему что-то шопотомъ. Выслушавъ его, Михаилъ Павловичъ тотчасъ собрался уѣзжать, сказавъ:

— «Пожалуйста, Иванъ Онуфріевичъ, приводите все къ концу, въ строгомъ порядкѣ; я не могу, да мнѣ и не нужно здѣсь болѣе оставаться! Прощайте!»[2]).

Оставленные великимъ княземъ были въ полномъ недоумѣніи отъ такого внезапнаго отъѣзда и только уже послѣ узнали, что взбунтовался Московскій полкъ.

Тамъ, дѣйствительно, произошло возстаніе; начальствующимъ лицамъ не удалось такъ легко покорить взбунтовавшихся солдатъ и офицеровъ: имъ не пришлось любоваться «торжественнымъ зрѣлищемъ»; напротивъ, въ самомъ началѣ присяги произошло столкновеніе, стоившее нѣсколькихъ жертвъ. Во время построенія полка два офицера, князь Щепкинъ-Ростовскій и Михаилъ Бестужевъ, уговаривали солдатъ своихъ ротъ, къ которымъ присоединились потомъ нижніе чины и другихъ ротъ того же (I-го) баталіона, не присягать, говоря, что ихъ обманываютъ старшіе начальники.

«Все обманъ,—говорили они, по словамъ Корфа,—насъ заставляютъ присягать, а Константинъ Павловичъ не отказывался: онъ въ цѣпяхъ; Михаилъ Павловичъ, шефъ полка, также. Царь Константинъ любитъ нашъ полкъ и прибавитъ вамъ жалованья: кто не останется ему вѣренъ, того колите».

«Находившійся тутъ же Александръ Бестужевъ выдавалъ себя за присланнаго изъ Варшавы съ повелѣніемъ не допускать до присяги[3]).

«Князь Щепинъ-Ростовскій, послѣ этого, тяжело ранилъ сабельными ударыми въ голову, сперва полковаго командира генералъ-май-

[1]) Я обязанъ сознаться,—прибавляетъ онъ,—что приведеніе къ повиновенію людей въ эту трудную минуту принадлежитъ не мнѣ, а полковнику Гербелю, капитану Пистолькорсу и штабсъ-капитану графу Кушелеву.

[2]) Сухозанетъ прибавляетъ: «Замѣчательно то обстоятельство, что въ этотъ промежутокъ времени заѣзжалъ и хотѣлъ войти адъютантъ генерала Бистрома, князь Оболенскій; но когда ему объявили, что его не пустятъ въ казармы безъ доклада генералу Сухозанету, то онъ сѣлъ въ сани и уѣхалъ обратно».

[3]) Корфъ—тамъ же 126 стр.

ора барона Фредерикса, старавшагося вразумить увлекаемыхъ заговорщиками солдатъ, а затѣмъ также бригаднаго командира генералъ-майора Шеншина и баталіоннаго командира полковника Хвощинскаго. Этотъ поступокъ и дальнѣйшіе уговоры мятежныхъ офицеровъ и ихъ сообщниковъ восторжествовали окончательно и увлекли московцевъ къ явному возмущенію. Разобравъ боевые патроны, зарядивъ ружья и силою увлекши съ собою принесенныя для присяги знамена, большая часть солдатъ 1-го баталіона (2-й еще не смѣнился съ городскихъ карауловъ, а 3-й находился въ загородномъ расположеніи), предводимая вождями мятежа, съ криками «ура!» побѣжала по направленію къ Сенатской площади и, прибывъ туда, была остановлена у памятника Петра Великаго, куда въ то же время стали стекаться со всѣхъ сторонъ значительныя толпы народа, съ криками: «ура, Константинъ!»[1]).

«Вслѣдъ и вокругъ московцевъ, передаетъ Корфъ, бѣжала толпа народа, также съ криками: «ура Константинъ!», которые для этой толпы, не читавшей манифеста, имѣли еще *полное значеніе законности*»[2]).

Такъ протекла присяга въ петербургскихъ войскахъ, состоявшихъ большею частью изъ гвардейскихъ полковъ[3]).

Такъ неудачно началось царствованіе Николая, и эту неудачу надо отнести всецѣло насчетъ тѣхъ странностей, которыми такъ

---

[1]) Рус. Стар., августъ 1870 г., т. II 136.

[2]) Не входя въ полемику съ Корфомъ (это дѣло излишнее), мы должны припомнить, что слухъ, а потомъ вѣстъ объ отказѣ Константина уже давно разнеслись среди учителей столицы; это свидѣтельствуютъ рѣшительно всѣ современники событія, съ какой бы стороны они ни были но, конечно, Корфу надо было ухватиться за законность толпы, среди беззаконности войска.

[3]) Корфъ разсказываетъ еще одинъ случай попытки агитаціи среди солдатъ наканунѣ 14-го декабря «13-го декабря, пишетъ онъ, вечеромъ, во 2-ю роту 1-го баталіона Преображенскаго полка, состоявшую изъ молодыхъ солдатъ, вошелъ внезапно незнакомый офицеръ, въ адъютантскомъ мундирѣ. Польстивъ сначала нижнимъ чинамъ увѣреніемъ, что вся гвардія ждетъ отъ нихъ примѣра и указанія, онъ объявилъ потомъ въ превратномъ видѣ о назначаемой на слѣдующее утро присягѣ и прибавилъ, что жертвуютъ собою для спасенія перваго русскаго полка отъ присяги клятвопреступной. Фельдфебель, человѣкъ умный и надежный, пославъ тотчасъ предупредить объ этомъ начальство, убѣждалъ офицера прекратить свои разсказы, а солдаты выведенные, наконецъ, изъ терпѣнія его дерзостью, объявили, что не выпустятъ его. Какъ нарочно, въ казармахъ не случилось въ ту пору никого изъ командировъ, а на зовъ фельдфебеля пришелъ дежурный по баталіону, совоспитанникъ упомянутаго офицера по Пажескому корпусу. Возмутитель встрѣтилъ его жалобами на мнимыя грубости нижнихъ чиновъ и угрозами, что начальники будутъ извѣщены о неисправности его, дежурнаго, который испугался этого, велѣлъ выпустить бывшаго своего товарища и проводилъ его съ извиненіями».

изобилуетъ смерть Александра и послѣдовавшей за ней періодъ междуцарствія.

Странность дѣйствій Александра, упорство Константина и чрезмѣрное самолюбіе, чтобы не сказать себялюбіе, Николая явились теперь причинами печальныхъ послѣдствій.

X.

14-е декабря во дворцѣ. Первый день императора Николая.

Мы оставили Николая съ пріятными извѣстіями о благополучной присягѣ въ нѣсколькихъ полкахъ гвардіи. Оставалось уже незначительное количество войскъ, отъ которыхъ еще не было никакихъ извѣстій. Однако, этимъ запозданіемъ не безпокоились, такъ какъ знали, что присяга происходила не въ одно время, и предполагали, что свѣдѣній нѣтъ за отдаленностью казармъ.

Но тутъ, вмѣсто успокоительныхъ извѣстій, начали прибывать одинъ за другимъ генералы съ донесеніями одно хуже другого.

«Вскорѣ за Орловымъ,—пишетъ Николай,—явился ко мнѣ Сухозанетъ съ извѣстіемъ, что артиллерія присягнула, но что въ гвардейской конной артиллеріи офицеры оказали сомнѣніе въ справедливости присяги... Многіе изъ офицеровъ до того вышли изъ повиновенія, что генералъ Сухозанетъ долженъ былъ ихъ всѣхъ арестовать» [1]).

Чрезъ нѣсколько минутъ вбѣжалъ къ Николаю начальникъ штаба г.-л. Нейдгардтъ «въ совершенномъ разстройствѣ». «Ваше Величество!—кричалъ онъ, запыхавшись,—Московскій полкъ въ полномъ возстаніи. Шеншинъ и Фредериксъ тяжело ранены, и мятежники пошли къ Сенату. Я едва ихъ обогналъ, чтобы донести о томъ Вашему Величеству. Ради Бога прикажите двинуть противъ нихъ 1-й баталіонъ Преображенскаго полка и конную гвардію» [2]).

«Меня вѣсть сія поразила, какъ громомъ,—пишетъ Николай, ибо съ первой минуты я не видѣлъ въ семъ первомъ ослушаніи дѣйствія одного сомнѣнія, котораго всегда опасался, но, зная существованіе заговора, узналъ въ семъ первое его доказательство. Разрѣшивъ первому баталіону преображенцевъ выходить, я дозволилъ конной гвардіи сѣдлать, но не выѣзжать, и къ нимъ отправилъ генерала Нейдгардта, пославъ, въ то же время г.-м. Стрекалова въ Преображенскій баталіонъ для скорѣйшаго исполненія.

---

1) Шильдеръ—тамъ же, 282.

2) Нейдгардтъ говорилъ по-французски; здѣсь приводимъ его слова въ переводѣ Корфа.

«Оставшись одинъ, я спросилъ себя, что мнѣ дѣлать, и, перекрестясь, отдался въ руки Божіи, рѣшилъ самъ итти туда, гдѣ опасность угрожала».

Такъ начались оборонительныя, а затѣмъ и наступательныя дѣйствія Николая. Первыхъ было болѣе, чѣмъ достаточно, вторыя же закончились кровавымъ финаломъ.

Первой заботой императора было увеличить надежными войсками охрану дворца. Въ сопровожденіи генерала Кутузова, онъ сошелъ въ дворцовую главную гауптвахту, въ которую только что вступила 9 стрѣлковая рота л.-г. Финляндскаго полка, подъ командою капитана Прибыткова. «Вызвавъ караулъ подъ ружье и приказавъ мнѣ отдать честь, прошелъ по фронту и, спросивъ людей, присягнули ли мнѣ и знаютъ ли, отчего сіе было, и что по точной волѣ сіе брата К. П., получилъ въ отвѣтъ, что знаютъ и присягнули. За симъ сказалъ я имъ: «Ребята московскія шалятъ, не перенимать у нихъ и свое дѣло дѣлать молодцами», велѣлъ зарядить ружья и самъ скомандовалъ: «дивизіонъ впередъ, скорымъ шагомъ маршъ», повелъ отрядъ лѣвымъ плечомъ впередъ къ главнымъ воротамъ дворца... Поставя караулъ поперекъ воротъ, обратился къ народу, который, меня увидя, началъ сбѣгаться ко мнѣ и кричать ура. Махнувъ рукой, я просилъ, чтобъ мнѣ дали говорить. Въ то же время пришелъ ко мнѣ графъ Милорадовичъ, и, сказавъ: «Дѣло идетъ дурно, мятежники отправились къ Сенату; но я пойду туда уговаривать ихъ» [1]), ушелъ, и я болѣе его не видѣлъ.

«Надо было мнѣ выиграть время, дабы дать войскамъ собраться; нужно было отвлечь вниманіе народа чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ; всѣ эти мысли пришли мнѣ какъ бы вдохновеніемъ, и я началъ говорить народу, спрашивая, читали ли мой манифестъ; всѣ говорили, что нѣтъ, пришло мнѣ на мысль самому его читать; у кого-то въ толпѣ нашелся экземпляръ; я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Богъ меня поддержалъ [2]).

«Наконецъ, Стрекаловъ извѣстилъ меня, что Преображенскій первый баталіонъ готовъ; приказавъ коменданту, г.-а. Башуцкому остаться при гауптвахтѣ и не трогаться съ мѣста безъ моего приказанія, самъ пошелъ сквозь толпу прямо къ баталіону, стоявшему спиной къ ко-

---

[1]) Корфъ сообщаетъ, что въ отвѣтъ на это сообщеніе у государя не вырвалось ни одного слова въ укоръ за всѣ предшедшія увѣренія въ мнимомъ спокойствіи столицы. «Вы, графъ, долго командовали гвардіей,— отвѣчалъ лишь Николай,—солдаты васъ знаютъ, любятъ и уважаютъ: уговорите же ихъ, вразумите, что ихъ нарочно вводятъ въ обманъ; вамъ они скорѣе повѣрятъ, чѣмъ другимъ». Милорадовичъ пошелъ.

[2]) Несмотря на это признаніе, Корфъ передаетъ умилительную картину цѣлованія Николая съ народомъ.

мендантскому подъѣзду, лѣвымъ флангомъ къ экзерциргаузу... Баталіонъ мнѣ отдалъ честь, я прошелъ по фронту и, спросивъ, готовы ли итти за мной, куда велю, получилъ въ отвѣтъ громкое молодецкое:—ради стараться!—минута единственная въ моей жизни; никакая кисть не изобразитъ стройную, почтенную и спокойную наружность[1] сего именно перваго баталіона въ свѣтѣ, въ столь критическую минуту. Скомандовавъ по-тогдашнему: «къ атакѣ въ колонну, первый и восьмой взводъ въ полъ-оборота налѣво и направо», повелъ я баталіонъ лѣвымъ плечомъ впередъ, мимо заборовъ тогда достраивавшагося дома министра финансовъ и иностранныхъ дѣлъ, къ углу Адмиральтейскаго бульвара. Тутъ, узнавъ, что ружья не заряжены, велѣлъ баталіону остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мнѣ лошадь, но всѣ прочіе были пѣши...

«Зарядивъ ружья, пошли мы впередъ; тогда со мною были генералъ-адъютантъ Кутузовъ, флигель-адъютантъ Дурново, Стрекаловъ и адъютанты мои Перовскій и Адлербергъ. Адъютанта моего Кавелина послалъ я итти въ Аничкинъ домъ перевозить дѣтей въ Зимній дворецъ[2]. Перовскаго послалъ я въ конную гвардію, съ приказаніемъ выѣзжать ко мнѣ на площадь».

Услышавъ выстрѣлы, которыми былъ смертельно раненъ Милорадовичъ, и видя, что народъ все пребываетъ, Николай принялъ всѣ усилія, чтобы увеличить свои силы.

«Я вызвалъ стрѣлковъ,—пишетъ онъ,—на фланги баталіона и дошелъ такимъ образомъ до угла Вознесенской; не видя еще конной гвардіи, я остановился и послалъ за нею одного бывшаго при мнѣ коннымъ стараго рейткнехта изъ конной гвардіи Болдырева съ тѣмъ, чтобы полкъ поскорѣе шелъ. Тогда же слышали мы: «Ура, Константинъ»—на площади противъ Сената, и видна была стрѣлковая цѣпь которая никого не пропускала».

Вскорѣ прибыла вся конная гвардія и стала между Исаакіевскимъ соборомъ и зданіемъ военнаго министерства, бывшаго тогда дома Лобанова, построившись спиной къ дому.

«Сейчасъ я поѣхалъ къ нему, читаемъ дальше въ запискахъ Николая, и, поздоровавшись съ людьми, сказалъ имъ, что ежели искренно мнѣ присягнули, то настало время доказать мнѣ сіе на дѣлѣ. Генералу Орлову велѣлъ съ полкомъ итти на Сенатскую площадь и выстроиться такъ, чтобъ пресѣчь, ежели возможно, мятежникамъ сообщеніе съ тѣхъ сторонъ, гдѣ ихъ окружить было можно. Площадь тогда была весьма стѣснена заборами отъ стороны собора, простиравшимися до угла нынѣшняго синодскаго зданія; уголъ, образуемый

---

[1]) Корфъ пишетъ, что видъ баталіона Николай назвалъ *«гранитнымъ»*.

[2]) Для бывшей безопасности дѣти Николая Павловича были перевезены въ наемной каретѣ.

Сенатская площадь 14 декабря 1825 года.

(Съ рисунка Кольмана, изъ кабинета графа Бенкендорфа въ Фаллѣ).

бульваромъ и берегомъ Невы, служилъ складомъ выгружаемыхъ камней для собора, и оставалось между сими матеріалами и монументомъ Петра Великаго не болѣе, какъ шаговъ 50. На семъ тѣсномъ пространствѣ, идя по шести, полкъ выстроился въ двѣ линіи, правымъ флангомъ къ монументу, лѣвымъ почти достигая заборовъ».

Затѣмъ Николай отрядилъ роту Е. В. Преображенскаго полка съ тремя офицерами занять Исаакіевскій мостъ, чтобы отрѣзать сообщеніе съ Васильевскимъ мостомъ и прикрыть фронтъ конной гвардіи, а самъ съ Бенкендорфомъ поѣхалъ на площадь, чтобы посмотрѣть позиціи «противника»; «меня, прибавляетъ онъ, встрѣтили выстрѣлами».

«Въ то же время послалъ я приказаніе всѣмъ войскамъ сбираться ко мнѣ на Адмиральтейскую площадь и, воротясь на оную, нашелъ уже остальную малую часть Московскаго полка, съ большею частію офицеровъ, которыхъ ко мнѣ привелъ Михаилъ Павловичъ. Офицеры бросились мнѣ цѣловать руки и ноги. Въ доказательство моей къ нимъ довѣренности поставилъ я ихъ на самомъ углу, у забора, противъ мятежниковъ. Кавалергардскій полкъ, 2-й баталіонъ Преображенскаго полка стояли уже на площади; сей баталіонъ послалъ я вмѣстѣ съ первымъ, рядами направо, примкнуть къ конной гвардіи. Кавалергарды оставлены были мною въ резервѣ, у дома Лобанова. Семеновскому полку велѣно было итти прямо, вокругъ Исаакіевскаго собора къ манежу конной гвардіи и занять мостъ. Я вручилъ команду съ сей стороны Михаилу Павловичу. Павловскаго полка воротившіеся люди изъ караула, составлявшіе малый баталіонъ, посланы были по Почтовой улицѣ и мимо конно-гвардейскихъ казармъ на мостъ у Крюкова канала и въ Галерную улицу.

«Въ сіе время узналъ я, что въ Измайловскомъ полку происходилъ безпорядокъ и нерѣшительность при присягѣ [1]). Сколь мнѣ сіе ни больно было, но я рѣшительно не полагалъ сего справедливымъ и относилъ сіе къ тѣмъ же замысламъ, а потому велѣлъ генералъ-адъютанту Левашеву, ко мнѣ явившемуся, ѣхать въ полкъ и, буде есть какая-либо возможность, двинуть его, хотя бы противъ меня, непремѣнно его вывесть изъ казармъ.

«Между тѣмъ, видя, что дѣло становится весьма важнымъ, и не предвидя еще, чѣмъ кончится, послалъ я Адлерберга съ приказаніемъ штальмейстеру князю Долгорукову приготовить загородные экипажи для матушки и жены, и намѣренъ былъ въ крайности выпроводить ихъ съ дѣтьми, подъ прикрытіемъ кавалергардовъ, въ Царское Село. Самъ же, пославъ за артиллеріей, поѣхалъ на Дворцовую площадь,

---

[1]) По словамъ Корфа, тамъ во время присяги раздались крики—Константину. Кто кричалъ такъ и не выяснилось, хотя, какъ утверждаетъ Корфъ, солдаты говорили, что это молодые офицеры кричали.

дабы обезпечить дворецъ, куда велѣно было слѣдовать прямо обоимъ сапернымъ баталіонамъ: гвардейскому и учебному.

«Воротившись къ войскамъ, поѣхалъ къ прибывшей артиллеріи, но, къ несчастію, безъ зарядовъ, хранившихся въ лабораторіи; доколѣ послано было за ними, мятежъ усиливался»... «Ура! конституція!» раздавалось и принималось черныо за ура, произносимое въ честь супруги Константина Павловича [1]).

«Воротился генералъ-адъютантъ Левашевъ съ извѣстіемъ, что Измайловскій полкъ въ порядкѣ и ждетъ меня у Синяго моста; я поспѣшилъ къ нему, полкъ отдалъ мнѣ честь и встрѣтилъ меня съ радостными лицами, которыя разсѣяли во мнѣ всякое подозрѣніе; я сказалъ людямъ, что хотѣли ихъ обмануть, что я сему не повѣрю, что, впрочемъ, ежели среди нихъ есть такіе, которые хотятъ противъ меня итти, то я имъ не препятствую присоединиться къ мятежникамъ. Громкое ура было мнѣ отвѣтомъ. Я при себѣ приказалъ зарядить ружья и послалъ ихъ на площадь, велѣвъ поставить ихъ въ резервѣ, спиною къ дому Лобанова, самъ же поѣхалъ къ Семеновскому полку, уже стоявшему на своемъ мѣстѣ. Полкъ подъ начальствомъ полковника Шипова прибылъ въ величайшей исправности и стоялъ у самаго моста на каналѣ, баталіонъ за баталіономъ. Михаилъ Павловичъ былъ уже тутъ.

«...объѣхавъ вокругъ собора, прибылъ снова къ войскамъ, съ той стороны бывшимъ, и нашелъ прибывшимъ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, который оставался на площади противъ Гороховой, за пѣшей артиллерійской бригадой.

«Погода изъ довольно свѣжей становилась холоднѣе; снѣгу было весьма мало, и оттого весьма скользко; начинало смеркаться, ибо было уже три часа пополудни. Шумъ и крики дѣлались настойчивѣе, и частые ружейные выстрѣлы многихъ изъ конной гвардіи ранили и перелетали чрезъ войска» [2]).

Такъ стягивались «силы» Николая. Какъ каждый можетъ убѣдиться, ихъ было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы подавить ничтожное количество собравшихся около памятника Петра повстанцевъ. Во всякомъ случаѣ Николаю нечего было опасаться ни за себя, ни за свою власть, ни за свое семейство; онъ совершенно напрасно подготовлялъ ихъ выѣздъ за предѣлы Петербурга, такъ какъ это не обезопасивало ихъ въ случаѣ успѣха заговорщиковъ; они никакъ не могли укрыться «за предѣлы достягаемости» отъ возставшихъ.

---

[1]) Эта басня опровергается современниками событія и между прочимъ однимъ квартальнымъ надзирателемъ, воспоминанія котораго о днѣ 14-го декабря были напечатаны въ приложеніи II выпуска Библіотеки Декабристовъ.

[2]) Шильдеръ. Николай I-й, т. I.

Такъ падаетъ легенда о беззавѣтной храбрости Николая, которую якобы онъ проявилъ 14-го декабря, тогда какъ все время былъ окруженъ огромной свитой и охраной [1]). Но всю преувеличенность опасности мы еще яснѣе увидимъ, когда подробно узнаемъ силы мятежниковъ, ихъ намѣренія и дѣйствія на Сенатской площади.

XII.

Событія на Сенатской площади.

«Наступило утро рокового дня, — пишетъ П. А. Каратыгинъ; — казалось, что все шло обычнымъ своимъ порядкомъ; на улицахъ ничего особеннаго не было замѣтно».

Предположеніе Каратыгина подтверждалось спокойнымъ пріѣздомъ графа Милорадовича къ танцовщицѣ Е. Телешевой, жившей въ одномъ домѣ съ Каратыгинымъ.

«Часовъ въ 10 съ половиной графская карета, четверней — пишетъ онъ, — подъѣхала къ крыльцу, со двора, и графъ, въ полной парадной формѣ, въ голубой лентѣ, вышелъ изъ нея и пошелъ, по обыкновенію, прежде наверхъ къ Телешовой, а потомъ обѣщалъ зайти на пирогъ къ имениннику [2]). Видя генералъ-губернатора въ то утро совершенно спокойнымъ, мы тоже начали успокаиваться и были почти увѣрены, что нелѣпые вчерашніе слухи [3]) не имѣли никакого основанія, иначе какъ бы могъ въ такой важный день и часъ губернаторъ столицы быть въ гостяхъ у частнаго лица? Неужели бы эти зловѣщіе городскіе слухи не дошли до него? Но не прошло и четверти часа по пріѣздѣ графа, какъ во дворъ нашъ прискакалъ во весь карьеръ казакъ; соскочивъ съ лошади, онъ побѣжалъ наверхъ, въ квартиру Телешовой, и черезъ нѣсколько минутъ карета подъѣхала къ подъѣзду, и графъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ карету, дверцы которой едва успѣлъ захлопнуть его лакей, и карета стремглавъ помчалась за ворота. Мы побѣжали смотрѣть въ окна, выходившія на Офицерскую улицу, и тутъ увидѣли баталіонъ Гвардейскаго экипажа, который шелъ въ безпорядкѣ, скорымъ шагомъ, съ барабаннымъ боемъ и распущеннымъ знаменемъ; баталіономъ предводительствовалъ знакомый намъ капитанъ *Балкашинъ*. Уличные мальчишки окружали солдатъ и кричали: «ура!».

---

[1]) Корфъ передаетъ, что государь на площади же раздавалъ отличія и награды «вѣрнымъ» частямъ войскъ; это дѣлалось очевидно для большаго энтузіазма и вѣрности.

[2]) Къ другу Милорадовича — Майкову.

[3]) Каратыгинъ передаетъ, что еще наканунѣ ихъ прислуга говорила о готовящихся безпорядкахъ.

«Быстрый отъѣздъ графа и эта послѣдняя картина мало добраго обѣщали. Мы съ братомъ начали собираться со двора.

«Очутившись на улицѣ, Каратыгинъ встрѣтилъ Московскій полкъ, съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами; густая толпа народа и мальчишекъ окружали солдатъ и горланили: «ура!». Якубовичъ [1]) пожалъ руку моему брату и побѣжалъ впередъ; вскорѣ мы потеряли его изъ виду; поворотя за уголъ на Морскую, мы увидѣли Якубовича уже безъ шинели, съ обнаженной саблей, впереди полка, онъ сильно кричалъ и махалъ своей саблей» [2]).

Прибывъ въ такомъ видѣ на площадь, Московскій полкъ построился въ карре. Площадь была еще совершенно пуста.

— Что? Имѣю ли я теперь право повторить тебѣ, что вы затѣяли дѣло неудобоисполнимое. Видишь, не одинъ я такъ думалъ,—сказалъ Якубовичъ М. Бестужеву на площади.

— Ты бы не могъ сказать этого, если бы сдержалъ данное тобою слово и привелъ сюда прежде насъ или артиллерію, или измайловцевъ—отвѣчалъ ему А. Бестужевъ.

Рота М. А. Бестужева стала лицомъ къ Адмиралтейскому бульвару, и онъ по необходимости долженъ былъ наблюдать за тремя фасами, а четвертымъ, обращеннымъ къ Исаакіевскому собору, командовалъ Щепинъ - Ростовскій. Онъ стоялъ по словамъ Розена, опершись на татарскую саблю, утомившись и измучившись отъ борьбы во дворѣ казармъ. Онъ и М. Бестужевъ просили помощи и пеняли на караульнаго офицера Якова Насакина, отчего онъ не присоединился къ нимъ со своимъ карауломъ.

«Всѣхъ бодрѣе, пишетъ тотъ же Розенъ, въ карре стоялъ И. И. Пущинъ, хотя онъ, какъ отставной, былъ не въ военной одеждѣ, но солдаты охотно слушали его команду, видя его спокойствіе и бодрость. На вопросъ мой Пущину, гдѣ мнѣ отыскать князя Трубецкого, онъ мнѣ отвѣчалъ: «пропалъ или спрятался,—если можно, то достань еще помощи, въ противномъ случаѣ и безъ тебя тутъ довольно жертвъ» [3]).

Оболенскій, назначенный Трубецкимъ начальникомъ штаба возставшихъ войскъ, явился на площадь въ одно время съ Московскимъ полкомъ. Здѣсь же былъ и Рылѣевъ въ костюмѣ простолюдина съ солдатскою сумкою черезъ плечо [4]); но онъ скоро удалился въ ка-

---

[1]) Якубовичъ шелъ съ Каратыгинымъ.

[2]) Русская Старина. Воспоминанія П. А. Каратыгина.

[3]) Розенъ—тамъ же, 64 стр.

[4]) По этому поводу Н. Бестужевъ передаетъ слѣдующій разговоръ съ поэтомъ утромъ 14-го декабря: «Я же, со своей стороны, прибавилъ Рылѣевъ, ѣду въ Финляндскій и Лейбъ-Гвардейскій полки и, если кто-либо выйдетъ на площадь, я стану въ ряды солдатъ, съ сумою черезъ плечо и съ ружьемъ въ рукахъ.

зармы другихъ частей; по словамъ князя Оболенскаго, онъ отправился въ лейбъ-Гренадерскій полкъ, чтобы ускорить его приходъ. Пущинъ же пишетъ, что Рылѣевъ, не найдя никакихъ войскъ на сборномъ мѣстѣ, поѣхалъ въ казармы Измайловскаго полка; затѣмъ онъ еще долго разыскивалъ князя Трубецкого. Вообще, пишетъ про Рылѣева Розенъ, онъ «какъ угорѣлый, бросался во всѣ казармы, ко всѣмъ карауламъ, чтобы набрать больше матеріальной силы, и возвращался на площадь съ пустыми руками».

За Рылѣевымъ съ площади ушелъ и Якубовичъ. «Окончивъ трудную работу, постройку карре изъ обрывковъ разныхъ ротъ, пишетъ М. Бестужевъ, около котораго собрались уже многіе изъ нашихъ членовъ, и, не видя Якубовича, я спросилъ о причинѣ его отсутствія.—«Онъ сказалъ мнѣ,—отвѣчалъ братъ,—что по причинѣ страшной головной боли онъ удаляется съ площади. Но посмотри,—продолжалъ онъ, указывая на свиту государя,—вѣроятно, атмосфера новаго царя живительно подѣйствовала на его чувствительные нервы». И братъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ».

Но въ то время какъ одни уходили или за подкрѣпленіемъ или по странностямъ своего характера, какъ Якубовичъ, въ это же время прибывали на площадь все новыя и новыя лица. Въ 10 часовъ утра баронъ Розенъ, получивъ записку отъ Рылѣева явиться въ Московскій полкъ, поспѣшилъ туда; но полкъ уже былъ на площади; пробившись сквозь толпу, онъ прямо подошелъ къ карре и былъ встрѣченъ громкимъ ура!

По словамъ Штейнгеля, едва успѣли инсургенты (Московскій полкъ) построиться въ карре, какъ показался скачущимъ изъ дворца въ парныхъ саняхъ, стоя, въ одномъ мундирѣ и голубой лентѣ графъ Милорадовичъ. Слышно было съ бульвара, какъ онъ, держась лѣвою рукою за плечо кучера и показывая правою, приказывалъ ему: «объѣзжай церковь и направо къ казармамъ». Не прошло трехъ минутъ, какъ онъ вернулся верхомъ передъ карре и сталъ убѣждать солдатъ повиноваться и присягнуть новому императору.

— Какъ—во фракѣ?

— Да! а можетъ быть надѣну и русскій кафтанъ, чтобы сроднить солдата съ поселяниномъ въ первомъ дѣйствіи ихъ взаимной свободы.

— Я тебѣ этого не совѣтую. Русскій солдатъ не понимаетъ этихъ тонкостей патріотизма, и ты скорѣе подвергнешься опасности отъ удара прикладомъ, нежели сочувствію къ твоему благородному, но неумѣстному поступку. Къ чему этотъ маскарадъ? Время національной гвардіи еще не настало.

Рылѣевъ задумался.

«Въ самомъ дѣлѣ, это слишкомъ романически,—сказалъ онъ.—Итакъ, просто, безъ излишествъ, безъ затѣй. Можетъ быть,—продолжалъ онъ,—можетъ быть мечты наши сбудутся: но нѣтъ, вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе, что мы погибнемъ» *Библ. Декабр., в. I, 43 стр.*

«Бунтовщики,—разсказываетъ Башуцкій,—увидя его, сдѣлали ему на караулъ и кричали: «Ура!» Графъ вынулъ шпагу и, показывая имъ, говорилъ: «что шпага эта подарена ему царевичемъ Константиномъ Павловичемъ въ знакъ дружбы—увѣрялъ ихъ, что царевичъ отрекся отъ престола и ни подъ какимъ видомъ не хочетъ царствовать; неужели,—заключилъ онъ,—я измѣню моему другу?

«Убѣжденія остаются тщетны.

«—Развѣ нѣтъ между вами старыхъ солдатъ,—продолжалъ графъ,—которые бы со мной служили и которые бы меня знали!»

Молчаніе.

Результатомъ уговоровъ Милорадовича было колебаніе солдатъ. Видя это, Оболенскій сталъ уговаривать графа отъѣхать прочь, угрожая иначе опасностію. Но Милорадовичъ не слушалъ; вдругъ раздался пистолетный выстрѣлъ, сдѣланный Каховскимъ; графъ замотался, шляпа съ него слетѣла, и онъ припалъ къ лукѣ. Въ суматохѣ здѣсь онъ получаетъ еще рану штыкомъ въ бокъ, нанесенную княземъ Оболенскимъ [1]).

Такъ палъ первою жертвою возстанія, благодаря своей самонадѣянности и дѣйствительной храбрости, графъ Милорадовичъ, «который, по словамъ Розена, въ безчисленныхъ сраженіяхъ и стычкахъ участвовалъ со славою и остался невредимымъ [2]).

Между тѣмъ Московцамъ стала прибывать помощь. По Галерной улицѣ пришелъ баталіонъ Гвардейскаго экипажа. Когда баталіонъ

---

[1]) Штейнгель пишетъ, что рана была нанесена раньше выстрѣла Каховскаго.

[2]) Милорадовича, сообщаетъ Башуцкій, хотѣли отнести къ нему въ домъ, но онъ, сказавши, что чувствуетъ, что рана смертельная, велѣлъ, чтобы положили его на солдатскую койку въ конно-гвар. казармахъ.

«Въ скоромъ времени туда съѣхались врачи, и на утѣшеніе ихъ графъ отвѣчалъ только, что онъ знаетъ, что ему должно умереть. Когда вырѣзывали изъ его раны пулю (пулю вынималъ состоявшій при немъ докторъ, спутникъ во многихъ его походахъ, Василій Михайловичъ Буташевичъ-Петрашевскій (†), отецъ извѣстнаго Михаила Бут.-Петрашевскаго († 1866 г. 7-го декаабря), то онъ, посмотря на нее, сказалъ: «Я увѣренъ былъ, что въ меня выстрѣлилъ не солдатъ, а какой-нибудь шалунъ, потому что эта пуля не ружейная».

Подъ вечеръ императоръ прислалъ къ нему собственноручное письмо слѣдующаго содержанія.

«Мой другъ, мой любезный Михайло Андреевичъ, да вознаградитъ тебя Богъ за все, что ты для меня сдѣлалъ. Уповай на Бога, такъ какъ я на него уповаю, онъ не лишитъ меня друга. Если бы я могъ слѣдовать сердцу, я бы при тебѣ уже былъ, но долгъ мой меня здѣсь удерживаетъ. Мнѣ тяжелъ сегодняшній день, но я имѣлъ утѣшеніе ни съ чѣмъ несравненное, ибо видѣлъ въ тебѣ, во всѣхъ, во всемъ народѣ друзей, дѣтей. Да дастъ мнѣ Богъ всещедрый силы имъ за то воздать, вся жизнь моя на то посвятится. Твой другъ искренній, Николай».

«Графъ Милорадовичъ самъ хотѣлъ прочесть это письмо, но сколь много ни ставили подлѣ него свѣчей, однако же силы его того ему сдѣлать не позволили».

этотъ собранъ былъ во дворѣ казармъ для присяги, и нѣсколько офицеровъ, сопротивлявшихся ей, были арестованы бригаднымъ командиромъ генераломъ Шиповымъ, то въ воротахъ казармъ показался Н. Бестужевъ; въ это же время вдругъ раздались ружейные выстрѣлы на Сенатской площади. Бестужевъ закричалъ:—«нашихъ бьютъ! ребята, за мной!»—и всѣ ринулись за нимъ на площадь.

Баталіонъ этотъ, выстроившись въ колонну къ атакѣ, сталъ за карре Московскаго полка, за фасомъ, обращеннымъ къ Исаакіевскому собору.

Спустя нѣкоторое время, къ возставшимъ присоединились три роты л.-г. Гренадерскаго полка, приведенныя поручикомъ А. Н. Сутгофомъ, баталіоннымъ адъютантомъ Н. А. Пановымъ и подпоручикомъ Кожевниковымъ [1]).

Перебѣжавъ черезъ Неву, они вошли во внутренній дворъ Зимняго дворца, гдѣ уже стоялъ полковникъ Геруа съ баталіономъ гвардейскихъ саперъ. Комендантъ Башуцкій, оставленный начальникомъ охраны дворца, похвалилъ усердіе гренадеръ за защиту престола, но люди, замѣтивъ свою ошибку, закричали: «не наши», такъ же быстро выбѣжали на улицу.

Здѣсь роты встрѣтили Николая Павловича, спросившаго ихъ — «куда вы? если за меня, то направо, если нѣтъ, то налѣво!» Солдаты закричали: «за Константина!» «Налѣво!» и всѣ пустились въ безпорядкѣ бѣжать на Сенатскую площадь [2]). Объ этомъ случаѣ самъ императоръ пишетъ слѣдующее! «Не доѣхавъ еще до дома главнаго штаба, увидѣлъ въ совершенномъ безпорядкѣ со знаменами, безъ офицеровъ лейбъ-Гренадерскій полкъ, идущій толпой. Подъѣхавъ къ нимъ, ничего не подозрѣвая, я пошелъ остановить людей и выстроить; но на мое: *стой*, отвѣчали: *мы за Константина*. Я указалъ имъ на Сенатскую площадь и сказалъ: *когда такъ, то вотъ вамъ дорога*, и вся сія толпа прошла мимо меня, сквозь всѣ войска и присоединилась безъ препятствій къ своимъ одинаково заблужденнымъ товарищамъ» [3]).

На площади л.-гренадеры были помѣщены внутри карре Московскаго полка, чтобы тамъ построиться въ отдѣльнныя части. «Должно, однако, замѣтить,—добавляетъ Розенъ, — что Сутгофъ вывелъ свою роту въ полной походной аммуниціи, съ небольшимъ запасомъ хлѣба, предваривъ ее о предстоящихъ дѣйствіяхъ».

---

[1]) Конно-артиллеристъ Коновницынъ, бѣжавшій изъ-подъ ареста, встрѣтивъ Одоевскаго, только что смѣнившагося съ караула во дворцѣ, отправился съ нимъ къ лейбъ-гренадерамъ. Они первые извѣстили о томъ, что происходило на Сенатской площади; до нихъ же никто ничего не зналъ, и полкъ присягнулъ Николаю. Однако это не помѣшало Сутгофу вывести свою роту и увлечь другихъ.

[2]) Розенъ—тамъ же, стр. 65—6.

[3]) Шильдеръ—тамъ же стр. 287.

Такимъ образомъ теперь на площади собралось болѣе 2000 возставшихъ солдатъ [1]). Но тутъ-то обнаружились всѣ недостатки и преступные упущенія со стороны заговорщиковъ.

Эта сила въ рукахъ одного начальника, въ виду собравшагося тысячами народа, готоваго содѣйствовать возставшимъ, могла бы, по словамъ Розена, все рѣшить, и тѣмъ легче, что при наступательномъ дѣйствіи много баталіоновъ пристали бы къ возмутившимся; послѣдніе же при 10-ти градусномъ морозѣ, выпавшемъ снѣгѣ съ рѣзкимъ восточнымъ вѣтромъ, въ однихъ мундирахъ, ограничились страдательнымъ положеніемъ и грѣлись только неумолкаемыми «ура!»

Между тѣмъ не видно было ни диктатора, ни его помощника не было на мѣстѣ. Предложили команду Булатову; онъ отказался; предложили ее Н. Бестужеву: онъ, какъ морякъ отказался; наконецъ, начальство навязали князю Оболенскому, не какъ тактику, а какъ офицеру, извѣстному и любимому солдатами. Безначаліе было полное, всѣ командовали, всѣ чего-то ожидали и въ ожиданіи отбивали атаки, упорно отказывались сдаться и гордо отвергли обѣщанное помилованіе.

Попытокъ переговоровъ о повиновеніи и прекращеніи бунта было нѣсколько даже послѣ того, какъ Милорадовича постигла такая неудача и такая печальная участь. Генералы за свой страхъ и въ надеждѣ за свое умѣнье рисковали уговаривать возставшихъ, но всѣ они имѣли одинаковый результатъ.

Первымъ послѣ Милорадовича пожелалъ уговаривать солдатъ корпусный командиръ Войновъ; но всѣ его убѣжденія были напрасны, угрозы также, и кончилось тѣмъ, что изъ толпы народа кто-то пустилъ въ него полѣномъ такъ сильно въ спину, что у старика свалилась шляпа, и онъ принужденъ былъ удалиться. Затѣмъ къ карре примчался, какъ бѣшенный, генералъ Сухозанетъ и, указывая на пушки просилъ разойтись прежде, чѣмъ начнутъ изъ нихъ палить; его спровадили съ отвѣтомъ «стрѣляйте».

Сухозанетъ стоялъ на углу площади среди «силъ» Николая съ артиллеріей. Вдругъ онъ подзываетъ генерала и посылаетъ сказать «послѣднее слово» пощады мятежникамъ. «Я погналъ лошадь, пишетъ Сухозанетъ, въ галопъ, въѣхалъ въ колонну мятежниковъ, которые держали ружья у ноги и раздались передо мною. «Ребята! сказалъ я, пушки передъ вами; но государь милостивъ, не хочетъ знать именъ вашихъ и надѣется, что вы образумитесь—онъ жалѣетъ

---

[1]) Передаютъ, что инсургентамъ была предложена помощь отъ морского и 1-го кадетскаго корпусовъ, которые присылали депутатовъ съ предложеніемъ присоединиться къ возставшимъ, но М. Бестужевъ это предложеніе отвергъ, сказавъ: «Благодарите своихъ товарищей за благородное намѣреніе и поберегите себя для будущихъ подвиговъ».

Императоръ Николай I на Сенатской площади 14-го декабря 1825 года.

васъ». Всѣ солдаты потупили глаза, и впечатлѣніе было замѣтно; но нѣсколько фраковъ и мундировъ начали, сближаясь, произносить поруганія. «Сухозанетъ, развѣ ты привезъ конституцію»?—«Я присланъ съ пощадою, а не для переговоровъ»,—и съ этимъ словомъ порывисто обернулъ лошадь; бунтовщики отскочили, и я, давъ шпоры, выскочилъ. Съ султана моего перья посыпались; но мнѣ кажется, добавляетъ генералъ, что по мнѣ были сдѣланы выстрѣлы изъ пистолетовъ не солдатскіе, потому что солдаты находились тогда въ замѣтномъ смущеніи».

Нѣсколько раньше къ лейбъ-гренадерамъ подъѣзжалъ полковникъ Стюрлеръ, уговаривалъ ихъ вернуться къ остальной части полка и къ своему долгу; но пули Каховскаго и солдатъ ранили его смертельно.

Каховскій, какъ передаетъ Корфъ, встрѣтивъ на площади Стюрлера, спросилъ его: «А вы, полковникъ, на чьей сторонѣ?»—«Я присягалъ императору Николаю и остаюсь ему вѣренъ»—отвѣчалъ Стюрлеръ. Здѣсь Каховскій выстрѣлилъ въ него, и онъ со смертельною раною сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, зашатался и упалъ. Отнесенный въ домъ Лобанова, онъ скончался на другой день.

Въ числѣ пытавшихся уговаривать мы находили и самого великаго князя Михаила Павловича, одобренный своими успѣхами въ конной артиллеріи и оставшейся части Московскаго полка, онъ упрашивалъ своего брата позволить пойти къ мятежникамъ, чтобы вернуть ихъ къ своему долгу. Наконецъ, Николай «не сталъ противиться болѣе великодушному порыву своего брата и только приказалъ сопровождать его г.-адъют. Левашову».

Когда Михаилъ подъѣхалъ къ возставшимъ, на его привѣтствіе раздалось дружное: «здравія желаемъ, В. Высочество». Однако всѣ уговоры оставались тщетными. «Пусть Константинъ Павловичъ самъ пріѣдетъ подтвердить свое отреченіе, а то мы не знаемъ даже, гдѣ онъ находится»—отвѣчали солдаты.

Здѣсь великій князь едва не сдѣлался жертвой своей смѣлости и разгоряченнаго состоянія одного изъ возставшихъ офицеровъ, именно В. К. Кюхельбекера; онъ уже прицѣлилъ въ в. князя изъ пистолета, желая въ него выстрѣлить, и только вмѣшательство Петра Бестужева, отведшаго руку, спасло отъ гибели Михаила.

Тогда онъ поспѣшилъ удалиться, безъ всякихъ результатовъ. Но этимъ не удовольствовались; думали, что если не имѣли успѣха ни авторитетъ начальства и генеральства, ни вліяніе и власть члена императорской фамиліи, то, быть можетъ, поможетъ чувство религіозности. Для этого къ возставшимъ былъ посланъ петербургскій митрополитъ Серафимъ въ полномъ своемъ облаченіи.

Діаконъ Прохоръ Ивановъ, сопровождавшій митрополита на площадь, слѣдующее разсказываетъ объ этой высокоинтересной сценѣ:

«Солдаты, увидя своего архипастыря, съ крестомъ въ рукахъ къ нимъ грядущаго, начали креститься, а иные стали и прикладываться. Первосвятитель у первой шеренги остановился и, поднявъ крестъ, говорилъ имъ велегласно:

«Воины! успокойтесь... вы противъ Бога, церкви и отечества поступили: Константинъ Павловичъ письменно и словесно трикраты отрекся отъ россійской короны, и онъ ранѣе насъ присягнулъ на вѣрность брату своему Николаю Павловичу, который добровольно и законно восходитъ на престолъ... Синодъ, сенатъ и народъ присягнули; вы только одни дерзнули возстать противъ сего. Вотъ вамъ Богъ свидѣтель, что есть это истина, и что я, какъ первосвятитель церкви, умаливаю васъ оной, успокойтесь, присягните...»

«Между тѣмъ изъ среды мятежниковъ составилась изъ нѣсколькихъ офицеровъ депутація, и, приблизившись къ митрополиту съ обнаженными шпагами, нѣкоторые, будучи въ нетрезвости, дерзновенно отвѣтствовали:

— Несправедливо! Гдѣ Константинъ!

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Въ Варшавѣ.

Мятежники кричали:

— Нѣтъ, онъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ оковахъ... Подайте его сюда!.. Ура, Константинъ!.. Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ... Ты—измѣнникъ, ты—дезертиръ Николаевскій, калугеръ, не вѣримъ вамъ, подите прочь!.. Это дѣло не ваше: мы знаемъ, что дѣлаемъ. Скажи своему государю, чтобы онъ послалъ къ намъ Михаила Павловича: мы съ нимъ хотимъ говорить; а ты, калугеръ, знай свою церковь!...

«Невинные воины, по данному отъ сихъ офицеровъ сигналу, отвѣтствовали одно: «ура, Константинъ!» При этомъ владыко сколько ни усиливался убѣждать и увѣрять, однако все это мятежниками пренебрежено; когда ужъ надъ головами первосвятителей начали фехтовать шпагами, крича: «ура, Константинъ!» и со всѣхъ сторонъ окружила толпа съ ружьями, тогда первосвященные съ діаконами принуждены поспѣшно удалиться въ разломанный заборъ, къ Исаакіевскому собору, въ сопровожденіи черни».

Оттуда оба митрополита отправились во дворецъ, гдѣ на разспросы, «что тамъ дѣлается», Серафимъ отвѣчалъ: «Обругали и прочь отослали» [1]).

Наконецъ, на площадь попробовалъ выѣхать самъ Николай Павловичъ; онъ желалъ осмотрѣть расположеніе возставшихъ, нельзя ли

---

[1]) Историч. Вѣстникъ 1905 г. январь, стр. 169—170.

будетъ окружить ихъ и принудить ихъ такимъ образомъ къ сдачѣ безъ кровопролитія. Но едва онъ показался, какъ по немъ сдѣлали цѣлый залпъ. «Пули,—пишетъ онъ,—просвистали мнѣ черезъ голову, и, къ счастію, никого изъ насъ не ранило; рабочіе Исаакіевскаго собора изъ-за забора начали кидать въ насъ полѣньями; надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ, иначе бунтъ могъ сообщиться черни, и тогда окруженныя ею войска стали бы въ самомъ трудномъ положеніи [1]).

Рѣшено было атаковать возставшихъ конницей, но и эти мѣры не имѣли успѣха, озлобивъ лишь солдатъ. Орловъ дважды пускался въ атаку съ конно-гвардейцами, но ружейный огонь каждый разъ опрокидывалъ нападенія, не причинивъ никакого вреда, но неся каждый разъ уронъ въ своихъ рядахъ. Объясняя это, Николай писалъ: «Конная гвардія первая атаковала по-эскадронно, но ничего не могла произвести и по темнотѣ отъ гололедицѣ, но въ особенности не имѣя опущенныхъ палашей; противники въ сомкнутой колоннѣ имѣли всю выгоду на своей сторонѣ и многихъ тяжело ранили, въ томъ числѣ ротмистръ Веліо лишился руки. Кавалергардскій полкъ равномѣрно ходилъ въ атаку, но безъ большого успѣха».

Приближалась рѣшительная минута. День склонялся къ вечеру; вѣтеръ усиливался; снѣгъ падалъ сильнѣе; морозъ крѣпчалъ.

Напряженное состояніе съ обѣихъ сторонъ не могло такъ остаться до другого дня; рѣшеніе должно было произойти каждую минуту и починъ его взялъ на себя, конечно, сильнѣйшій, и такъ какъ возставшіе были въ громадномъ меньшинствѣ и къ тому же не измѣняли своего выжидательнаго положенія, а продолжали созерцательно стоять тѣсно окруженные подавляющими силами Николая, то послѣдній и вышелъ побѣдоносно изъ положенія, наканунѣ и даже въ самый день возстанія, казавшагося ему такимъ критическимъ и столь смертоноснымъ.

Конныя атаки оказались недѣйствительны; нужны были средства повнушительнѣе и таковой воистину оказалась картечь. Николаю Павловичу уже давно дѣлались предложенія прибѣгнуть къ ея помощи, но, не желая проливать кровь въ первый же день своего арствованія, онъ не рѣшался на это средство. Правда, онъ уже давно потребовалъ артиллерію, и она уже была построена генераломъ Сухозанетомъ правымъ флангомъ къ бульвару, а лѣвымъ — къ Невскому проспекту, такъ что послѣднія два орудія могли бы, повернувшись, дѣйствовать вдоль Невскаго. «Снявъ съ передковъ,—пишетъ онъ,—я громко скомандовалъ: «*Батарея! орудія заряжай, съ зарядомъ—жай!*»

---

[1]) «Кюхельбекеръ и Пущинъ, пишетъ М. Бестужевъ, уговаривали народъ очистить площадь, т. к. уже готовили пушки, но на всѣ уговоры получали отвѣтъ: умремъ вмѣстѣ съ вами».

Это произвело замѣтное на всѣхъ окружающихъ впечатлѣніе. Вслѣдъ затѣмъ государь очутился передъ фронтомъ, поздоровался съ людьми; я подъѣхалъ къ нему и, нагнувшись, весьма тихо сказалъ: «орудія заряжены, но безъ зарядовъ; черезъ нѣсколько минутъ заряды будутъ!»—«Ты мнѣ доложишь»,—былъ отвѣтъ государя. Дѣйствительно, въ скорости *Философовъ* привезъ людей съ зарядами на извозчикахъ. Я немедленно донесъ государю, что орудія заряжены уже картечью. «Хорошо», отвѣчалъ онъ, съ тою важною осанкою, которая какъ бы перелилась въ него отъ покойнаго императора Александра I».

Уже графъ Толь, прибывшій только что изъ Варшавы, предлагалъ государю услуги картечи. «Государь, — говорилъ онъ, — прикажите очистить площадь картечью, или откажитесь отъ трона», но Николай еще медлилъ.

Наконецъ, съ тѣмъ же предложеніемъ явился г.-адъют. Васильчиковъ «Sir, il n'y pas un moment à perde, on n'y peut rien maintenant; il faut de la mitraille» [1]).

«Я предчувствовалъ сію необходимость, — пишетъ Николай,—но, признаюсь, когда наступило время, не могъ рѣшиться на подобную мѣру, и меня ужасъ объялъ. «Vous voulez, que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon regne?» отвѣчалъ онъ Васильчикову. «Pour sauver votre empire» [2]).

Эти слова меня снова привели въ себя; опомнившись, я видѣлъ, что или должно мнѣ взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ и спасти почти навѣрное *все* или *пощадивъ* себя, жертвовать рѣшительно государствомъ. Пославъ одно орудіе первой легкой пѣшей батареи къ Михаилу Павловичу съ тѣмъ, чтобъ усилить сію сторону, какъ единственное отступленіе мятежникамъ, взять другія три орудія и, поставивъ ихъ предъ Преображенскимъ полкомъ, велѣлъ зарядить картечью; орудіями командовалъ штабсъ-капитанъ Бакунинъ. Все во мнѣ надежда была, что мятежники устрашаться такихъ приготовленій и сдадутся, не видя себѣ иного спасенія. Но они оставались тверды; крикъ продолжался еще упорнѣе. Наконецъ, я послалъ г.-м. Сухозанета объявить имъ, что, ежели не положатъ оружія, велю стрѣлять; ура и прежнія восклицанія были отвѣтомъ и вслѣдъ за этимъ залпъ».

«Ваше величество!—докладывалъ взвратившійся подъ шумомъ унизительныхъ восклицаній Сухозанетъ, — сумасбродные кричатъ: конституція!».

Николай пожалъ плечами и скомандовалъ: «пальба орудіями по порядку, правый флангъ начинай, первая».

---

[1]) *Переводъ Корфа:* Ваша Высочество! теперь не должно терять ни одной минуты; добромъ нечего здѣсь взять; необходима картечь.

[2]) *Переводъ Корфа*: «Итакъ, вы хотите, чтобы я въ первый день царствованія пролилъ кровь моихъ подданныхъ?!»—«Чтобы спасти Ваше царство!»

Эта смертоносная команда уже была повторена всѣми начальниками по старшинству, но выстрѣла не послѣдовало... его не осмѣлился исполнить пальникъ. Бакунинъ, увидавъ это, бросился къ нему и закричалъ, почему онъ не стрѣляетъ?

— Свои, ваше благородіе!—было ему отвѣтомъ.

— Если бы даже я самъ стоялъ передъ дуломъ, и скомандовали пали, тебѣ и тогда не слѣдовало бы останавливаться,—кричалъ Бакунинъ, самъ пустивъ зарядъ...

Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ зданіе Сената. На него послѣдовалъ «неистовый крикъ» мятежниковъ и бѣглый огонь.

За нимъ раздались второй, третій и четвертый... и уже прямо въ толпу и солдатъ — «орудія наводить не было надобности, — пишетъ Сухозанетъ,—разстояніе было слишкомъ близко».

Колонны и толпа народа дрогнули послѣ второго же выстрѣла; всѣ пришли въ полное смятеніе и бросились бѣжать, кто только куда могъ. Часть бросилась на Семеновскій полкъ и «наперла на него всею силою». «Прикажите палить, Ваше высочество,—обратился фейерверкеръ къ Михаилу,—не то они самихъ насъ сомнутъ». Команда раздалась и здѣсь...

Часть бросилась по Англійской набережной, проломивъ фронтъ конно-піонеровъ; но преслѣдуемые послѣдними принуждены были бросаться черезъ перила прямо на ледъ.

На Неву бросилась часть колоннъ во главѣ съ М. Бестужевымъ, и онъ хотѣлъ построить и итти занять Петропавловскую крѣпость. Тогда по нимъ открыли орудійную пальбу ядрами...

Несмотря на это, солдады продолжали строиться. Вдругъ крики: «Тонемъ!»... и нахлынувшая вода стала поглащать безсильно барахтавшихся людей.

Оказалось, что отъ ударовъ ядеръ ледъ подломился и не могъ удержать массу народа.

Уже остатки спасшихся, убѣгая отъ преслѣдовавшихъ кавалергардовъ, хотѣли спастись въ Академіи художествъ, но не могли сдѣлать и этого. Приходилость разсыпаться по Васильевскому острову.

Лейбъ-гренадеры, Гвардейскій экипажъ и четвертый фронтъ Московскаго полка бросились по узкой Галерной улицѣ; къ ней также были подвезены пушки и стрѣляли продольными выстрѣлами. Ими была масса положена жертвъ...

Это безуміе и ужасъ вызвали лишь смѣхъ въ лагерѣ побѣдителей.

«Государь уѣхалъ во дворецъ, не желая видѣть этого плачевнаго зрѣлища, а я,—пишетъ Сухозанетъ,—придвинувъ орудія къ углу Сената, видѣлъ, смѣха и жалости достойное—бѣгство толпы вдоль Англійской набережной. Нѣкоторые стремглавъ бросались черезъ парапетъ въ Неву, куда они падали въ глубокій снѣгъ, какъ на перину, а мно-

ріе даже не вставали. Я приказалъ заряженнымъ орудіямъ картечью выстрѣлить вверхъ, а потомъ, для страха, сдѣлалъ по одному выстрѣлу съ каждаго орудія ядрами, также вверхъ, вдоль Невы, приказавъ наводить лѣвѣе горнаго корпуса. Этимъ дѣйствіе артиллеріи совершенно окончилось».

Въ дѣйствительности же это совсѣмъ не было такимъ невиннымъ занятіемъ [1]). Дѣйствія артиллеріи были ужасны по своимъ послѣдствіямъ, по количеству своихъ жертвъ и по состоянію, въ которое пришелъ весь Петербургъ...

«*Я императоръ*, — писалъ въ тотъ же день Николай; — но какою цѣною, Боже мой! цѣною крови моихъ подданныхъ...»

«*Божіею милостiею*,—писалъ оффиціальный историкъ Николая, — имѣли свой полный смыслъ въ Императорскомъ титулѣ Николая I. Онъ прямо изъ руки Всевышняго принялъ свою корону и, разъ принявъ ее, мужественно отстоялъ даръ Божій въ ту роковую минуту, когда враждебная сила покушалась на ея похищеніе. Данное Богомъ, Богомъ и сохранилось!» [2]).

Таковы оцѣнки событій на Сенатской площади 14-го декабря. Одну изъ нихъ сдѣлалъ самъ виновникъ событій, вторую же—ихъ историкъ.

Такъ безсмысленно и дико кончилась первая попытка противопоставить деспотизму власти народное право.

XII.

Послѣ побѣды.

Мятежники были разбиты и разсѣяны; но надо было обезопасить себя на ближайшее будущее, на случай, если бы остатки ихъ вздумали повторить событія утра или попытаться произвести какіе-

---

[1]) Какъ анекдотическій разсказъ интересны слѣдующія строки, повѣствующія о впечатлѣніи отъ пушечныхъ выстрѣловъ въ Патріотическомъ Институтѣ и передаваемыхъ бывшею институткою С. А. Пелли.

«При доходившемъ до насъ громѣ орудій мы, институтки, страшно перепугались. Пальба продолжалась, а между тѣмъ начальница института г-жа *Биссингаузенъ* стала говорить намъ: «это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвицы, за ваши грѣхи; самый главный и самый тяжкій грѣхъ вашъ тотъ, что вы рѣдко говорите по-французски, точно кухарки, болтаете все по русски!».

Въ страшномъ перепугѣ мы вполнѣ сознали весь ужасъ нашего грѣхопаденія и на колѣняхъ, предъ иконами, съ горькими слезами раскаянія, тогда же поклялись начальницѣ института вовсе не употреблять въ разговорахъ русскаго языка. Наши заклятія были какъ бы услышаны: пальба внезапно стихла. Мы всѣ успокоились—и долго, послѣ того, въ спальняхъ и залахъ *Патріотическаго* Института не слышалось *русскаго* языка.

[2]) Корфъ—тамъ же, 192 стр.

либо безпорядки. Къ этому и приступилъ новый императоръ съ тою же энергіей, съ какой только что стягивалъ войска вокругъ мятежниковъ.

«По очищеніи Сенатской площади,—пишетъ В. И. Фелькнеръ,—она была занята лейбъ-гвардіи Преображенскимъ и Измайловскимъ полками, а отъ Семеновскаго были посланы взводы для отысканія и задержанія мятежниковъ, укрывшихся въ домахъ. Преслѣдованіе и захватъ разбѣжавшихся, по разнымъ направленіямъ, мятежниковъ, былъ возложенъ на конно-піонеровъ. Изъ нижнихъ чиновъ, занимавшихъ Сенатскую площадь, большая часть возвратилась въ свои казармы и тамъ со страхомъ и покорностью ожидали рѣшенія своей участи. На пути бѣгства, конно-піонерами и пѣхотинцами было захвачено до 500 человѣкъ [1]), въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ.

Государь, оставаясь затѣмъ еще нѣсколько времени верхомъ на площади, отдавалъ лично приказанія, относившіяся до собранныхъ на ней войскъ. Они были оставлены подъ ружьемъ на всю ночь, для предупрежденія всякаго могущаго произойти покушенія на возобновленіе уличныхъ безпорядковъ, и лично разставлены государемъ на площадяхъ: Сенатской и Адмиралтейской, около Зимняго дворца, по набережной Невы и въ Большой Милліонной. Лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ и рота его величества лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка были оставлены на дворѣ Зимняго дворца для его охраненія, въ продолженіе наступавшей ночи, въ подкрѣпленіе карауловъ отъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка [2]).

Распорядившись всѣми мѣрами предосторожности, императоръ возвратился въ Зимній дворецъ, сопровождаемый толпами народа, оглашавшими воздухъ радостными криками «ура!». Государь, поблагодаривъ его за изъявленія преданности, сошелъ съ коня у главныхъ воротъ и, войдя на дворъ, привѣтствовалъ лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ словами: «здорово, мои саперы». Затѣмъ, въ краткихъ словахъ, разсказавъ имъ ходъ несчастныхъ событій этого дня, государь удостоилъ благодарить саперъ за ихъ вѣрность и усердіе, которыя обѣщалъ никогда не забыть.

---

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ въ этотъ день было захвачено до 750 человѣкъ, изъ которыхъ было много офицеровъ, объ этомъ скажемъ ниже.

[2]) Зимній дворецъ, по словамъ чиновника III отдѣленія, М. М. Попова, былъ обведенъ непрерывной цѣпью пушекъ, артиллеристами, піонерами и кавалергардами. Дня два или три послѣ того патрули продолжали разъѣзжать день и ночь, не давая собираться толпамъ и не пропуская людей сомнительныхъ. Во дворцѣ уже недѣли двѣ были въ опасеніяхъ. Каждую ночь, какъ только засыпалъ городъ, безмолвно шли по Милліонной нѣсколько ротъ Преображенцевъ и везли пушки. Преображенцы помѣщались во дворѣ, а пушки ставили въ воротахъ дворца. Утромъ, передъ тѣмъ, какъ просыпаться городу, Преображенцы и пушки съ тою же тишиной удалялись изъ дворца.

Нанесеніе смертельной раны Милорадовичу 14 декабря 1825 года.

(Съ рисунка, принадлежащаго Г. А. Милорадовичу).

«Если я видѣлъ сегодня измѣнниковъ,—сказалъ государь,—то, съ другой стороны, видѣлъ также много преданности и самоотверженія, которыя останутся для меня навсегда памятными».

Радостно привѣтстовали государя саперы громкими криками «ура!».

Государь, послѣ милостивыхъ словъ, сказанныхъ имъ саперамъ, поспѣшилъ во дворецъ, гдѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала его возвращенія его семья, вынесшая въ продолженіе рокового дня 14-го декабря столько душевныхъ потрясеній, сердечныхъ безпокойствъ и опасеній за свою августѣйшую главу. Залы Зимняго дворца были ярко освѣщены, и въ нихъ еще толпилась большая часть государственныхъ сановниковъ, высшаго духовенства, придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и дамъ, съѣхавшихся во дворецъ для присутствованія при молебствіи, которое было совершено только въ 6-ть часовъ вечера, съ обыкновенною при такихъ случаяхъ торжественностью. До начала его, государь, желая изъявить саперамъ новое доказательство своего къ нимъ милостиваго вниманія и расположенія, вышелъ изъ дворца къ стоявшему на дворѣ баталіону. За нимъ камердинеръ вдовствующей императрицы Маріи Өеодоровны *Гримъ*, вынесъ Наслѣдника престола, семилѣтняго великаго князя Александра Николаевича, одѣтаго въ парадной формѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. — Государь взялъ первенца своего на руки, вызвалъ впередъ баталіонъ рядовыхъ, имѣвшихъ знакъ отличія военнаго ордена, и осчастливилъ ихъ дозволеніемъ поцѣловать его. Приказавъ затѣмъ отнести Наслѣдника обратно во дворецъ, государь, обратившись къ саперамъ сказалъ:

«Я желаю, чтобы вы такъ же любили моего сына, какъ я самъ люблю васъ».

Саперы восторженно бросились цѣловать руки, ноги и платье царственнаго младенца [1]).

Морозъ, къ вечеру, усилился. На дворцовомъ дворѣ развели костры.

Дворцовая, Адмиралтейская и Сенатская площади представляли видъ только-что завоеваннаго города: на нихъ также пылали костры, около которыхъ гвардейскіе солдаты отогрѣвались и ѣли принесенную имъ изъ казармъ пищу. По окраинамъ этихъ площадей протянуты были цѣпи застрѣльщиковъ, никого постороннихъ, безъ особеннаго разрѣшенія коменданта, не пропускавшихъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на углахъ выходящихъ на площади улицъ, стояли караулы и при нихъ заряженныя орудія. По всѣмъ направленіямъ площадей и смежнымъ улицамъ ходили пѣшіе и разъѣзжали конные патрули, и эти мѣры предосторожности военнаго времени продолжались всю ночь.

Къ 9-ти часамъ вечера потребованъ былъ отъ лейбъ-гвардіи са-

---

[1]) Весь этотъ эпизодъ дословно разсказанъ въ «Исторіи л.-г. сапернаго баталіона» соч. А. Волкенштейна. Спб. 1852 г.

пернаго баталіона, къ дверямъ кабинета государя императора, караулъ, при поручикѣ *Аделунгѣ*, а въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ залахъ поставлены были пикеты, также при офицарахъ. Недолжностные офицеры оставались при баталіонѣ и находились на главной гауптвахтѣ, куда, въ продолженіе всей ночи, не переставали приводить арестованныхъ заговорщиковъ» [1]).

Между тѣмъ Сенатская площадь представляла собой ужасное зрѣлище. По словамъ Шишкова, вся она была обагрена кровью; множество тѣлъ лежало на снѣгу. Былъ отданъ приказъ тотчасъ очистить ее отъ убитыхъ и раненыхъ: и вечеромъ Михаилъ Бестужевъ видѣлъ, «какъ рабочій людъ дѣятельно хлопоталъ смыть и уничтожить всѣ слѣды недавняго побоища. Одни скоблили красный снѣгъ, другіе посыпали вымытыя и выскобленныя мѣста бѣлымъ снѣгомъ, остальные сбирали тѣла убитыхъ и свозили ихъ на рѣку».

При уборкѣ, по свидѣтельству тайнаго совѣтника Попова, были проявлены чрезвычайная распорядительность и... звѣрство!..

«Когда открыли огонь по мятежнымъ войскамъ,—писалъ онъ,— произошла неизбѣжная давка. Тутъ не могло быть и не было никакого разбора: не столько участники мятежа, сколько простые зрители ложились рядами. Въ толпахъ отъ испуга и давки, отъ неловкости или слабости люди давили другъ друга и гибли, догоняемые ядрами и картечами. Какъ далеко долетали заряды, видно изъ того, что одно ядро ударило въ третій этажъ Академіи Художествъ, въ квартиру учителя *Колашникова*, прошибло стѣну и ранило кормилицу этого учителя, которая держала въ рукахъ его ребенка. Во всѣхъ домахъ ворота и двери были заперты и не отпирались ни на какой вопль, всякій боялся отвѣчать за мятежника. Народу легло такъ много, что Нева, набережныя и улицы были покрыты трупами.

Тотчасъ по прекращеніи стрѣльбы, новый государь приказалъ оберъ-полиціймейстеру, *Шульгину*, чтобъ трупы были убраны къ утру. Шульгинъ распорядился безчеловѣчно. Въ ночь по Невѣ отъ Исаакіевскаго моста до Академіи Художествъ и дальше къ сторонѣ Васильевскаго острова, сдѣлано было множество прорубей, величиною какъ только можно опустить человѣка, и въ эти проруби къ утру опустили не только всѣ трупы, но (ужасное дѣло) и раненыхъ, которые не могли уйти отъ этой кровавой ловли. Другіе ушедшіе раненые таили свои раны, боясь открыться медикамъ и правительству, и умирали, не получивъ помощи. Отъ этого-то въ Петербургѣ почти не осталось въ живыхъ изъ тѣхъ, которые были ранены 14-го декабря.

Государь былъ очень недоволенъ *Шульгинымъ* и смѣнилъ этого господина. Безразсудность его распоряженія открылась еще больше

[1]) Рус. Стар., августъ, 1870 годъ.

весною. Когда по Невѣ начали добывать ледъ, то многія льдины вытаскивали съ примерзшими къ нимъ рукой, ногой или цѣлымъ человѣческимъ трупомъ. Правительство должно было запретить рубку льда у берега Васильевскаго острова и назначило для этого другія мѣста по Невѣ. Со вскрытіемъ рѣки, трупы погибшихъ унесены въ море.

Не меньше непріятно то, что полиція и помощники ея въ ночь съ 14-го на 15 декабря пустилась въ грабежъ. Не говоря уже, что съ мертвыхъ и раненыхъ, которыхъ опускали въ проруби, снимали платье и обирали у нихъ вещи, даже убѣгающихъ ловили и грабили!»

Точное число жертвъ разстрѣла 14-го декабря и усердія исполнителей самодержавной воли Николая опредѣлить довольно трудно, какъ всякій могъ убѣдиться, прочитавъ разсказъ Попова, достовѣрность котораго несомнѣнна; неизвѣстно, сколько труповъ и сколько раненыхъ спустили въ Неву; неизвѣстно сколько раненыхъ укрылось въ своихъ домахъ. По недавно опубликованнымъ свѣдѣніямъ мы теперь имѣемъ лишь ничтожныя данныя о жертвахъ возстанія; но и эти данныя весьма цѣнны. Они намъ говорятъ о числѣ раненыхъ солдатъ и помѣщенныхъ въ военные госпитали; такихъ «со стороны противной» было ужъ не такъ много—всего 47 человѣкъ; изъ нихъ Московскаго полка—15 человѣкъ; Гренадерскаго—13; экипажа—девятнадцать [1]). Еще меньше было раненыхъ «въ войскахъ, оставшихся вѣрными», всего 32 человѣка; въ томъ числѣ три офицера и одинъ генералъ [2]); кромѣ того, убито два человѣка и одна лошадь; ранено лошадей—шесть.

Интересны очень раны, которыя получили повстанцы; онѣ большею частью были нанесены картечью и эти раны самыя тяжелыя, такъ какъ артиллерія дѣйствовала на близкомъ разстояніи; очень многіе изъ такихъ раненыхъ вскорѣ и умерли; но были раны и отъ сабельныхъ ударовъ, хоть такихъ небольшое число. По выздоровленіи всѣхъ раненыхъ отправляли въ Петропавловскую крѣпость [3]).

---

[1]) Раненые были помѣщены «подъ арестомъ» въ Финляндскомъ, Семеновскомъ Артиллерійскомъ и Сухопутномъ военныхъ госпиталяхъ.

[2]) Показанные по сему списку раненые офицеры:

Командиръ л.-гв. Московскаго полка генералъ-маіоръ баронъ Фридериксъ—саблею въ голову, съ поврежденіемъ черепа и полковникъ Хвощинскій—саблею въ плечо.

Командиръ л.-гв. Гренадерскаго полка полковникъ Стюрлеръ—пулею въ грудь навылетъ и 17 декабря умеръ.

Л.-гв. Коннаго полка флигель адъютантъ полковникъ баронъ Веліо лишился правой руки, которая отнята выше локтя, отъ раны пулею раздроблена кость.

Штабсъ-ротмистръ Игнатьевъ—ушибомъ ноги.

Кромѣ сего раненъ командиръ 1 бригады 1 гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Шеншинъ саблею въ голову съ поврежденіемъ черепа.

[3]) Всѣ эти свѣдѣнія заимствуемъ изъ напечатанной въ журналѣ *Былое* за мартъ 1907 г. статьи «О числѣ жертвъ 14-го декабря 1825 года».

Мы должны повторить, что число этихъ жертвъ сравнительно съ дѣйствительнымъ ихъ количествомъ—ничтожно. Артиллерія, дѣйствуя на близкомъ разстояніи, не могла оставлять раненыхъ, она валила всѣхъ попадавшихся на смерть, разносила во всѣ стороны части ихъ тѣлъ.

Однако и они были не послѣдними. Участниковъ возстанія еще ожидало возмездіе впереди и оно-то докончило кровавое дѣло 14-го декабря; оно уничтожило цѣлое поколѣніе лучшихъ людей, лучшихъ не только по своимъ нравственнымъ качествамъ, но и по уму, дарованію и просвѣщенію. Это была послѣдняя гекатомба, принесенная деспотизму—побѣдителю, если, конечно, не считать всей Россіи, на тридцать лѣтъ отнынѣ закованной его цѣпями.

XIII.

Первые аресты и первые допросы.

Уже съ вечера начались аресты главныхъ руководителей возстанія; ихъ привозили прямо во дворецъ и тутъ подвергали первому допросу г.-адъютантовъ Толя и Левашова и даже самого Николая. Это продолжалось всю ночь.

Въ числѣ арестованныхъ были первыми Рылѣевъ, Горскій, Кожевниковъ, Корниловичъ, Вишневскій, Бодиско, Арбузовъ, Трубецкой, Сомовъ, Якубовичъ и другіе.

Первой заботой государя было приготовить помѣщеніе для заключенныхъ; Петропавловская крѣпость оказалась наиболѣе подходящимъ мѣстомъ. Въ 11 часовъ Николай собственноручно писалъ ея коменданту А. Я. Сукину: «Александръ Яковлевичъ, я разрѣшаю вамъ въ случаѣ нужды оставить у себя 2 роты Измайловскаго полка и б. Семеновскій, который въ конвоѣ у арестантовъ, но безъ нужды отнюдь недовѣрчивости л.-Гренадерскому караулу не оказывать. Прошу мнѣ прислать донесеніе когда все вами исполнено будетъ. 14-го декабря 1825-го, въ $^3/_4$10-го часа» [1]).

Къ 12 часамъ ночи помѣщеніе очевидно было готово и въ крѣпость первымъ былъ посланъ Рылѣевъ. «Посылаемаго Рылѣева, писалъ Николай ровно въ 12 часовъ, посадить въ Алексѣевскій равелинъ, но не связывая рукъ; безъ всякаго сообщенія съ другими, дать ему и бумагу для письма и что будетъ писать ко мнѣ собственноручно мнѣ приносить ежедневно».

За Рылѣевымъ потянулся цѣлый рядъ арестованныхъ; до 12 часовъ дня 15-го декабря, т.-е. за 12 часовъ времени, Николаемъ было

1) Всѣ записки Николая къ Сукину приводимъ съ орфографіей подлинниковъ. См. *Былое*—май, 1906 годъ.

отправлено 17 арестованныхъ и столько же сопроводительныхъ записокъ Сукину; всѣ онѣ содержали приказанiе какъ и куда заключить арестованнаго, но среди нихъ обращаютъ на себя вниманiе записки, отправленныя при Оболенскомъ и Трубецкомъ. Императоръ писалъ: «Оболенскаго посадить въ Алексѣевскiй равелинъ подъ строжайшiй арестъ, безъ всякаго сообщенiя — не мѣшаетъ усилить наблюденiе, чтобъ громкихъ разговоровъ не было между арестантовъ буде по мѣсту сiе возможно» и «Трубецкого при семъ посылаемаго посадить въ Алексѣевскiй равелинъ. За нимъ всѣхъ строже смотрѣть, особенно не позволять никуда выходить и ни съ кѣмъ не видѣться».

Въ эту ночь и въ послѣдующее время Николай Павловичъ выказалъ, по словамъ одного историка, что онъ обладаетъ недюжинными способностями тюремщика. Онъ былъ для декабристовъ не только первымъ слѣдователемъ, но предусмотрительнымъ тюремщикомъ-виртуозомъ. Каждая его записка, съ которой отсылались декабристы, не ограничивалась только указанiемъ необходимости содержать такого-то въ крѣпости; но какъ видно по приведеннымъ нами, онѣ опредѣляли и характеръ содержанiя. Пять формъ крѣпостного заключенiя можно намѣтить по этимъ запискамъ. Весьма немногiя присылались съ лаконическимъ указанiемъ «содержать въ крѣпости». Нѣкоторыхъ предписывалъ Николай Первый «содержать хорошо». Степень выше— «содержать строго, но хорошо»; еще выше—«содержать подъ строгимъ арестомъ»; дальше—«строжайше наблюдать», и, наконецъ, высшая степень — «содержать наистрожайше». Вѣрный Сукинъ понималъ, конечно, оттѣнки этихъ выраженiй и дѣйствовалъ сообразно съ Высочайшими приказанiями» [1]).

«Нечего и говорить, что императоръ Николай I назначалъ содержанiе «строгое, строжайшее или наистрожайшее», руководясь, во-первыхъ, собственнымъ своимъ убѣжденiемъ о степени виновности, а во-вторыхъ, соображенiемъ, какая форма заключенiя заставитъ заключеннаго скорѣе дать признанiя. Такимъ образомъ заключенiе вовсе не носило характера «предварительнаго» до приговора, а являлось или уже наказанiемъ или длительнымъ процессомъ пытки. Вотъ двѣ записки, подтверждающiя наше заключенiе. Первая—«присылаемаго Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго, но хорошо; ибо полагать должно невиноватъ». Вторая—«присылаемаго Якушина заковать въ ручныя и ножныя желѣза, поступать съ нимъ строго и и не иначе содержать, какъ злодѣя» [2]).

---

[1]) Былое, май 1906 г., 195 стр.

[2]) Но всѣ, тѣ или иныя, формы заключенiя казались Николаю Павловичу еще недостаточными для вынужденiя показанiй или для вящшаго устрашенiя и наказанiя. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ П. Е. Щеголевъ извлекъ слѣдующiя данныя о закованiи. Закованiя совершались исключительно по высочайшему повелѣнiю

Но вернемся къ событіямъ, происходившимъ во дворцѣ въ ночь на 15-е декабря и связаннымъ съ арестами возставшихъ.

Разсѣянные картечью, они естественно старались гдѣ-нибудь укрыться отъ преслѣдовавшей конницы и ареста. Здѣсь произошло, какъ потомъ выяснилось, много весьма любопытныхъ и характерныхъ случаевъ. Приведемъ ихъ, какъ передаетъ намъ князь Трубецкой.

«Многіе вѣрноподданные, пишетъ онъ, сами поспѣшили привозить къ императору ближайшихъ своихъ родственниковъ, не дожидаясь, чтобъ приказано было ихъ взять. Такъ, Д. С. Ланской не дозволилъ родному племяннику жены своей, князю Одоевскому, никакой попытки къ ожиданію его участи, и, не давъ ему ни отдохнуть, не перекусить, повезъ во дворецъ. Супруга Ланскаго наслѣдовала 2.000 душъ отъ князя Одоевскаго по произнесеніи надъ нимъ приговора. Были однако-жъ, лица, оказавшіе состраданіе и человѣколюбіе; капитанъ-лейтенантъ Николай Бестужевъ, укрываясь отъ преслѣдованія, вошелъ въ незнакомый ему домъ, и, пройдя рядъ пустыхъ комнатъ, очутился въ кабинетѣ одного знатнаго пожилого человѣка. Удивленный не-

---

18 декабря былъ закованъ въ ручныя желѣза Александръ Бестужевъ, 8 января былъ закованъ деньщикъ Пестеля Савенко.

10 января «государь императоръ вслѣдствіе положенія тайнаго комитета высочайше повелѣть соизволилъ заковать въ ручныя желѣза содержащагося въ крѣпости л.-гв. финлядскаго полка поручика Цебрикова, за упорство въ признаніи и за употребленіе дерзости въ выраженіяхъ при допросѣ комитета». Цебриковъ былъ раскованъ только 30 апрѣля. 11 января былъ закованъ въ ручныя желѣза Якубовичъ. 14 января былъ закованъ въ ручные и ножные кандалы Якушкинъ; только 14 апрѣля были сняты съ него ножные, и 18 апрѣля—ручные кандалы.

16 января былъ закованъ Пушкинъ 1-й. Затѣмъ, Пушкинъ 1-й, закованный за упорное запирательство въ ручныхъ желѣзахъ, оказалъ въ показаніяхъ своихъ откровенность и былъ раскованъ 10 апрѣля.

17 января былъ закованъ Артамонъ Муравьевъ и раскованъ только 30 апрѣля; Арбузовъ былъ закованъ 21 января и раскованъ 30 апрѣля. 1 февраля былъ раскованъ кн. Оболенскій. Подпоручикъ Норовъ былъ закованъ 31 января и освобожденъ отъ оковъ 6 февраля. Бестужевъ-Рюминъ, закованный 11 февраля, раскованъ 30 апрѣля; Борисовъ (подп. 8 арт. бриг.) носилъ ручныя желѣза съ 15 февраля до 30 апрѣля. Разжалованный въ рядовые Башмаковъ, доставленный 15 февраля въ крѣпость въ кандалахъ, носилъ ихъ до 14 мая.

27 марта генералъ Сукинъ доносилъ военному министру о слѣдующемъ распоряженіи: «титулярный совѣтникъ Семеновъ, за упорное запирательство при допросахъ, въ то время, какъ многіе его уличали, былъ закованъ въ ручныя желѣза и имѣетъ быть содержимъ на хлѣбѣ и водѣ». И лишь послѣ того, какъ Семеновъ оказалъ въ показаніяхъ откровенность, государь «соизволилъ давать ему, Семенову, ту пищу, которая ему производилась раньше». Въ уваженіе къ оказанной имъ откровенности въ показаніяхъ онъ былъ раскованъ 12 апрѣля.

Къ 30 апрѣля оставались закованными и въ этотъ день были раскованы, кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, кн. Щепинъ-Ростовскій, Бестужевъ Михаилъ, крѣпостной человѣкъ Кюхельбекера Семенъ Балашовъ и Андреевичъ 2-ой, закованный въ ручныя желѣза 18 февраля».

ожиданнымъ явленіемъ N. спросилъ Бестужева: чего онъ хочетъ? и, узнавъ отъ него, что онъ скрывается и голоденъ, заперъ его въ кабинетѣ, самъ принесъ ему закусить, предложилъ денегъ и сказалъ, что скрыть его у себя не можетъ, потому что имѣетъ сына въ гвардіи, который непремѣнно его выдастъ, но проводитъ его самъ изъ дому скрытно. Во время разговора услышали въ ближней комнатѣ голосъ сына, воротившагося съ нѣсколькими другими офицерами и рѣзко изъявлявшаго свое мнѣніе противъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ сей день; старикъ, не медля, вывелъ Бестужева, который успѣлъ уѣхать въ Кронштадтъ.

«Многіе бѣжавшіе съ площади нижніе чины и офицеры скрывались въ домѣ тещи моей, и онъ былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ. Сестра тещи моей, княгиня Бѣлосельская предложила имъ ночлегъ въ своемъ домѣ, а сестра жены моей и мнѣ. Это послѣ причтено мнѣ было въ намѣреніе укрыться въ домѣ иностраннаго посланника» [1]).

Дѣйствительно князя Трубецкого потребовали къ императору черезъ министра иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде въ ночь на 15-е декабря и его считали самымъ главнымъ заговорщикомъ. Поэтому намъ интересно познакомиться съ допросомъ Трубецкого самимъ императоромъ уже утромъ 15-го декабря, тѣмъ болѣе, что допросъ этотъ очень характеренъ и для многихъ другихъ.

Эти допросы носили ту же постепенность и то же различіе, которое мы видѣли только что въ приказахъ о заключеніи; кромѣ того они обнаружили ту же виртуозность слѣдователя въ новомъ императорѣ. «Личные допросы, пишетъ баронъ Розенъ, были для всѣхъ одинаковы и не для всѣхъ ласковы».

Напротивъ, на многихъ гнѣвъ его выражался ругательствомъ. Напримѣръ, князь Оболенскій былъ приведенъ съ связанными руками; императоръ обругалъ его, и, обратившись къ стоящимъ генераламъ, сказалъ: «вы не можете вообразить, что я терпѣлъ отъ него!» Князь Оболенскій былъ старшимъ адъютантомъ въ дежурствѣ гвардейской пѣхоты, а Николай Павловичъ, какъ великій князь, командовалъ одной изъ дивизій гвардейской пѣхоты.

Съ другимъ же Николай Павловичъ обходился чрезвычайно ласково. Такъ, напримѣръ, съ Николаемъ Бестужевымъ, котораго Николай Павловичъ принялъ ласково и даже былъ тронутъ разговоромъ съ нимъ.

Но для большаго ознакомленія съ процессомъ и характеромъ допросовъ во дворцѣ, приведемъ дословно разсказъ кн. Трубецкого о его арестѣ и разговорѣ съ императоромъ.

«Ночью съ 14-го на 15-е число, пишетъ князь, г. Ланской приходитъ меня будить и говоритъ, что императоръ меня требуетъ. Я,

[1]) Записки кн. С. П. Трубецкого. Спб. 1906, 39—40 стр.

одѣвшись, вошелъ къ нему въ кабинетъ и нашелъ у него графа Нессельроде въ полномъ мундирѣ, шурина его, графа Александра Гурьева, который пришелъ изъ любопытства и съ которымъ мы размѣнялись пожатіемъ руки, и флигель-адъютанта князя Андрея Михайловича Голицына, который объявилъ мнѣ, что императоръ меня требуетъ. Я сѣлъ съ нимъ въ сани, и когда пріѣхали во дворецъ, онъ въ прихожей сказалъ мнѣ, что императоръ приказалъ ему потребовать у меня шпагу: я отдалъ, и онъ повелъ меня въ генералъ-адъютантскую комнату, а самъ пошелъ доложить. У каждой двери стояло по трое часовыхъ; вездѣ около дворца и по улицамъ, къ нему ведущимъ, стояло войско и были разведены большіе огни. Меня позвали. Императоръ пришелъ ко мнѣ навстрѣчу въ полной формѣ и лентѣ, и поднявъ указательный палецъ правой руки прямо противъ моего лба, сказалъ: «что было въ этой головѣ, когда вы съ вашимъ именемъ, съ вашей фамиліею, вошли въ такое дѣло? Гвардіи полковникъ! князь Трубецкой! какъ вамъ не стыдно быть вмѣстѣ съ такою дрянью? Ваша участь будетъ ужасная!» и, обратившись къ генералу Толю, который одинъ былъ въ комнатѣ, сказалъ: «прочтите»! Толь выбралъ изъ бумагъ, лежащихъ на столѣ, одинъ листъ и прочелъ въ немъ показаніе, что бывшее происшествіе есть дѣло общества, которое, кромѣ членовъ въ Петербургѣ, имѣетъ еще большую отрасль въ 4-мъ корпусѣ и что дежурный штабъ-офицеръ этого корпуса, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка полковникъ князь Трубецкой, находящійся теперь въ Петербургѣ, можетъ дать полное свѣдѣніе о помянутомъ обществѣ. Когда онъ прочелъ, императоръ спросилъ: «это Пущина?»— *Толь*: «Пущина». *Я*: Г. Пущинъ ошибается... *Толь*: А! вы думаете это Пущинъ.—А гдѣ Пущинъ живетъ?

Я видѣлъ, что почеркъ не Пущина, но думалъ, что, повторивъ имя его, можетъ быть, назовутъ мнѣ показателя.

На вопросъ Толя я отвѣчалъ: «не знаю».

Толь. У отца ли онъ теперь?

Я. Не знаю.

Толь. Я всегда говорилъ покойному государю, ваше величество, что 4-й корпусъ гнѣздо тайнаго общества, и почти всѣ полковые командиры къ нему принадлежатъ; но государю не угодно было вѣрить.

Я. Ваше превосходительство, имѣете очень невѣрныя свѣдѣнія.

Толь. Ужъ вы не говорите, я это знаю!

Я. Послѣдствія докажутъ, что ваше превосходительство ошибаетесь. Въ 4-мъ корпусѣ нѣтъ никакого тайнаго общества; я за это отвѣчаю.

Императоръ прервалъ нашъ споръ; подавъ мнѣ листъ бумаги и сказавъ: «пишите показаніе» и показалъ мнѣ мѣсто на диванѣ, на которомъ сидѣлъ и съ котораго теперь всталъ, прежде, нежели я

сѣлъ, императоръ началъ опять разговоръ: «Какая фамалія! Князь Трубецкой! Гвардіи полковникъ! и въ какомъ дѣлѣ! Какая милая жена! Вы погубили жену. Есть у васъ дѣти?»

Я. Нѣтъ...

Императоръ. «Вы счастливы, что у васъ нѣтъ дѣтей. Ваша участь будетъ ужасная, ужасная!»—И, продолжавъ нѣкоторое время въ этомъ тонѣ, заключилъ: «пишите все, что знаете», и ушелъ въ другой кабинетъ.

Я остался одинъ, видѣлъ себя въ положеніи очень трудномъ. Не хотѣлъ скрывать принадлежности своей къ Тайному Обществу, что и не привело бы ни къ чему доброму, потому что ясно было изъ прочтеннаго мнѣ и многихъ исписанныхъ разными почерками листовъ, что болѣе извѣстно, нежели бы я желалъ. Но между тѣмъ я не хотѣлъ имѣть возможность упрекать себя, что я кого бы то ни было назвалъ. И потому я въ своемъ отвѣтѣ написалъ, что принадлежу къ Тайному Обществу, которое имѣло цѣлію улучшеніе правительства; что обстоятельства, послѣдовавшія за смертію покойнаго императора, казались Обществу благопріятными къ исполненію намѣреній его, и что оно, предпринявъ дѣйствіе, избрало меня директоромъ; но что я, наконецъ, увидя, что болѣе нужно мое имя, нежели лицо и распоряженіе, совершенно удалился отъ участія. Этой уверткой я надѣялся отсрочить дальнѣйшіе вопросы, къ которымъ не былъ приготовленъ.

Пока я писалъ, вошелъ Михаилъ Павловичъ и подошелъ ко мнѣ; постоялъ противъ меня и отошелъ. Между тѣмъ приводились другія лица, которыхъ разспрашивалъ Толь и которыхъ потомъ выводили. Входилъ императоръ для допросовъ и уходилъ обратно. Когда я кончилъ писать, подалъ листъ вошедшему Толю. Онъ унесъ его къ императору. Нѣсколько погодя, Толь позвалъ меня въ другой кабинетъ. Я едва переступилъ за дверь, императоръ навстрѣчу въ сильномъ гнѣвѣ: «экъ! что на себя нагородили, а того, что надобно, не сказали». И скорыми шагами отойдя къ столу, взялъ на немъ четвертку листка, поспѣшно подошелъ ко мнѣ и показавъ: «это что? ваша рука?»

Я. Моя.

Императоръ (крича). Вы знаете, что я могу васъ сейчасъ разстрѣлять!

Я (сложивъ руки и также громко). Разстрѣляйте, государь! Вы имѣете право.

Императоръ (также громко). Не хочу! Я хочу, чтобъ судьба ваша была ужасная.

Выпихнувъ меня своимъ подходомъ въ передній кабинетъ, повторялъ тоже нѣсколько разъ, понижая голосъ; отдалъ Толю бумаги и велѣлъ приложить къ дѣлу, а мнѣ опять началъ говорить о моемъ

родѣ, о достоинствахъ моей жены, объ ужасной судьбѣ, которая меня ожидаетъ—и уже все это жалобнымъ голосомъ. Наконецъ, подведя меня къ тому столу, на которомъ я писалъ, и подавъ мнѣ лоскутокъ бумаги, сказалъ: «Пишите къ вашей женѣ». Я сѣлъ, онъ стоялъ. Я началъ писать: «Другъ мой, будь покойна и молись Богу»... Императоръ прервалъ: «что тутъ много писать! напишите только: *я буду живъ и здоровъ*». Я написалъ: «Государь стоитъ возлѣ меня и велитъ написать, что я живъ и здоровъ». Я подалъ ему; онъ прочелъ и сказалъ: «я живъ и здоровъ буду, припишите *буду* вверху». Я исполнилъ; онъ взялъ и велѣлъ мнѣ итти за Толемъ, Толь, выведя меня, передалъ тому же князю Голицыну, который меня привезъ и который теперь, взявъ конвой кавалергардовъ, отвезъ меня въ Петропавловскую крѣпость и передалъ коменданту Сукину. Шубу мою во дворцѣ украли и мнѣ саперный полковникъ далъ свою шинель на ватѣ доѣхать до крѣпости.

Здѣсь я нѣсколько часовъ дожидался сначала въ залѣ, потомъ въ домовой церкви—до тѣхъ поръ, какъ отвели меня въ № 7 Алексѣевскаго равелина. Въ церкви я горячо помолился, особенно при мысли, что, можетъ быть, я болѣе никогда уже не буду въ храмѣ Божіемъ».

Происходившее ночью на 15-е декабря во дворцѣ мы подробно узнаемъ изъ собственноручнаго письма императора Николая къ брату Константину; въ немъ же мы увидимъ впечатлѣніе, произведенное событіями 14-го декабря на императора.

Онъ писалъ.

«Дорогой, дорогой Константинъ! Ваша воля исполнена; я—императоръ, но какою цѣною, Боже мой! цѣною крови моихъ подданныхъ! (Cher, cher Constantin! Vòrte volonté est faite, je suis impereur, mais à quel prix, grand Dieu, au prix du sang de mes sujets!),—писалъ Николай Павловичъ.—Милорадовичъ смертельно раненъ, Шеншинъ, Фредериксъ, Стюрлеръ всѣ тяжело ранены! Но наряду съ этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ сколько сценъ утѣшительныхъ для меня, для насъ! Всѣ войска, за исключеніемъ нѣсколькихъ заблудшихся изъ Московскаго полка и лейбъ-Гренадерскаго, исполнили свой долгъ, какъ подданные и вѣрные солдаты, всѣ безъ исключенія. Я надѣюсь, что этотъ ужасный примѣръ послужитъ къ обнаруженію страшнѣйшаго изъ заговоровъ, о которомъ я только третьяго дня былъ извѣщенъ Дибичемъ; императоръ передъ своей кончиной уже отдалъ столь строгія приказанія, чтобы покончить съ этимъ, что можно вполнѣ надѣяться, что въ настоящую минуту повсюду приняты мѣры въ этомъ направленіи, такъ какъ Чернышевъ былъ посланъ устроить это дѣло совмѣстно съ графомъ Витгенштейномъ; я нисколько не сомнѣваюсь, что въ первой арміи генералъ Сакенъ, увѣдомленный Дибичемъ, по-

ступилъ точно также. Я пришлю вамъ разслѣдованіе или докладъ о заговорѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ я получилъ, и предполагаю, что вскорѣ мы будемъ въ состояніи сдѣлать то же самое здѣсь. Въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи находятся трое изъ главныхъ вожаковъ, и имъ производятъ допросъ у меня.

«Главою этого движенія былъ адъютантъ моего дяди, *Бестужевъ*; онъ пока еще не находится въ нашихъ рукахъ. Въ настоящую минуту ко мнѣ приводятъ еще четырехъ изъ этихъ господъ.

«*Попозже.*

«Милорадовичъ въ самомъ отчаянномъ положеніи. Стюрлеръ тоже! Все болѣе и болѣе обнаруживаются чувствительныя потери. *Веліо*, конной гвардіи, потерялъ руку. У насъ имѣется доказательство, что все велось нѣкіимъ *Рылѣевымъ*, статскимъ, у котораго происходили тайныя собранія, что много ему подобныхъ состоятъ членами этой шайки; но я надѣюсь, что намъ удается во время захватить ихъ.

Въ 11½ вечера.

«Мнѣ только что доложили, что къ этой шайкѣ принадлежитъ нѣкій *Горскій*, вице-губернаторъ, уволенный съ Кавказа; мы надѣемся разыскать его. Въ это мгновеніе ко мнѣ привели *Рылѣева*. Это — поимка изъ наиболѣе важныхъ. Я узнаю сію минуту, что Шеншинъ, быть можетъ, будетъ спасенъ. Судите о моей радости! Я осмѣлился, дорогой Константинъ, временно назначить Кутузова военнымъ генералъ-губернаторомъ; соблаговолите не отказать мнѣ въ немъ, такъ какъ это единственный человѣкъ, на котораго я могу положиться въ настоящій критическій моментъ, когда каждый долженъ находиться на своемъ посту.

«*Въ 12½ пополуночи.*

«Горскій въ нашихъ рукахъ и сейчасъ будетъ подвергнутъ допросу; равнымъ образомъ я располагаю бумагами Бестужева.

«*Въ четыре часа.*

«Бѣдный Милорадовичъ скончался! Его послѣдними словами были распоряженія объ отсылкѣ мнѣ шпаги, которую онъ получилъ отъ васъ, и объ отпускѣ на волю его крестьянъ. Я буду оплакивать его во всю свою жизнь; у меня находится пуля; выстрѣлъ былъ сдѣланъ почти въ упоръ статскимъ, стоявшимъ сзади.

«Все спокойно, и аресты продолжаются своимъ порядкомъ; захваченныя бумаги дадутъ намъ любопытныя свѣдѣнія. Большинство возмутившихся солдатъ уже возвратилось въ казармы добровольно, за исключеніемъ около 500 человѣкъ изъ Московскаго и Гренадерскаго полковъ, схваченныхъ на мѣстѣ, и которыхъ я приказалъ посадить въ крѣпость; прочіе, въ числѣ 38 человѣкъ гвардейскаго экипажа, тоже тамъ, равно какъ и масса всякой сволочи (menue canaille), почти поголовно пьяной. Часть полковъ Гренадерскаго и Московскаго

находилась въ караулѣ, и среди нихъ полнѣйшій порядокъ: тѣ, которые не послѣдовали за сволочью, явились съ Михаиломъ въ отличнѣйшемъ порядкѣ и не оставляли меня, настойчиво требуя броситься въ атаку, что, къ счастію, не оказалось необходимымъ. Двѣ роты Московскаго полка смѣнились съ караула, и, по собственному почину, подъ командою своихъ офицеровъ, явились присоединиться къ своему баталіону, находившемуся возлѣ меня. Моряки вышли, не зная, ни почему, ни куда ихъ ведутъ; они снова приведены въ казарму и тотчасъ же пожелали принести присягу; лишь одни младшіе офицеры послужили причиною ихъ заблужденія, и почти всѣ вернулись съ баталіономъ просить прощенія, съ искренними, повидимому, сожалѣніями. Я разыскиваю троихъ, о которыхъ нѣтъ извѣстій.

«Только что захватили у *князя Трубецкою,* женатаго на дочери Лаваля, бумагу, содержащую предположенія объ учрежденіи временнаго правительства съ любопытными подробностями.

«*15-го декабря.*

«Да будетъ тысячу разъ благословенъ Господь Богъ, порядокъ возстановленъ, мятежники захвачены или вернулись къ исполненію своего долга, я лично произвелъ смотръ и приказалъ вновь освятить знамя гвардейскаго экипажа. Я надѣюсь, что вскорѣ представится возможность сообщить вамъ подробности этой позорной исторіи (infame histoire); мы располагаемъ всѣми ихъ бумагмаи, а трое изъ главныхъ предводителей находятся въ нашихъ рукахъ, между прочимъ, *Оболенскій*, оказавшійся тѣмъ, который срѣлялъ въ Стюрлера. Показанія Рылѣева, здѣшняго писателя, и Трубецкого раскрываютъ всѣ ихъ планы, имѣющіе широкія развѣтвленія внутри имперіи; всего любопытнѣе то, что перемѣна государя послужила лишь предлогомъ для этого взрыва, подготовленнаго съ давнихъ поръ, съ цѣлью умертвить насъ всѣхъ, чтобы установить республиканское конституціонное правленіе; у меня имѣется даже сдѣланный Трубецкимъ черновой набросокъ конституціи, предъявленіе котораго его ошеломило и побудило его признаться во всемъ. Сверхъ сего, весьма вѣроятно, что мы откроемъ еще нѣсколько каналій фрачниковъ (quelques canailles en frac), которые представляются мнѣ истинными виновниками убійства Милорадовича. Только что нѣкій Бестужевъ, адъютантъ моего дяди, явился ко мнѣ лично, признавая себя виновнымъ во всемъ.

«Все спокойно.

«Будучи обремененъ занятіями, я едва имѣю возможность отвѣчать вамъ нѣсколькими словами на ваше ангельское письмо, дорогой, дорогой Константинъ. Вѣрьте мнѣ, что слѣдовать вашей волѣ и примѣру нашего ангела—вотъ то, что я буду имѣть постоянно въ виду и въ сердцѣ; дай Богъ, чтобы мнѣ удалось нести это бремя, принятое при столь ужасныхъ обстоятельствахъ, съ покорностью волѣ Божіей и вѣрою въ его милосердіе.

«Я посылаю вамъ копію рапорта объ ужасномъ заговорѣ, открытомъ въ арміи, и который я считаю необходимымъ сообщить вамъ въ виду открытыхъ подробностей и ужасныхъ намѣреній; судя по допросамъ здѣшней шайки, продолжающимся въ самомъ дворцѣ, нѣтъ сомнѣній, что все составляетъ одно цѣлое, а что также достовѣрно, на основаніи словъ наиболѣе смѣлыхъ, это то, что рѣчь шла о покушеніи на жизнь покойнаго императора, чему помѣшала его преждевременная кончина. Страшно сказать, но необходимъ внушительный примѣръ, и такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ убійцахъ, то ихъ участь не можетъ не быть достаточно сурова.

»Я поручаю Чичерину доставить вамъ эти строки, потому что онъ будетъ въ состояніи поставить васъ въ извѣстность обо всемъ, что вы пожелаете узнать о происходящемъ здѣсь, и мнѣ пріятно думать что вы не будете недовольны повидать его. Я позволилъ себѣ, дорогой Константинъ, назначить его своимъ генералъ-адъютантомъ, такъ какъ я не могъ бы сдѣлать болѣе подходящаго выбора для подобнаго назначенія.

«Я представляю вамъ, дорогой Константинъ, копію приказа по арміямъ; быть можетъ, вы позволите сдѣлать то же самое по отношенію къ войскамъ, состоящимъ подъ вашимъ начальствомъ, такъ какъ мнѣ кажется, что все то, что будетъ напомнить имъ объ ихъ благодѣтелѣ, должно быть дорого имъ.

«*Въ 12½ часовъ пополуночи.*

«Чичеринъ не можетъ еще отправиться къ вамъ, дорогой Константинъ, такъ какъ ему нужно быть на своемъ посту. Все идетъ хорошо, и я надѣюсь, что все конечно, за исключеніемъ разслѣдованія дѣла, которое потребуетъ еще времени.

«Повергните меня къ стопамъ моей невѣстки за ея любезную память обо мнѣ; прощайте, дорогой Константинъ, сохраните мнѣ ваше расположеніе и вѣрьте неизмѣнной дружбѣ вашего вѣрнаго брата и друга Николая».

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ получилъ письмо своего державнаго брата 20-го декабря 1825 года (1-го января 1826 года) и въ тотъ же день отвѣчалъ императору.

«Единственное, что я могу сдѣлать,—писалъ цесаревичъ,—это отъ глубины души поблагодарить васъ, что вы подумали обо мнѣ среди обстоятельствъ, въ которыхъ находились. На колѣняхъ и съ горячими слезами признательности я благодарилъ Бога, что онъ предохранилъ васъ отъ какого-либо личнаго несчастья. Великій Боже, что за событіе! Эта сволочь (cette canaille) была недовольна, что имѣетъ государемъ ангела, и составляла заговоръ противъ него! Что же имъ нужно? Это чудовищно, ужасно, покрываетъ позоромъ всѣхъ хотя бы совершенно невинныхъ, даже не думавшихъ о возможности чего-

либо подобнаго. Ваше поведеніе, дорогой братъ, безподобно, но ради Бога обдумывайте его, и пусть ваше милосердіе не увлечетъ васъ слишкомъ далеко... Какое счастіе среди этого горя, что я не былъ въ Петербургѣ во время этого злополучнаго событія, въ этотъ критическій моментъ, когда эта сволочь волновалась яко бы во имя меня! Богъ знаетъ, какое зло могло бы произойти, и даже теперь я буду сильно опасаться, какъ бы одно мое присутствіе не могло вызвать подобныхъ сценъ. Повидимому, во всемъ этомъ дѣлѣ мое имя является какъ бы средоточіемъ всего. Богъ, читающій въ глубинѣ моего сердца, видитъ тамъ чистоту моихъ намѣреній, и, конечно, я свободенъ отъ малѣйшаго упрека въ соучастіи съ этой сволочью. Я буду бояться пріѣхать къ вамъ до тѣхъ поръ, пока съ теченіемъ времени все не утихнетъ и не успокоится настолько, чтобы снова не воспользовались мною, какъ предлогомъ, чтобы сдѣлать что-либо подобное; впрочемъ, какъ мнѣ кажется, мое присутствіе необходимо здѣсь для того, чтобы, когда все узнается здѣсь, не произошло чего-либо неумѣстнаго... Я искренно сожалѣю и достойнаго графа Милорадовича, жертву своего рвенія и своей преданности, и всѣхъ прочихъ; что можно подѣлать противъ воли Божіей! Если это несчастное петербургское событіе, хотя оно и очень велико, можетъ водворить порядокъ въ остальной части имперіи,—это жертва, которая принесетъ извѣстную пользу; въ противномъ случаѣ сволочь увидитъ, что еще имѣются честные люди, умѣющіе быть преданными, и что не все пройдетъ ей даромъ».

Такъ тревожно и сумрачно прошла ночь на 15-ое декабря. Въ эту ночь возродился деспотизмъ во всей своей силѣ и подъ его игомъ Россія еще долго должна было тяготиться. Было общимъ мнѣніемъ, что этому было виной событіе на Сенатской площади. Но это едва ли такъ. Поворотъ направо былъ сдѣланъ еще послѣ отечественной войны, когда русскій народъ проявилъ столько патріотизма, столько доблести и показалъ, что былъ вполнѣ достоинъ и любви и довѣрія. Однако, вмѣсто этого, онъ получилъ одно подозрѣніе и это было при Александрѣ I. Откуда же можно было ожидать другой политики, другого пониманія власти?—Рѣшительно не откуда. И если говорили о возможности ихъ, то это дѣлалось лишь для оправданія дѣйствительности, приведшей насъ къ Крымскому позору.

Декабристы хорошо понимали, какая наступитъ дѣйствительность, какова будетъ политика, и потому спѣшили наперерывъ предупредить Николая I и предсказать всю погибель такой политики; они при допросахъ не боялись разсказать ему правду и заклинали его не губить Россіи.

Говорятъ, подъ вліяніемъ этихъ откровенныхъ признаній императоръ обратился къ Михаилу Павловичу и сказалъ: «Революція на по-

рогѣ Россіи, но, клянусь, она не проникнетъ въ нее, пока во мнѣ сохранится дыханіе жизни, пока, Божіею милостіею, я буду императоромъ».

Таково впечатлѣніе Николая отъ дознаній, писемъ, адресованныхъ ему изъ крѣпости декабристами, ихъ просьбъ. Но въ нихъ ничего не было революціоннаго; нужно было быть такъ напуганнымъ, какъ Николай 14-го декабря, чтобы въ проектахъ преобразованій, составленныхъ декабристами, видѣть революцію. Тамъ были лишь просьбы, требованія закона.

Если въ этомъ видѣли революцію, то, спрашиваемъ, отъ куда было ждать другого направленія?

Николай I самъ чувствовалъ невозможность вернуться ко днямъ «Александрова прекраснаго начала» и искалъ оправданій своимъ поступкамъ въ божественномъ оправданіи.

«Никто не ощущаетъ большей потребности,—писалъ онъ,—чѣмъ я, быть судимымъ съ снисходительностью. Но пусть же тѣ, которые судятъ меня, примутъ во вниманіе, какимъ необычайнымъ образомъ я вознесся съ поста недавно назначеннаго начальника дивизіи на постъ, который занимаю въ настоящее время, кому я наслѣдовалъ и при какихъ обстоятельствахъ, и тогда придется сознаться, что если бы не явное покровительство Божественнаго Провидѣнія и того, на кого еще при жизни я смотрѣлъ, какъ на своего благодѣтеля, и котораго мнѣ пріятно считать своимъ ангеломъ-хранителемъ,—мнѣ было бы не только невозможно поступать надлежащимъ образомъ, но даже справляться съ тѣмъ, чего требуетъ отъ меня заурядный кругъ моихъ настоящихъ обязанностей; я твердо убѣжденъ въ божественномъ покровительствѣ, которое проявляется на мнѣ слишкомъ ощутительнымъ образомъ для того, чтобы я могъ не замѣчать его во всемъ, случающемся со мною, и *вотъ моя сила, мое утѣшеніе, мое руководящее начало во всемъ*».

Въ оправданіе этого начала, какъ мы сказали, задаютъ всегда вопросъ, что сдѣлалъ бы императоръ Николай, если бы не встрѣтилъ сопротивленія на первомъ же шагу своего царствованія? Мы въ свою очередь зададимъ вопросъ, что было бы, если бы императоръ, вмѣсто того, чтобы окружить себя генералъ-адъютантами, выслушалъ требованія возставшихъ и возвелъ бы въ начало правленія Россіи—Законъ?

XIV.

Причина неудачи.

Мы знаемъ, во имя чего было поднято возстаніе; мы знаемъ ходъ подготовительной агитаціи; мы видѣли дѣйствія мятежниковъ и государя; мы знаемъ событія 14-го декабря на Сенатской площади.

Теперь пора дать объясненіе неудачи, постигшей возставшихъ, когда казалось успѣхъ былъ такъ возможенъ.

Объяснить это брались очень многіе какъ изъ сторонниковъ возставшихъ, такъ и ихъ противниковъ. Потому мы должны ихъ выслушать.

«*Богъ спасъ* насъ 14-го декабря отъ великой бѣды,—писалъ Карамзинъ. — Это стоило нашествія французовъ: въ обоихъ случаяхъ вижу блескъ луча какъ бы не земного».—«Провидѣніе омрачило умы людей буйныхъ,—пишетъ въ другомъ мѣстѣ онъ же,—и они въ порывѣ своего безумія рѣшились на предпріятіе, столь же пагубное, сколь и несбыточное: отдать государство власти неизвѣстной, свергнувъ законную. Обманутые солдаты и чернь покорились мятежникамъ, предполагая, что они вооружаются противъ государя незаконнаго, и что новый императоръ есть похититель престола старшаго своего брата Константина. Въ сіе ужасное время общаго смятенія, когда рѣшительныя дѣйствія могли бы имѣть успѣхъ самый вѣрный, Богъ милосердный погрузилъ дѣйствовавшихъ въ какое-то странное недоумѣніе и неизъяснимую нерѣшительность: они, сдѣлавъ карре у Сената, нѣсколько часовъ находились въ совершенномъ бездѣйствіи, а правительство между тѣмъ успѣло взять всѣ нужныя противъ нихъ мѣры. Ужасно вообразить, чтобы они могли сдѣлать въ сіе часы роковые, но Богъ защитилъ насъ, и Россія въ сей день...

По мнѣнію принца Евгенія Виртембергскаго, заговоръ не имѣлъ успѣха по слѣдующимъ причинамъ, которыхъ онъ насчитываетъ пять:

1) хотя существовали поводы къ неудовольствію на императора Александра, но, тѣмъ не менѣе, онъ все-таки пользовался вообще любовію;

2) нельзя отрицать, что многое въ русскомъ государственномъ устройствѣ и во внутреннемъ управленіи страною оставляло желать лучшаго, но это обстоятельство не вліяло на привязанность къ императорскому дому;

3) направленіе, данное всему предпріятію, было настолько позорно, безтолково и безсодержательно, что каждый осторожный и разсудительный человѣкъ долженъ былъ отклонить отъ себя участіе въ подобномъ дѣлѣ;

4) заговорщики не имѣли въ своемъ распоряженіи человѣка, который пользовался бы рѣшительнымъ вліяніемъ на войска, и

5) во главѣ заговорщиковъ не находилось лица, которое, занимая высокое и вліятельное положеніе въ государствѣ, подобно графу Палену въ 1801 году, могло бы руководить предпріятіемъ, содѣйствовать успѣху дѣла выборомъ соотвѣтственныхъ мѣръ и охранять безопасность участниковъ заговора.

«Но, тѣмъ не менѣе,—прибавляетъ принцъ,—нельзя не признать, что возможность осуществленія полнаго переворота въ Россіи, благо-

Г. Чита; дома кн. Трубецкой, Муравьевой и коменданта.

Одинъ изъ декабристовъ отправляется на побывку къ женѣ въ сопровожденіи конвойнаго.

даря совершенно исключительнымъ обстоятельствамъ, зависѣла отъ одной счастливой случайности. Дѣйствительно, какъ легко пистолетъ Кюхельбекера могъ бы исполнить свое назначеніе, а Булатовъ оказаться менѣе чувствительнымъ; и кто же изъ васъ всѣхъ разобрался бы въ хаосѣ непонятной, совершенно туманной обстановки, кто принялъ бы тотчасъ необходимыя мѣры для обезпеченія уцѣлѣвшихъ членовъ императорской семьи отъ неизвѣстныхъ убійцъ и загадочной вражьей силы? Мнѣ самому казалось въ началѣ, что ко мнѣ доносятся крики о спасеніи противъ огня, при одновременномъ напорѣ бушующихъ волнъ; такимъ образомъ я самъ недоумѣвалъ, нужно ли тушить или воздвигать плотину, склоняясь почти къ убѣжденію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ одними ослѣпленными людьми».

Дѣйствія или дѣйствователи 14-го декабря обсуждались различнымъ образомъ: одни видѣли въ нихъ мечтателей, другіе — безумцевъ, третьи — бранили, называли ихъ обезьянами Запада, четвертые укоряли ихъ въ непомѣрномъ честолюбіи; иной порицалъ безусловно, другой жалѣлъ; мало кто судилъ безпристрастно, и то почти тайно, сообраҗаясь съ достоинствами отдѣльной личности и выпуская изъ виду главную причину и главную цѣль. Газеты тогда не смѣли печатать правду; съ плеча постановили приговоръ свой, — что всѣ мятежники декабристы были гадко одѣты и всѣ имѣли звѣрскій видъ и отвратительную наружность. Совершившееся дѣло показало, что предпріятіе было явно начато среди бѣлаго дня. На большой площади, въ виду народа, нѣсколько человѣкъ дерзнуло обнаружить неудовольствіе и ожидало общаго участія для лучшей перемѣны. Правда, что первыя роты изъ л.-гв. Московскаго полка были выведены подъ предлогомъ вѣрности данной присягѣ Константину. Правда и то, что когда послышались возгласы въ толпѣ «лучше вмѣсто Константина конституцію!», и когда спросили нѣсколькихъ человѣкъ: «кто это конституція?», то отвѣтили имъ: «это супруга Константина» [1]. Но также правда и то, что гренадерамъ и надежнымъ унтеръ-офицерамъ были объявлены другія причины, — въ толпѣ постороннихъ хорошо знали эти причины! — Декабристамъ на площади легко было предвидѣть худой конецъ. Рылѣевъ, какъ угорѣлый, бросался во всѣ казармы, ко всѣмъ карауламъ, чтобы набрать больше матеріальной силы, и возвращался на площадь съ пусты-

[1]) Каховскій отрицаетъ этотъ фактъ. Въ письмѣ къ Левашеву онъ писалъ: «Несправедливо говорили, будто бы при возстаніи 14 декабря кричали: «Да здравствуетъ конституція» и будто народъ спрашивалъ: «Что такое конституція? Не жена ли его высочества цесаревича?» Это забавная выдумка. Мы очень знали бы замѣнить конституцію закономъ и имѣли слово, потрясающее сердца равно всѣхъ сословій въ народѣ: Свобода! Но нами ни-что не было провозглашаемо, кромѣ имени Константина». См ст. П. Е. Щеголева о П. Г. Каховскомъ въ журналѣ «Былое», 1906 г., янв., стр. 142.

ми руками; слѣдовательно, они сознательно обрекли себя на жертву, обнаружили мужество, которое борется безъ всякой надежды на успѣхъ; и вышло, какъ мнѣ сказалъ Рылѣевъ: «а все-таки надо, все-таки надо!».

«Однако успѣхъ предназначеннаго предпріятія былъ возможенъ, если сообразимъ всѣ обстоятельства. Двѣ тысячи солдатъ и вдесятеро больше народу были готовы на все по мановенію начальника. Начальникъ былъ избранъ, я жилъ съ нимъ вмѣстѣ подъ одною крышею шесть лѣтъ въ Читинскомъ острогѣ и въ Петровской тюрьмѣ за Байкаломъ. Товарищи знали его давно и много лѣтъ до рокового дня; всѣ согласятся, что онъ былъ всегда мужъ правдивый, честный, весьма образованный, способный, на котораго можно было положиться. Не знаю, отчего онъ не явился въ назначенный часъ въ назначенное мѣсто?! Онъ, я думаю, и самъ этого не зналъ: психологія или физіологія на то отвѣтитъ. Согласенъ, что онъ потерялъ голову, могу назвать его жалкимъ въ этотъ день: но подлости, измѣны въ немъ не допускаю... Въ критическую минуту пришлось его замѣнить; изъ двухъ назначенныхъ ему помощниковъ, одинъ, полковникъ Булатовъ, имѣлъ способность и храбрость, но избралъ самъ себѣ отдѣльный кругъ дѣйствія; другой—капитанъ А. И. Якубовичъ съ повязкою на прострѣленномъ челѣ, съ безотвѣтною саблею, лихой рубака на Кавказѣ,—не принялъ начальства, онъ хотѣлъ дѣйствовать независимо. И въ самомъ дѣлѣ,—хотѣлъ ли онъ протянуть или затянуть дѣло,—но онъ игралъ роль двусмысленную: то подстрекалъ возмутителей, то обѣщалъ императору склонить ихъ къ покорности [1]). Предложили начальствовать Н. А. Бестужеву 1-му: онъ, какъ морякъ, отказался. Почти насильно поручили начальство князю Е. П. Оболенскому. Между тѣмъ уходило время; не было единства въ распоряженіяхъ: отчего сила, вмѣсто дѣйствующей, стала только страдательною. Московцы твердо устояли, и отбили пять атакъ л.-гв. коннаго полка. Солдаты не поддавались ни угрозамъ, ни увѣщаніямъ. Они не пошатнулись предъ митрополитомъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ, умолявшимъ ихъ во имя Господа. Эта сила, на морозѣ и въ мундирахъ, стояла неподвижно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, когда она могла взять орудія, заряженныя противъ нея. Орудія стояли близко подъ прикрытіемъ

---

[1]) Николай Павловичъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Якубовичемъ въ день 14 декабря: «Я замѣтилъ противъ себя офицера нижегородскаго драгунскаго полка, котораго чернымъ повязанная голова, огромные черные глаза и усы, а также вся наружность имѣли что-то особенно отвратительное; подозвавъ его къ себѣ, узналъ, что онъ Якубовскій (Якубовичъ); но, не зная, съ какой цѣлью онъ тутъ былъ, спросилъ его, чего онъ желаетъ. На сіе онъ мнѣ дерзко сказалъ: «я былъ съ ними, но, услышавъ, что они за Константина, бросилъ и явился къ вамъ». Я взялъ его за руку и сказалъ: «Спасибо! вы вашъ долгъ знаете!».

взвода кавалергардовъ, подъ командою члена тайнаго общества И. А. Анненкова. Нетрудно было приманить къ себѣ л.-гв. Измайловскій полкъ, въ которомъ было много посвященныхъ въ тайны общества. Въ ту же ночь бритвою лишилъ себя жизни капитанъ Богдановичъ, упрекнувъ себя въ томъ, что не содѣйствовалъ. Она могла разогнать полицію, или арестовать полицію, и удержать народъ, доказавшій свою готовность вооружиться чѣмъ попало,—хоть полѣномъ. Наконецъ, въ этотъ самый день занималъ караулы во дворцѣ, въ адмиралтействѣ, въ сенатѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ 2-й баталіонъ л.-гв. Финляндскаго полка, подъ начальствомъ полковника А. Ф. Моллера, стариннаго члена тайнаго общества; въ его рукахъ былъ дворецъ. Относительно Моллера я долженъ сказать, что наканунѣ, 13-го декабря, былъ у него Н. А. Бестужевъ, чтобы склонить его на содѣйствіе съ батальономъ; онъ положительно отказался, и среди переговоровъ ударилъ по выдвинутому ящику письменнаго стола, ящикъ разбился:—«вотъ слово мое, сказалъ онъ, если дамъ его, то, во что бы ни стало, сдержу его; но въ этомъ дѣлѣ—не вижу успѣха, и не хочу быть четвертованнымъ».

«На Адмиралтейскомъ бульварѣ, въ двадцати шагахъ отъ императора, стоялъ полковникъ Булатовъ, командиръ армейскаго егерскаго полка въ дивизіи Н. М. Сипягина, недавно прибывшій въ Петербургъ въ отпускъ. Онъ имѣлъ два пистолета, заряженныхъ за пазухой, съ твердымъ намѣреніемъ лишить его жизни: но рука невидимая удерживала его руку. Въ Булатовѣ всегда было храбрости и смѣлости довольно. Лейбъ-гренадерамъ хорошо извѣстно, какъ онъ въ отечественную войну съ своею ротою бралъ непріятельскія батареи, какъ онъ восторженно штурмовалъ ихъ, какъ онъ, подъ градомъ непріятельской картечи, во многихъ шагахъ впереди роты, увлекалъ людей, куда хотѣлъ. Этотъ смѣлый воинъ, когда государь при личномъ допросѣ изъявилъ ему удивленіе свое, что видитъ его въ числѣ мятежниковъ, отвѣтилъ откровенно, что, напротивъ того, онъ удивленъ видѣть предъ собою государя. — «Что это значитъ?» — «Вчера слишкомъ два часа стоялъ я въ двадцати шагахъ отъ вашего величества съ заряженными пистолетами, и съ твердымъ намѣреніемъ убить васъ; но каждый разъ, когда хватался за пистолетъ, сердце мнѣ отказывало».—Государю понравилось откровенное признаніе, и онъ приказалъ не сажать его въ казематы крѣпости, гдѣ мы всѣ содержались, но помѣстить его въ квартирѣ коменданта и дать ему хорошее содержаніе.—Чрезъ нѣсколько недѣль Булатовъ уморилъ себя голодомъ, выдержавъ ужасную борьбу: имѣя предъ собою хорошую и вкусную пищу, онъ сгрызъ ногти своихъ пальцевъ и сосалъ кровь свою. Эти подробности передалъ мнѣ плацъ-адъютантъ капитанъ Николаевъ, и прибавилъ: Булатовъ сдѣлалъ это отъ угрызенія совѣсти и глубокаго раскаянія. «Въ чемъ же онъ раскаивался, когда онъ никого не убилъ, и все

стоялъ въ сторонѣ, какъ прочіе зрители?»—спросилъ я. «То Господу Богу Единому извѣстно!»—отвѣтилъ адъютантъ крѣпости [1]).

Въ этихъ строкахъ мы находимъ поразительную безпристрасность и правдивое объясненіе всей неудачи возставшихъ. Въ нихъ отмѣчается то необыкновенное психологическое состояніе мятежниковъ, которое всегда обращало и обращаетъ на себя вниманіе и которое не встрѣчается больше положительно нигдѣ — это именно незлобивость, безличность въ поведеніи возставшихъ, — безличность въ лучшемъ смыслѣ слова; и это только подчеркиваетъ, что возстаніе было поднято не во имя убійства, или цареубійства, не во имя смѣщенія дома Романовыхъ съ русскаго престола, а во имя права и закона.

Подумайте — представитель этого дома, тотъ, противъ котораго больше всего шли возставшіе, разговариваетъ съ ними, находится въ ихъ толпѣ, пользуется даже ихъ услугами и совершенно остается лично невредимымъ. Это ли не доказательство, что мятежники не желали убійства ради убійства, а желали дать русскому народу извѣстныя права.

Въ данномъ случаѣ мятежники представляли, если не исключительное, то величественное явленіе—они были истинными рыцарями своей идеи.

Не меньше этого въ поведеніи возставшихъ поражаетъ всякаго та бездѣятельность, пассивность, съ которой они стояли на Сенатской площади. Несомнѣнно, причиной тому было отсутствіе опредѣленнаго плана и опытнаго и энергичнаго предводителя.

Отсутствіе плана сказывалось во всемъ и это погубило дѣло. Декабристы были неопытными учениками и много надѣялись на промыселъ Божій, на обстоятельства. «Обстоятельства покажутъ, что дѣлать»—съ такими словами Рылѣева закончилось собраніе у него 13-го декабря, вечеромъ—и въ этомъ выражался весь планъ заговорщиковъ.

Не менѣе пагубно было отсутствіе руководителя. Имъ былъ назначенъ Трубецкой, но онъ 14-го декабря велъ себя крайне малодушно, чтобы не сказать позорно. Это даже ясно изъ его собственныхъ показаній слѣдственной комиссіи. Приведемъ ихъ дословно:

«14-го числа въ 10-мъ часу былъ у меня Рылѣевъ съ Пущинымъ (статскимъ),—показывалъ онъ,—какъ я прежде показывалъ; я имъ далъ прочесть манифестъ, за которымъ я посылалъ въ Сенатъ. Говорили, что знамена возвращаются изъ полковъ, и что, вѣроятно, ничего не будетъ, и послѣ того они уѣхали; выходя, Пущинъ мнѣ сказалъ: «Однакожъ, если что будетъ, то вы къ намъ придете?» Я признаюсь, что я не имѣлъ духу просто сказать *нѣтъ*, и сказалъ: «ничего не

[1]) Записки декабриста, Б. Розенъ—тамъ же.

можетъ быть, что-жъ можетъ быть, если выйдетъ какая рота или двѣ?» Онъ отвѣчалъ: «мы на васъ надѣемся». Рылѣевъ не слыхалъ сего разговора, онъ уже вышелъ въ сѣни. Послѣ сихъ словъ Пущина я сталъ болѣе бояться, что если они придутъ на Сенатскую площадь, то придутъ за мной, почему и я ушелъ изъ дому; взялъ извощика и поѣхалъ въ канцелярію дежурнаго генерала Главнаго Штаба его величества, чтобъ тамъ спросить, гдѣ мнѣ присягать, и если можно, то хотѣлъ тотчасъ присягнуть, надѣясь, что, если что будетъ или что откроется, то мнѣ поспѣшность моя къ принятію присяги во что-нибудь вмѣнится. Мнѣ сказали (кажется, старшій адъютантъ Яковлевъ), что присягать надобно притти на завтрашній день въ 11 часовъ въ залъ Главнаго Штаба; потомъ дали мнѣ манифестъ съ приложеніями, которыхъ я еще не читалъ, потому что я имѣлъ манифестъ еще безъ приложеній, кои не были еще отпечатаны, когда я посылалъ въ Сенатъ. Я сталъ читать приложенія, между тѣмъ старшіе адъютанты приходили, здоровались со мной, спрашивали о здоровьѣ, разсужденій же никакихъ не помню. Оттуда я пошелъ къ сестрѣ моей въ домъ Потемкина въ Большой Милліонной; она просила меня прочесть ей манифестъ и прочія бумаги. Отъ нея я пошелъ къ флигель-адъютанту полковнику Бибикову, котораго не засталъ дома, но засталъ его жену и брата; посидѣвъ съ ними и увидя, что уже первый часъ, я ободрился надеждою, что все уже кончено, что полки всѣ присягнули, что все прошло тихо; тогда я поѣхалъ домой съ намѣреніемъ одѣться и ѣхать во дворецъ.

«Выѣзжая на площадь съ Невскаго проспекта, я увидѣлъ, что много народу на дворцовой площади и волненіе; я остановился, увидѣвъ Скалона, который служитъ въ Главномъ Штабѣ и находится при библіотекѣ онаго, подошелъ къ нему спросить, что такое. Онъ мнѣ сказалъ, что Московскій полкъ или баталіонъ, онъ сказалъ,—не помню,—кричитъ ура государю цесаревичу и идетъ къ Сенату, что вывели караулъ дворцовый и поставили у воротъ дворца, что выведенъ 1-й баталіонъ Преображенскій, и зарядили ружья. Я вошелъ во дворъ Главнаго Штаба и опять пошелъ въ канцелярію дежурнаго генерала, не зная, куда дѣваться; правитель канцеляріи Ноинскій спросилъ меня, не слыхалъ ли я чего, и отвелъ въ сторону. Я сказалъ ему слышанное отъ Скалона; пришелъ старшій адъютантъ (кажется Борщовъ), онъ повторилъ то же, Ноинскій сказалъ: «господа, подите туда, вы въ мундирахъ, вамъ надобно тамъ быть». И тогда мы вышли. Я не хотѣлъ итти на площадь и прошелъ дворомъ Главнаго Штаба въ Милліонную, не зная самъ, куда итти, и у воротъ канцеляріи г. начальника Главнаго Штаба встрѣтилъ входящаго въ нихъ полковника Юренева, чиновника Гунаропуло и еще одного человѣка, мнѣ незнакомаго; они имѣли видъ испуганный и зазвали меня съ

собою; я взошелъ на лѣстницу, и вошелъ съ Гунаропуло въ канцелярію г. начальника Штаба, гдѣ никого не было. Онъ съ весьма испуганнымъ видомъ говорилъ мнѣ: «бѣда! Какая бѣда!» Московскій баталіонъ и множество народа прошли по Морской къ Сенату, я съ ними встрѣтился, бѣжалъ отъ нихъ, они кричатъ «ура!» императору Констанину; говорятъ, убили Фридерикса. Послѣдне слово меня сразило; я почти упалъ на стулъ, едва могъ говорить, Гунаропуло вставалъ. садился, говорилъ все «ахъ! какая бѣда!» Послѣ предложилъ итти на площадь; мы вышли, но я, идучи, сказалъ ему, что я чувствую себя очень нездоровымъ, и зашелъ опять въ канцелярію г. дежурнаго генерала, гдѣ также говорилъ Ноинскому, что я очень нездоровъ.

«Пришелъ Случевскій, старшій адъютантъ, который звалъ меня итти на площадь къ Исакію, и говорилъ, что надобно оставить шинели, потому что тамъ государь императоръ, но я ему тоже сказалъ, что я очень нездоровъ, и зашелъ въ курьерскую, гдѣ сидѣлъ одинъ въ большомъ уныніи и страхѣ; изъ оной вошелъ опять въ канцелярію, спросилъ, гдѣ Ноинскій, мнѣ сказали, что въ залѣ квартиры дежурнаго генерала; я вошелъ туда, гдѣ нашелъ его съ подполковникомъ Себиндеромъ, который пришелъ съ площади и который разсказывалъ, что тамъ происходитъ. Я спросилъ, можно ли пройти на Англійскую набережную не мимо бунтовщиковъ, что я въ большомъ безпокойствѣ о женѣ; онъ мнѣ отвѣчалъ, что: «ничего, можно очень пройти и мимо ихъ даже, они всѣхъ пропускаютъ, ѣздятъ даже, они только кричатъ «ура» Константину Павловичу и стоятъ отъ одного угла Сената до другого». Тогда я надѣялся, что жена моя выѣхала и что она можетъ быть у сестры моей, куда я и поѣхалъ, взявъ извощика».

Подобное поведеніе диктатора въ самую критическую минуту имѣло, несомнѣнно, пагубное дѣйствіе.

Однако и помимо его можно найти массу странностей, которыя были совершены возставшими. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, никакъ нельзя ни объяснить, ни оправдать—это поступокъ барона Розена. Онъ заключается въ томъ, что ему удалось увлечь за собой часть роты, привести ее на площадь, но онъ поставилъ солдатъ въ такое положеніе, что они совершенно оказались безполезными. Этотъ случай довольно подробно разсказанъ самимъ Розеномъ и поэтому мы лучше приведемъ это мѣсто изъ его записокъ цѣликомъ.

«Народъ, пишетъ онъ, со всѣхъ сторонъ хлынулъ на площадь; полиція молчала. Войска еще не было никакого съ противной стороны. Поспѣшно поѣхалъ въ Финляндскія казармы, гдѣ оставался только нашъ 1-ый баталіонъ, куда только что успѣлъ воротиться мой стрѣлковый взводъ по смѣнѣ изъ караула въ Галерной

гавани. 2-ой нашъ баталіонъ въ этотъ день занялъ караулы по 1-му отдѣленію во дворцѣ и въ городѣ, 3-й баталіонъ по очереди зимовалъ за городомъ по деревнямъ. Прошелъ по всѣмъ ротамъ, приказалъ солдатамъ проворно одѣться, вложить кремни, взять патроны и выстроиться на улицѣ, говоря, что должно итти на помощь нашимъ братьямъ. Въ полчаса выстроился баталіонъ, подоспѣли офицеры; никто не зналъ, по чьему приказанію выведенъ былъ баталіонъ. Адъютанты скакали безпрестанно, одинъ изъ нихъ прямо къ бригадному командиру Е. А. Головину, съ приказаніемъ отъ корпуснаго Войнова вести баталіонъ. Мы тронулись ротными колоннами; у морского кадетскаго корпуса встрѣтилъ насъ генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій верхомъ, который государемъ посланъ былъ за нашимъ баталіономъ. Насъ остановили на серединѣ Исаакіевскаго моста подлѣ будки, тамъ приказали зарядить ружья; большая часть солдатъ при этомъ перекрестилась. Бывъ увѣренъ въ повиновеніи моихъ стрѣлковъ, вознамѣрился сначала пробиться сквозь карабинерный взводъ, стоявшій впереди меня, и сквозь роту Преображенскаго полка капитана Титова, занявшую всю ширину моста со стороны Сенатской площади.

«Но, какъ только я лично убѣдился, что возстаніе не имѣло начальника, слѣдовательно не могло быть единства въ предпріятіи, и не желая напрасно жертвовать людьми, а также не будучи въ состояніи оставаться въ рядахъ противной стороны,—я рѣшился остановить взводъ мой въ ту минуту, когда графъ Комаровскій и мой бригадный командиръ скомандовали всему баталіону: — впередъ!— взводъ мой единогласно и громко повторилъ: стой! такъ что впереди стоявшій карабинерный взводъ дрогнулъ, заколебался, тронулся не весь, и только личнымъ усиліямъ капитана А. С. Вяткина, не щадившаго ни ругательствъ знаменитыхъ, ни мощныхъ кулаковъ своихъ, удалось подвинуть этотъ первый взводъ. Баталіонный командиръ нашъ, полковникъ А. Н. Тулубьевъ, исчезъ, бывъ отозванъ въ казармы, гдѣ квартировало его семейство. — Дважды возвращался ко мнѣ бригадный командиръ, чтобы сдвинуть мой взводъ, но напрасны были его убѣжденія и угрозы.—Между тѣмъ я остановилъ не одинъ мой стрѣлковый взводъ, за моимъ взводомъ стояли еще три роты, шесть взводовъ; но эти роты не слушались своихъ командировъ, говоря, что впереди командиръ стрѣлковъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Былъ уже второй часъ пополудни; по мѣрѣ увеличенія числа войскъ, для оцѣпленія возмутителей полиція стала смѣлѣе и разогнала народъ съ площади, много народу потянулось на Васильевскій островъ вдоль боковыхъ перилъ Исаакіевскаго моста. Люди рабочіе и разночинцы, шедшіе съ площади, просили меня держаться еще часокъ и увѣряли, что все пойдетъ ладно. Въ это время вмѣстѣ съ отступаю-

щимъ народомъ, командиру нашей 3-й Егерской роты, капитану Д. Н. Бѣлевцову, удалось отвести свою роту назадъ, и перейти съ нею черезъ Неву отъ академіи художествъ къ Англійской набережной, къ углу Сенатской площади; за этотъ открытый и мужественный поступокъ Бѣлевцовъ награжденъ былъ Владимірскимъ крестомъ съ бантомъ; остальныя двѣ роты оставались за моимъ взводомъ. Слишкомъ два часа стоялъ я неподвижно, въ самой мучительной внутренней борьбѣ, выжидая атаки на площади, чтобы поддержать ее тремя съ половиною ротами, или восемью стами солдатъ, готовыхъ слѣдовать за мною повсюду»[1]).

Этимъ безполезнымъ ожиданіемъ Розенъ оказался внѣ театра дѣйствій и нисколько не помогъ возставшимъ, а между тѣмъ жестоко поплатился за свой поступокъ.

Объясняя отчасти этотъ поступокъ, знатокъ эпохи 20-ыхъ годовъ пишетъ: «Розенъ не былъ членомъ тайнаго общества, и воздѣйствію кружка Рылѣева подвергся лишь въ послѣдній мѣсяцъ и въ незначительной степени. Духъ времени и, быть можетъ, твердое сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ толкнули Розена на революціонный путь. Онъ не могъ противиться вѣяніямъ времени. Намъ не нужно искать особыхъ причинъ его участія въ дѣлѣ: онъ былъ *рядовымъ* декабристомъ. И со всѣми другими рядовыми декабристами Розена характеризуетъ половинчатость его чувствъ. У него хватило силы заявить себя революціонеромъ въ день 14-го декабря, но не хватило силъ примѣнить до конца революціонный методъ дѣйствій. Онъ возмутилъ свою часть роты, привелъ на площадь и ограничился тѣмъ, что удержалъ ее на одномъ мѣстѣ, и не осмѣлился двинуть ее на помощь возставшимъ»[2]).

Какъ бы ни было, но дѣйствія Розена надо отнести къ тѣмъ, которыя вызываютъ лишь недоумѣніе, а ими полны событія 14-го декабря.

Напримѣръ тотъ же поступокъ Панова, съ тремя ротами бывшаго во дворѣ Зимняго дворца. Всѣ единодушно признаютъ, какой опасности подвергся бы дворецъ и вся императорская семья въ случаѣ, если бы онъ вздумалъ воспользоваться удобнымъ своимъ положеніемъ и захватить въ свои руки дворецъ. И однако онъ не сдѣлалъ этого!

[1]) Записки декабриста, 63—4 стр.
[2]) Записки декабриста, стр. VI.

I.

Причины возстанія на югѣ.

Возстаніе 14-го декабря въ Петербургѣ подавлено съ непростительной жестокостью, съ несоотвѣтствовавшей сопротивленію силою, характеризовавшею лишь паническій страхъ побѣдителей. Насколько этотъ страхъ былъ преувеличеннымъ, показываетъ намъ тотъ фактъ, что въ теченіе двухъ-трехъ дней почти всѣ виновники возстанія были уже въ рукахъ новаго самодержца, и послѣдній во-очію могъ убѣдиться въ безопасности преступниковъ, посягателей на его власть, онъ могъ увидать, что противъ его личности они ровно ничего не имѣли.

Но декабрьское возстаніе не ограничилось петербургской драмой. Русскому абсолютизму въ то же время было принесено еще очень много жертвъ.

Мы говоримъ о возстаніи на югѣ. Исторія его еще короче, чѣмъ петербургскаго возстанія, а судьба еще печальнѣе.

Нашему читателю уже извѣстно о южномъ тайномъ обществѣ, образовавшемся послѣ закрытія Союза благоденствія, ему извѣстны лица, стоявшія во главѣ этого общества; Пестель, Юшневскій, Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ—всѣмъ извѣстны; извѣстно также различіе между этимъ обществомъ и Сѣвернымъ. Это различіе заключалось въ большей дѣятельности южнаго общества, большемъ энтузіазмѣ и нетерпѣніи его членовъ; наконецъ, въ требованіи большихъ правъ для народа, его представителей, чѣмъ то желали сѣверяне.

Существованіе южнаго общества рано стало извѣстнымъ правительству, а его настроеніе и поведеніе членовъ сильно безпокоило сѣверянъ. Если нужно еще разъ припомнить результатъ сношеній обществъ въ 1824 году, то мы лучше всего увидимъ всю ихъ неудачу изъ интимнаго, братняго письма М. Муравьева къ Сергѣю Ивановичу Муравьеву. М. Муравьевъ находился въ Петербургѣ спеціально затѣмъ, чтобы подвинуть дѣятельность Сѣвернаго общества; туда же пріѣзжали для переговоровъ кн. Волконскій, Давыдовъ и, наконецъ,

Пестель. Подъ вліяніемъ этихъ визитовъ и написано письмо. Оно полно печальной для южанъ критики ихъ дѣятельности и не подаетъ ни малѣйшей надежды на осуществленіе намѣченныхъ плановъ.

3-го декабря 1824 г. Муравьевъ писалъ брату:

«Я былъ крайне непріятно пораженъ, дорогой другъ, тѣмъ, что Вы мнѣ пишете въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ Васъ, а теперь приходится отказаться отъ надежды скоро увидѣть Васъ. Что касается меня, милый другъ, я непремѣнно пріѣхалъ бы. Я бросилъ бы свои купанья. Но мнѣ было строго приказано не ѣздить къ Вамъ. Мой отецъ заставилъ меня дать ему положительное обѣщаніе, что я не поѣду, послѣ того какъ онъ получилъ предостереженіе отъ Николая Назаровича, а Вы знаете, какъ этотъ послѣдній хорошо освѣдомленъ. Правительство теперь постояно на-сторожѣ и если оно не дѣйствуетъ такъ, какъ слѣдовало бы ожидать, то у него есть на то свои причины. Югъ сильно привлекаетъ его вниманіе, оно знаетъ, какой тамъ царитъ духъ, и меня крайне огорчаетъ то, что Вы такъ дѣйствуете, словно прекратились всякія подозрѣнія. Доказательствомъ тому служитъ хотя бы посѣщеніе меня нѣкимъ г-номъ Лореромъ, съ которымъ я былъ едва знакомъ въ Петербургѣ и коего Пестель прислалъ мнѣ Богъ-вѣсть зачѣмъ, какъ стараго знакомаго. Мы еще далеки отъ того момента, когда благоразумно рисковать, а рискъ несвоевременный ведетъ лишь къ тому, что мы теряемъ людей и что дѣло оттягивается до безконечности. Онъ говорилъ мнѣ, что у васъ въ полкахъ назначенъ срокъ въ одинъ годъ. Правду сказать, все это приводитъ меня въ недоумѣніе, и если бы я не зналъ, что одиночество способствуетъ экзальтаціи чувствъ, а это даетъ преимущества нѣкоторымъ молодымъ вертопрахамъ, которые при другихъ обстоятельствахъ были бы только смѣшны, то я считалъ бы васъ всѣхъ сумасшедшими.

«Сей г-нъ Лореръ разсказалъ мнѣ о Вашихъ знакомствахъ или, вѣрнѣе, о Вашемъ знакомствѣ [1]). Онъ сообщилъ мнѣ, что Вы не говорите объ этомъ иначе, какъ со слезами на глазахъ, что съ перваго знакомства Вашъ мнимый другъ сказалъ ему, что вы связаны тѣсной дружбой, что онъ все время летаетъ то туда, то сюда, что служа въ другомъ полку, онъ былъ постоянно вмѣстѣ съ Вами, что, его частыя поѣздки въ Кіевъ совмѣстно въ Вами были причиной того, что Вамъ запретили туда ѣздить и т. д. и т. д.

«Вы знаете мои принципы, знаете, что, согласно моимъ воззрѣніямъ, нѣтъ такого чувства, которое требовало бы большей деликатности, чѣмъ дружба, которое при этомъ такъ исключало бы даже тѣнь тщеславія. Впрочемъ, Вы могли убѣдиться, что я, съ довольно-таки большимъ

[1]) Подразумѣвается М. Бестужевъ-Рюминъ.

постоянствомъ порицаю Вашъ образъ дѣйствія. Если бы дѣло не касалось спокойствія Вашего, а слѣдовательно и моего собственнаго, я бы махнулъ на все это рукой, и это мнѣ въ сущности не трудно сдѣлать. Я предоставилъ бы времени разорвать ту завѣсу, которая опутала Вашъ разсудокъ со времени слишкомъ извѣстныхъ контрактовъ 1823 года. Но не забудьте, что если Вы не будете постоянно принимать мѣры,—дѣла не останутся въ такомъ положеніи и горе Вамъ, если правительство этимъ воспользуется; все это такъ шито бѣлыми нитками, что ему было бы легко опутать Васъ Вашими же сѣтями. Я не сержусь на Васъ, не пеняю на Васъ, мой дорогой Сережа, хотя былъ бы въ правѣ расчитывать на большее довѣріе къ себѣ съ Вашей стороны. Приписывая мнѣ такія качества, которыхъ у меня вовсе нѣтъ, Вы отказываете мнѣ въ томъ, на которое я только и претендую. Я имѣлъ сильную склонность къ преждевременной зрѣлости ума—всѣ разнообразныя событія, коихъ я былъ жертвой, послужили мнѣ въ прокъ, давъ мнѣ нѣкоторое значеніе людей,—поэтому-то я искренно благодарю Бога за то, что Онъ соизволилъ испытать меня; когда же я вспоминаю, что я отчасти виновенъ во всемъ происшедшемъ, то испытываю такія душевныя муки, которыя невозможно передать. Дай Богъ, чтобы событія не оправдали моихъ словъ! Зачѣмъ Вы посѣтили Вадковскаго?

«Пользуясь настоящей вѣрной оказіей, чтобы высказать намъ свою profession de foi. Я вполнѣ убѣжденъ, что пока ничего нельзя сдѣлать, ничего не сдѣлать и въ Петербургѣ для оправданія нашихъ друзей. Скажу болѣе: самый опытъ показываетъ, что тутъ ничего не подѣлаешь.

«Визиты, которые тамъ были сдѣланы, породили разладъ—иначе и быть не могло, съ одной стороны выражали чувства, съ другой—высказывали предположенія насчетъ вѣроятностей, а это послѣднее вышло очень ужъ холодно [1]).

«Къ чести тамошнихъ я долженъ сказать, что они съ уваженіемъ отзываются о васъ, чего съ вашей стороны я не вижу. И все это дѣлается изъ ничтожнаго тщеславія, ради того, чтобы тономъ учителя навязать писанныя гипотезы [2]), которыя одному лишь Богу извѣстно, примѣнимы онѣ или нѣтъ. Раздѣлъ земель, даже какъ гипотеза, встрѣчаетъ сильную оппозицію. И я спрашиваю Васъ, дорогой другъ, скажите по совѣсти: возможно ли привести въ движеніе такими машинами столь великую инертную массу? Нашъ образъ дѣйствія, по моему мнѣнію, порожденъ полнымъ ослѣпленіемъ; не забывайте, что образъ дѣйствія правительства отличается гораздо большей

---

[1]) Намекъ на поѣздку южныхъ членовъ общества кн. С. Г. Волконскаго и В. Л. Давыдова съ предложеніемъ соединенныхъ дѣйствій.

[2]) Подразумѣвается Пестель и его «Русская Правда».

положительностью. У великихъ князей въ рукахъ дивизіи и они имѣли достаточно мудрости, чтобы создать себѣ креатуръ. Я не говорю о ихъ братѣ, у котораго больше сторонниковъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Эти господа дарятъ участки земли, деньги, чины... а мы что дѣлаемъ? Мы сулимъ отвлеченности, обѣщаемъ дать государственныхъ дѣятелей изъ прапорщиковъ, которые даже не умѣютъ себя вѣсти. А между тѣмъ плохая дѣйствительность въ данномъ случаѣ предпочтительнѣе, чѣмъ блестящая неизвѣстность. Допустимъ даже, что намъ легко будетъ пустить въ дѣло сѣкиру революціи; но поручитесь ли Вы въ томъ, что съумѣете ее остановить? Армія первая измѣнитъ нашему дѣлу. Приведите мнѣ хотя бы одинъ фактъ, который бы, не скажу, доказывалъ, а лишь позволилъ бы предполагать противное. Нашелся ли хотя бы одинъ офицеръ Семеновскаго полка, который подвергъ себя разстрѣлянію? Вы меня спросите, зачѣмъ имъ подвергать себя этому, но дѣло идетъ не о той пользѣ, которую это принесло бы, а о стремленіи къ другому порядку вещей. Признаюсь, я еще болѣе недоволенъ Вашими переговорами съ поляками. Вы съ ними въ такихъ отношеніяхъ, которыхъ никогда не слѣдовало допускать, судя по тому, что Вы мнѣ говорили. Вы неосмотрительно прибѣгли къ фактору, который неминуемо долженъ былъ создать такое панибратство. Я первый буду противиться тому, чтобы Польша разыграла въ кости судьбу моей родины.

«Наши силы—чисто внѣшнія, у Васъ нѣтъ ничего надежнаго. Намъ нечего спѣшить и въ данномъ случаѣ я не понимаю, какъ можно произносить это слово.

«Чтобы построить большое зданіе, нуженъ прочный фундаментъ, а о немъ-то менѣе всего думаютъ у насъ. Будетъ ли намъ дано пожать плоды нашей дѣятельности—это въ руцѣ Провидѣнія; мы же должны исполнять свой долгъ—не болѣе. Разумѣется, не слѣдуетъ творить ребячества, не слѣдуетъ принимать армейскихъ офицеровъ, пока ни къ чему не пригодныхъ; вотъ когда придетъ время пустить ихъ въ дѣло, тогда нужно повелительно двинуть ихъ впередъ, не спрашивая, угодно это имъ, или нѣтъ.

«Г. Лореръ сказалъ мнѣ также, что Юшневскій принялъ за принципъ проучить молодыхъ людей, чтобы они не кричали въ комнатахъ, а на улицахъ, на площадяхъ. Уговорите его пустить себѣ кровь, онъ боленъ, увѣряю Васъ; по крайней мѣрѣ реагируйте энергично противъ него ради безопасности тѣхъ несчастныхъ, коихъ можетъ безъ нужды сдѣлать таковыми этотъ господинъ. Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что царь въ восторгѣ отъ пріема, оказаннаго ему въ тѣхъ губерніяхъ, которыя онъ недавно посѣтилъ.

«На большой дорогѣ народъ бросался подъ колеса его коляски; ему приходилось останавливаться, чтобы дать время помѣшать такимъ

проявленіямъ восторга. Эти будущіе республиканцы всюду выражали свою любовь и не подумайте, что это было подстроено. Исправники не принимали въ этомъ участія и не знали, что предпринять. Я знаю это отъ вполнѣ надежнаго лица, другъ котораго участвовалъ въ этой поздкѣ.

«Я былъ на маневрахъ гвардіи; полки, которые подвергались такимъ измѣненіямъ, не подаютъ большихъ надеждъ. Даже солдаты не такъ недовольны, какъ мы думали. Исторія нашего полка совершенно забыта.

«Проѣзжая черезъ Москву, я видѣлъ двухъ лицъ[1]), которыя сказали мнѣ, что еще ничего не сдѣлано, да и дѣлать нечего — благоразумнаго, разумѣется. Вотъ, милый другъ, что я хочу Вамъ сообщить при свиданіи, которое, я надѣялся, должно было вскорѣ состояться. Не удивляйтесь перемѣнѣ, происшедшей во мнѣ, вспомните, что время—великій учитель».

Это письмо очень характерно и интересно. Оно рисуетъ намъ взгляды и мысли членовъ тайныхъ обществъ конца царствованія Александра I; оно чрезвычайно ясно передаетъ намъ положеніе дѣлъ, задуманныхъ обществами, ту печальную дѣйствительность, которая должна была отрезвляюще подѣйствовать на тѣхъ, у кого «въ полкахъ назначенъ срокъ въ одинъ годъ» для начатія «рѣшительныхъ» дѣйствій. Въ томъ отношеніи оно не оставляло ни малѣйшей надежды; напротивъ, говорило заговорщикамъ, что абсолютизмъ имѣетъ за собой огромную силу; что самодержавіе еще имѣетъ подъ собой твердое основаніе; что, наконецъ, идеи народнаго правленія совсѣмъ неизвѣстны въ массѣ населенія.

Правда, у вѣроисповѣданныхъ не было «историческихъ примѣровъ» западнаго образца, но у нихъ есть примѣръ пугачевщины; послѣдняя еще не совсѣмъ забыта, но она никоимъ образомъ не можетъ входить въ планы декабристовъ; напротивъ, она могла лишь оттолкнуть, задержать какое угодно стремленіе.

Кто знаетъ, насколько времени все это взятое вмѣстѣ могло отодвинуть исполненіе давнихъ стремленій,—во всякомъ случаѣ не на одинъ и не на два года. Это могло бы быть, если бы не подвернулись совершенно неожиданныя обстоятельства.

Такимъ обстоятельствомъ для Сѣвера была вторичная присяга на протяженіи двухъ недѣль, другими словами нѣкоторое замѣшательство въ престолонаслѣдіи.

Для Юга междуцарствіе прямой роли не играло; толчкомъ къ возстанію тамъ была рѣзкая перемѣна правительства къ тайнымъ обществамъ.

---

[1]) Вѣроятно, Якушкина, одного изъ Фонъ-Визиныхъ или И. Пущина.

Правительство Александра I знало и даже одно время поощряло масонскія *тайныя* ложи; отношеніе къ нимъ самого императора было таково, что члены тайнаго политическаго общества помышляли о своемъ открытіи Александру; но этого не случилось и, вѣроятно, къ лучшему, такъ какъ очень скоро, а именно въ 1822 году даже масонскія ложи были запрещены; къ этому времени окончательно выяснился поворотный курсъ Александрова царствованія; онъ не замедлилъ отразиться и на политическомъ обществѣ, давно извѣстномъ Александру и оставленномъ имъ въ покоѣ «стыда ради европейскаго». Система Миттерниха освобождала и отъ этого препятствія и уже въ послѣдніе дни своей жизни Александръ повелѣлъ произвести обыски и аресты среди членовъ тайныхъ обществъ.

Первоначально напали на слѣдъ Южнаго общества по проискамъ и сыскамъ Шервуда и доносу Майбороды[1]). На Югѣ и начались первые аресты. Первымъ былъ Пестель.

Пестель уже подготовлялся къ этому событію.

Совершенно сторонніе факты навели его на подозрѣнія нависавшихъ несчастій. Пріѣздъ въ ноябрѣ фельдъегеря въ Тульчинъ съ извѣстіемъ о болѣзни императора, пасмурное настроеніе главнокомандующаго казались подозрительными Пестелю по отношенію къ безопасности тайнаго общества и его членовъ. Онъ сталъ готовиться къ розыску, уничтожать лишнія бумаги и прятать наиболѣе компрометирующія.

На вопросъ слѣдственной комиссіи, что побудило Пестеля спрятать бумаги задолго до ареста, послѣдній въ показаніяхъ отъ 6-го апрѣля говорилъ: «Бумаги мои скрылъ я не въ половинѣ ноября, но по возвращеніи Крюкова отъ Муравьева. Причины же слѣдующія. Послѣ сношенія съ Бошнякомъ находились мы въ безпрестанномъ опасеніи. Въ послѣднихъ числахъ ноября пріѣхалъ въ Тульчинъ фельдъегерь изъ Таганрога и вскорѣ же потомъ поѣхалъ начальникъ главнаго штаба къ г. Главнокомандующему навстрѣчу, не дождавшись его прибытія, а потомъ поѣхалъ далѣе, но тогда не было извѣстно куда. Князь Барятинскій спрашивалъ у его сына Александра, что не война ли съ турками? Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, нѣчто гораздо важнѣе. Изъ совокупности всѣхъ сихъ обстоятельствъ, получилъ кн. Барятинскій столь сильное подозрѣніе, что Крюковъ 2-й и отправился ко мнѣ съ сими извѣстіями, а отъ меня поѣхалъ къ Муравьеву, чтобы ему сообщить оныя, и узнать отъ него, не имѣютъ ли они и съ своей стороны какихъ-либо свѣдѣній. На возвратномъ его пути вручилъ я ему мои бумаги. Послѣ уже узнали, что сей фельдъегерь привозилъ извѣстіе о болѣзни государя Императора».

[1]) См. Междуцарствіе и возстаніе 1825 года, часть I. М. 1890 г.

Бумаги, о которыхъ упоминаетъ Пестель, заключали въ себѣ главнымъ образомъ Русскую Правду; наиболѣе опасныя ея главы — о верховномъ управленіи — Пестель сжегъ, а остальныя вмѣстѣ съ бумагами князя А. П. Барятинскаго и П. А. Крюкова 2-го, были зарыты въ землю братьями Бобрищевыми-Пушкиными, при участіи Заикина, недалеко отъ Тульчина въ селѣ Кирнавовкѣ.

Опасенія Пестеля были основательны и оправдались слишкомъ реально.

На основаніи доноса капитана Вятскаго полка, Майбороды, принятаго въ члены тайнаго общества самимъ Пестелемъ, послѣдній былъ арестованъ 13 декабря 1825 года, въ то самое время, когда въ Петербургѣ было рѣшено поднять на завтра возстаніе въ полкахъ гвардіи.

Аресту этому предшествовала слѣдующая переписка между Таганрогомъ и Варшавою, т.-е. Дибичемъ и вел. кн. Константиномъ.

Цесаревичъ отъ 1-го декабря *секретно* писалъ:

«Баронъ И. И. Я получилъ письмо в. пр—ва отъ 23-го минувшаго ноября съ фельдъегеремъ Кузьминымъ. Принося вамъ благодарность за довѣренность ко мнѣ вашу извѣщеніемъ объ открывающемся злонамѣренномъ тайномъ обществѣ, я полагаю, если угодно будетъ вамъ принять въ семъ случаѣ мой совѣтъ, что не токмо къ открытію сего зла, но и къ совершенному онаго искорененію необходимо слѣдуетъ не останавливаясь употребить со всею дѣятельностію рѣшительныя мѣры. Тѣ же самыя мѣры, по мнѣнію моему, надлежитъ принять и въ разсужденіи полковника *Пестеля*, на котораго падаетъ подозрѣніе въ участіи по сему обстоятельству, и в. пр—во, какъ начальникъ Главнаго Штаба е. и. в., по высочайше предоставленной сему званію власти, можетъ дѣйствовать со всею требуемою въ такихъ случаяхъ рѣшительностію и принимать соотвѣтственныя важности обстоятельствъ мѣры, заставляя каждаго, отъ кого зависѣть будетъ, исполнить все то, что требуетъ долгъ всякаго, по возложенной на него обязанности.

Сіи мысли излагаю вамъ единственно по тому уваженію, что в. пр—во извѣстили меня о такомъ предметѣ, на который по важности дѣла надлежитъ обратить особенное вниманіе, а также по преданности моей къ покойному г. им—ру, ибо поставлялъ всегда священною обязанностію изъяснять е. и. в. благодѣтелю моему со всею искренностію мысли мои во всякихъ подобныхъ случаяхъ».

Въ отвѣтъ на это письмо Дибичъ 8-го декабря писалъ, что еще не могъ предпринять «рѣшительности», такъ какъ не получалъ никакихъ свѣдѣній отъ полковника Николаева.

«Что касается дѣла *Вадковскаго* и *Пестеля*, — писалъ онъ — то я не имѣю еще извѣстій отъ полковника Николаева, посланнаго съ цѣлью

перехватить корреспонденцію перваго изъ нихъ и арестовать самого виновнаго, если обстоятельства потребуютъ того; я послалъ также генерала Чернышева арестовать Пестеля, захвативъ и его бумаги, и поручилъ ему посовѣтоваться съ графомъ Витгенштейномъ о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять, если онъ откроетъ еще виновныхъ.

Осмѣлюсь въ то же время высказать в. и. в. мое мнѣніе о томъ, что это общество не имѣетъ еще повидимому никакого вліянія на войско, которое во всѣхъ случаяхъ выказываетъ самое лучшее настроеніе, но что повидимому цѣль этого общества именно клонится къ тому, чтобы совратить тайнымъ образомъ этотъ духъ и увеличить число недовольныхъ, чѣмъ оно могло бы воспользоваться; поэтому я нахожу, что слѣдуетъ положить конецъ этому ужасному заговору. *И. Дибичъ*».

Письмо это было получено въ Варшавѣ лишь 15-го декабря, а между тѣмъ 11-го числа Дибичъ получилъ извѣстіе отъ Николаева, которое не останавливало больше въ «рѣшительности» и заставило принять немедленное рѣшеніе, о которомъ давно уже совѣтовалъ Константинъ Павловичъ. Не дожидаясь «положительныхъ приказаній» свыше, Дибичъ 11-го декабря писалъ великому князю, представляя свой планъ дѣйствій.

«Всемилостивѣйшій государь, считаю долгомъ немедленно сообщить вамъ продолженіе донесеній полковника гвардейскаго казачьяго полка *Николаева*.

В. И. В. увидите отчетъ о его дѣйствіяхъ изъ прилагаемой при семъ выписки, писанной рукою самого полковника Николаева.

Преступленіе прапорщика *Вадковскаго*, доказанное его собственнымъ письмомъ къ полковнику *Пестелю*, вынуждаетъ по моему мнѣнію принять немедленное рѣшеніе, поэтому я послалъ вчера полковника Николаева въ Курскъ съ тѣмъ, чтобы немедленно арестовать Вадковскаго, захватить его бумаги и отправить его съ надежнымъ фельдъегеремъ въ Шлиссельбургъ; бумаги же его, которыя мы надѣемся отыскать въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ихъ прячетъ, доставить мнѣ. Я принялъ мѣры предосторожности къ тому, чтобы въ обществѣ думали, что Вадковскаго арестуютъ лишь за неосторожныя рѣчи и что его отправляютъ въ Архангельскъ.

Такъ какъ мѣры, принятыя противъ полковника Пестеля, не могутъ долго оставаться тайною, то я не смѣлъ откладывать арестъ Вадковскаго тѣмъ болѣе, что въ его письмѣ находится довольно данныхъ для того, чтобы энергично прослѣдить нить этого заговора, и я надѣюсь, что бумаги Вадковскаго доставятъ намъ еще новыя свѣдѣнія.

Съ этимъ же фельдъегеремъ я сообщаю эти извѣстія и генералу Чернышеву, чтобы онъ могъ воспользоваться ими въ дѣлѣ Пестеля;

ЖИЗНЬ ДЕКАБРИСТОВЪ ВЪ СИБИРИ.

ИЗЪ СОБРАНІЙ М. М. ЗЕНЗИНОВА.

Худож. фототипія К. А. Фишеръ.

въ то же время я скажу ему, чтобы онъ донесъ в. в. въ томъ случаѣ, если онъ узнаетъ что-нибудь важное, но тѣмъ не менѣе продолжалъ бы, въ силу рескрипта, даннаго 26-го ноября, посылать свои доклады на высочайшее имя въ собственныя руки въ Петербургъ; то же самое сдѣлаю я и съ своей стороны, пославъ сегодня же оффиціальное донесеніе» [1]).

Итакъ, южное общество открыто и правительство междуцарствія рѣшило его уничтожить: ибо, что для Александра I было вопросомъ совѣсти и личнаго самолюбія, послѣ его смерти это не могло удерживать никого. Если уже онъ рѣшался начать преслѣдованіе, то его преемники могли идти съ увѣренностью и спокойствіемъ.

Пестель велъ себя слишкомъ открыто, чтобы на слѣдъ его дѣятельности нельзя было напасть; напротивъ, онъ первый былъ извѣстенъ правительству и первый былъ арестованъ. Его арестъ, сказали мы, совпалъ съ рѣшительнымъ выступленіемъ Сѣвернаго общества.

Это совпаденіе обстоятельствъ весьма важно и интересно.

Оно важно, какъ показатель, насколько разошлись рѣшенія и планы двухъ тайныхъ обществъ. Еще такъ недавно, когда южане настаивали на рѣшительномъ выступленіи,—сѣверяне отклонили какое бы то ни было рѣшеніе по этому поводу, находя выступленіе преждевременнымъ. Теперь на сѣверѣ поднято возстаніе, а на югѣ безпрепятственно арестовываютъ главу южнаго общества.

Насколько Пестель былъ далекъ отъ мысли какого-либо возстанія, это показываетъ намъ его поведеніе во время ареста. Онъ, полковой командиръ, начальникъ нѣсколькихъ тысячъ вооруженныхъ солдатъ, привязанныхъ къ своему начальнику и подготовленныхъ къ возможности возмущенія,—онъ спокойно переноситъ арестъ, рѣшивши лишь никого не выдавать. Такъ, по крайней мѣрѣ, ясно изъ его словъ, которыми онъ успѣлъ обмѣняться съ княземъ Волконскимъ уже подъ арестомъ.

— Prenez courage—сказалъ ему Волконскій.

— Je n'en manque pas, ne vous inguiétez pas—отвѣчалъ ему Пестель.

Здѣсь нѣтъ и намека на мысль о возстаніи, воспользоваться своимъ вліяніемъ среди членовъ общества и среди своего полка среди солдатъ; нѣтъ и мысли о побѣгѣ, который при желаніи вѣроятно удалось бы устроить.

Это поведеніе не означаетъ еще, что глава южнаго общества, тотъ, кто больше всего сѣтовалъ на сѣверянъ на ихъ бездѣятельность, кто больше всего настаивалъ на выступленіи, что онъ въ са-

---

[1]) Получено въ Варшавѣ 17-го декабря 1825 г. Отвѣтствовано 18-го декабря.

мый удобный, казалось, случай отказался отъ выступленій; этого нѣтъ; это лишь показываетъ, что Пестель рѣшилъ, что еще не время для возстанія.

Еще такъ недавно онъ соглашался на необходимость бунта, еще въ началѣ декабря, при свиданіи съ кн. Волконскимъ и Давыдовымъ, онъ «разсуждалъ о причинахъ, могущихъ послѣдовать, необходимости къ скорому начатію дѣйствія». Эти «причины» сводились, по словамъ Пестеля, во-первыхъ, къ какому-нибудь смятенію, а во-вторыхъ, къ *собственной оборонѣ*, если бы дѣйствительно общество было бы открыто и гдѣ-нибудь началось бы дѣйствіе. «Ибо, писалъ въ своихъ показаніяхъ Пестель, мы продолжали опасаться открытія особенно по словамъ Башняка, который сообщилъ слышанное имъ отъ графа Витте, что правительству извѣстно Бѣлоцерковское предположеніе. Разсуждали мы также притомъ и о томъ, что ежели обстоятельства насъ не вынудятъ начать дѣйствія, то мы будемъ продолжать истинно удобнаго времени дожидаться, дабы не иначе начинать, какъ вмѣстѣ съ Петербургомъ и при объявленіи чрезъ сенатъ новаго правленія. На сей конецъ и сказалъ я имъ, что надо снестись съ Сергѣемъ Муравьевымъ, дабы по случаю тогдашнихъ обстоятельствъ онъ не началъ быть неостороженъ».

Поведеніе Васильковской управы дѣйствительно могло подать поводъ къ такимъ опасеніямъ. Отъ нея были получены письма, одно отъ Бестужева-Рюмина; другое—отъ Сергѣя Муравьева, третье—отъ Матвѣя Муравьева. «Они всѣ трое писали, говоритъ Пестель—отвѣтъ на сообщенное чрезъ Крюкова опасеніе объ открытіи общества и изъясняли, что готовы дѣйствія начать, если общество открыто. Бестужевъ сверхъ того писалъ, что будетъ ко мнѣ передъ контрактами; Сергѣй Муравьевъ писалъ, что имъ только двѣ недѣли нужны, дабы значительныя силы собрать. Матвѣй Муравьевъ въ томъ же смыслѣ отзывался. Крюковъ говорилъ, что ежели судить по словамъ Бестужева и Муравьевыхъ, то они должны быть очень сильны [1]).

Въ упомянутомъ совѣщаніи одна изъ главныхъ ролей была дана Вятскому полку, командиромъ котораго былъ Пестель. Тѣмъ не менѣе «пріѣхалъ назадъ въ Линцы отъ князя Волконскаго, — пишетъ Пестель—не сталъ я однако же никакихъ мѣръ принимать по полку для упомянутой цѣли», несмотря даже на то, что черезъ два дня получено было повелѣніе присягать царевичу.

Объясняя это свое поведеніе, Пестель въ показаніи писалъ: «къ сему прошу позволеніе прибавить, что когда отъ разговора съ другими членами,—какъ въ семъ случаѣ съ Крюковымъ особенно послѣ возвращенія его изъ Василькова,—мнѣ живо представилась опасность

---

[1]) Показанія Пестеля на слѣдствіи.

наша и необходимость дѣйствовать, когда воспламенить и оказывать готовность при необходимости обстоятельствъ начать возмущеніе и въ семъ смыслѣ говорилъ. Но послѣ того, обдумывая хладнокровнѣе, рѣшался я лучше собою жертвовать, нежели междоусобіе начать, какъ то и сдѣлалъ, когда въ главную квартиру вызванъ былъ. А посему я и не предпринималъ никакихъ дѣйствій къ приготовленію по полку. Сіе есть совершеннѣйшая истина» [1]).

Изъ этихъ словъ мы не видимъ, чтобы Пестель желалъ поднять возстаніе. Если нужно, онъ перенесетъ пытку, смерть, но не выдастъ своихъ товарищей, не воспользуется своимъ вліяніемъ для междоусобицы.

Однако не всѣ члены южнаго общества послѣдовали его примѣру. Управы, какъ мы видѣли, и раньше внушали опасеніе своей пылкостью, своей поспѣшностью. Но раньше ихъ можно было уговорить, раньше у нихъ не было прямого толчка къ возстанію; но едва начались аресты въ ихъ средѣ, едва появился удобный къ тому случай— они немедленно воспользовались ими и выкинули знамя возстанія.

Поводомъ этимъ былъ арестъ Сергѣя Муравьева-Апостола, директора Васильковской Управы, наиболѣе пламеннаго, наиболѣе талантливаго и дѣятельнаго члена общества.

II.

Арестъ и сопротивленіе.

25-го декабря 1825 года, по случаю полкового праздника, полковой командиръ черниговскаго полка пригласилъ къ себѣ офицеровъ на вечеръ. Полковымъ командиромъ былъ подполковникъ Гебель, назначенный въ полкъ, чтобы *подтянуть* его, такъ какъ полкъ считался распущеннымъ. За свое чрезмѣрное усердіе онъ пріобрѣлъ отъ всѣхъ подчиненныхъ раздраженіе и ненависть. Однако Муравьевъ, дѣятельно готовясь къ возстанію, просиживалъ у Гебеля часто за полночь и старался его склонить къ своимъ «замысламъ»; но Гебель, «не любя толковать о дѣлахъ государственныхъ, особенно съ подчиненными, отклонялъ эти разговоры».

Если Гебель не сталъ союзникомъ Муравьева, не любя политику, то онъ сталъ ему помощникомъ, не имѣя возможности противопоставить популярности Муравьева среди солдатъ и офицеровъ ни авторитета своей власти, ни преданности подчиненныхъ: онъ не могъ удержать полка, когда его поднялъ Муравьевъ. А между тѣмъ приближалось время междуцарствія, волненій и арестовъ. Послѣдніе не замедлили начаться и въ черниговскомъ полку.

Въ разгаръ бала у полкового командира вдругъ появляются фигуры жандармскихъ офицеровъ Спанова и Несмѣянова съ десяткомъ

[1]) Показанія 20 апрѣля. См. Былое 1906 г. апрѣль 274—5 стр.

жандармовъ. Это появленіе не предвѣщало ничего добраго и перепугало всѣхъ гостей, а больше всего самого хозяина.

Первый вопросъ Несмѣянова былъ :«Гдѣ Муравьевъ?»

— Я отпустилъ его въ Москву,—отвѣчалъ Гебель.

— Онъ не въ Москвѣ, а ѣздитъ по расположенію дивизіи и бунтуетъ. Поѣдемте вмѣстѣ его арестовать. Вотъ предписаніе фельдмаршала.

Послѣ этого разговора Гебель съ жандармами отправился на квартиру Муравьева.

П. И. Сухиновъ, бывшій офицеръ черниговскаго полка, но въ это время перешедшій въ александрійскій гусарскій полкъ, оставался еще въ Васильковѣ; узнавши о цѣли пріѣзда жандармовъ, онъ бросился на квартиру С. Муравьева-Апостола, гдѣ засталъ уже Бестужева-Рюмина, съ которымъ они успѣли скрыть нѣкоторыя бумаги. Сухиновъ далъ свою подорожную Бестужеву, чтобы онъ предупредилъ объ этомъ Сергѣя Ивановича [1]).

Между тѣмъ, братья Муравьевы пріѣхали черезъ Бердичевъ въ Трилѣсье, мѣсто стоянки 5-й мушкатерской роты 2-го баталіона, и остановились на квартирѣ у ротнаго командира ея, Кузьмина. Въ это время прискакалъ Бестужевъ-Рюминъ съ извѣстіемъ, что жандармы захватили его бумаги, что они ждутъ ихъ въ Васильковѣ, чтобы арестовать, что Бердичевъ оцѣпленъ войсками.

Въ ту же ночь (25-го декабря) подполковникъ Гебель съ жандармами ѣхалъ въ Житоміръ. Прибывъ въ квартиру корпуснаго командира, онъ узналъ, что, пообѣдавши у Рота, Муравьевы отправились въ полковую квартиру. Здѣсь же они узнали, что братья Муравьевы квартировали въ трактирѣ Добровольскаго и наняли фурманъ до сел. Тростянца. Подполковникъ Гебель, взявъ жандармскаго офицера 3-го корпуса, капитана Ланга, поѣхалъ за ними вслѣдъ; заѣзжалъ по дорогѣ къ помѣщику, который сказалъ ему, что Муравьевы отправились въ Любаръ, въ Любарѣ отъ Артамона Захарьевича они узнали, что Муравьевы были у него не болѣе двухъ часовъ. По свѣдѣніямъ, добытымъ отъ евреевъ, они отправились въ Бердичевъ, но, потерявши слѣды, поѣхали по дорогѣ въ Трилѣсье. Въ ночь съ 28-го на 29-е декабря они подъѣхали къ ротной квартирѣ и увидѣли денщика, ставившаго самоваръ. Гебель спросилъ: «здѣсь подполковникъ Муравьевъ?» Денщикъ торопливо отворилъ дверь и проговорилъ: «здѣсь, пожалуйте!» [2]).

---

[1]) Онъ выѣхалъ съ Бестужевымъ-Рюминымъ въ Житоміръ просить отпускъ для Бестужева.

[2]) «Долго потомъ сказывалъ онъ мнѣ,—пишетъ его сынъ—что ложный стыдъ заставилъ его пойти на вѣрную опасность. Торопливость денщика много сдѣлала. Иначе можно было собрать команду и, окруживъ избу, взять Муравьева».

Гебель вошелъ въ избу.

Въ избѣ были: Муравьевъ, братъ его, гусаръ Сухиновъ и еще кто-то.

Обратившись къ Муравьеву, Гебель показалъ ему предписаніе фельдмаршала и сказалъ, что его арестуетъ.

Муравьевъ прочелъ и отвѣтилъ: «Что-жъ, Густавъ Ивановичъ, я готовъ исполнить волю фельдмаршала; вотъ моя шпага».

«Отецъ, продожалъ Гебель, послалъ по деревнѣ собрать караулъ, а между тѣмъ разставилъ при дверяхъ жандармовъ съ саблями наголо. Но жандармы такъ были измучены, проскакавъ на перекладныхъ изъ Москвы въ Васильковъ, и потомъ отыскивая Муравьева, что стоя спали.

Гебель, переходя отъ одной двери къ другой, подталкивалъ ихъ и будилъ. Потомъ сталъ искать, нѣтъ ли задняго выхода изъ дому, чтобъ уйти незамѣченному. Но другого выхода не оказалось. Въ послѣдней комнатѣ онъ нашелъ брата Муравьева (младшаго), лежавшаго на диванѣ, и при немъ на столѣ пару пистолетовъ. Отецъ осмотрѣлъ ихъ—они были заряжены—и скинулъ съ полки порохъ.

— «Зачѣмъ вы это дѣлаете?» спросилъ Муравьевъ.

— «Затѣмъ, что въ комнатѣ не къ чему имѣть заряженные пистолеты».

Послѣ того онъ возвратился въ первую комнату. На дворъ пришелъ уже караулъ.

Въ это время подъѣхало нѣсколько повозокъ съ офицерами. Всѣ они пріѣхали прямо съ бала на выручку Муравьева. Офицеры бросились къ караулу (гдѣ ружья были составлены въ козлы), захватили ружья, безъ сопротивленія солдатъ, которые большей частью были рекруты. Вбѣжавъ въ комнату, они обратились съ ругательствами къ отцу: «Ты извергъ, ты хочешь погубить Муравьева! Одно изъ двухъ: или иди съ нами, или смерть тебѣ!» Между тѣмъ жандармы, предводительствуемые своимъ храбрымъ поручикомъ, дали тягу» [1]).

По словамъ другихъ въ это время вернулась пятая Мушкатерская рота изъ Василькова, куда она ходила присягать. Съ нею вмѣстѣ явились всѣ ротные командиры 2-го баталіона, бывшаго подъ командою С. Муравьева-Апостола, и считавшагося образцовымъ во всемъ 36-мъ корпусѣ. Офицеры и солдаты были готовы за своего командира рѣшиться на все. А тутъ они видятъ, что онъ почему-то арестованъ; къ этому присоединилось грубое обращеніе съ прибывшими и безъ того нелюбимаго полкового командира, Гебеля.

«Отецъ, продолжаетъ Гебель, въ отвѣтъ на угрозу, выхватилъ шпагу изъ ноженъ, и завязалась драка... Но бой былъ слишкомъ не-

---

[1]) Разсказы Гебеля. См. Рус. Стар.

равенъ. Отецъ получилъ 14 ранъ и одну изъ нихъ штыкомъ въ грудь подъ плечомъ; стволомъ переломили ему правую руку и курками пробили голову въ 4-хъ мѣстахъ».

Оффиціальныя данныя рисуютъ положеніе дѣлъ слѣдующимъ образомъ: «Войдя въ комнату, Гебель и жандармы, нашли одного подп. Муравьева, одѣтаго во всей формѣ, а ротнаго командира не было. Первое привѣтствіе: «Здравствуйте, что вы здѣсь дѣлаете?»

Отвѣтъ: «Здравствуйте, а вы что?»

— «Гдѣ вашъ братъ?»

— «Не знаю». Удивленный таковою встрѣчею, полковникъ вышелъ и, велѣлъ нарядить караулъ, поставилъ двухъ часовыхъ у дверей и четырехъ кругомъ дома, а самъ, войдя въ середину и увидѣвъ, что п. Муравьевъ вышелъ изъ каморки въ первую комнату, пошелъ туда, гдѣ нашелъ его брата, лежащаго на постели, и возлѣ него два заряженные пистолета; взявъ сейчасъ тѣ пистолеты, разрядилъ ихъ и объявилъ п. Муравьеву, что онъ по высочайшему повелѣнію арестуется,—на что онъ отвѣчалъ:—«Ну и что-жъ?»

Въ то самое врлмя вошли три ротные командира 2-го баталіона и, чуть поклонившись полковнику, приступили къ Муравьеву, поздоровавшись съ нимъ пожатіемъ рукъ; а когда ихъ полковникъ спросилъ, зачѣмъ они отъ своихъ мѣстъ сюда прибыли, отвѣчали, что по нужнымъ дѣламъ,—входили въ каморку, что-то тихо переговаривали и вышли въ сѣни. Полковникъ, желая удоствѣриться, есть ли караулъ и что все сіе значитъ, вышелъ въ сѣнцы и, увидя пять или шесть офицеровъ въ кухнѣ, что-то переговаривающихъ, входитъ и говоритъ имъ: «Господа, что все сіе значитъ?»

Они отвѣчаютъ: «Это значитъ, что вы подлецъ; вы нашего подполковника хотѣли погубить». И тутъ сейчасъ схватили его, а когда онъ оборонялся, то, схвативъ у часовыхъ ружья, нанесли ему штыкомъ удары въ грудь, въ руки и въ голову, а одинъ прикладомъ переломилъ ему правую руку (всѣхъ имѣетъ семь ранъ). Часовые или оробѣли отъ ужаса, или были въ заговорѣ, только изъ нижнихъ чиновъ никто не участвовалъ.

Въ томъ смятеніи полковникъ Гебель, не чувствуя ранъ, оборонялся отъ нападенія; а самый безпорядокъ и тѣснота мѣста (ибо еще присоединились и другіе офицеры и оба Муравьевы) не дозволили задать глубокихъ ранъ, а растворенная дверь дала ему средство выбѣжать на дворъ, побѣжать къ корчмѣ и, найдя около оной какую-то подводу, свалился на нее, и лошади сами помчались къ эконому на дворъ (это были его лошади).

Освобожденіе Муравьева всѣ встрѣтили громовымъ «ура!» и Муравьевъ всѣмъ происшедшимъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе; путь къ отступленію былъ отрѣзанъ, ему надо было дѣй-

ствовать. Вотъ какъ мотивируетъ развившіяся послѣ этого дѣйствія братъ Сергѣя Ивановича Матвѣй въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Участвовавшій въ походахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, Сергѣй Ивановичъ былъ достаточно свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ, чтобы не питать никакой надежды на успѣхъ возстанія при силѣ, заключавшейся въ горсти людей. Но обстоятельства такъ сложились, что, возстаніе, непредвидѣнное, неприготовленное, было уже свершившимся фактомъ, вслѣдствіе грубаго, безразсуднаго обхожденія Гебеля съ офицерами, расположенія которыхъ онъ не успѣлъ снискать. Солдаты ненавидѣли его, сочувствовали офицерамъ, а тѣмъ болѣе Сергѣю Ивановичу. Они ему говорили, что готовы слѣдовать, куда бы онъ ихъ ни повелъ.

Офицеры, нарушившіе законъ повиновенія изъ преданности и любви къ нему, ожидали его рѣшенія. Покинуть ихъ — значило бы отказаться раздѣлить съ ними горькую участь, ихъ ожидавшую.

Братъ рѣшился идти въ походъ для соединенія съ 8-ю пѣхотной дивизіей. Въ ней находились многіе члены тайнаго союза и общества соединенныхъ славянъ. Въ числѣ первыхъ считалось не мало полковыхъ командировъ, на содѣйствіе которыхъ можно было положиться; нѣсколько ротъ стараго семеновскаго полка были переведены въ эту дивизію и вполнѣ довѣрились брату.

Офицеры пѣшей 8-й артиллерійской бригады, когда до нихъ дошла вѣсть о смерти императора, дали знать, что все у нихъ готово къ походу и лошади подкованы на зимніе шипы. Къ тому же, наконецъ, надежда, что возстаніе на югѣ, отвлекая вниманіе правительства отъ товарищей сѣверянъ, облегчитъ тяжесть угрожающей имъ кары, какъ бы оправдывали въ его глазахъ отчаянность предпріятія.

Наконецъ, то соображеніе, что, вслѣдствіе доносовъ Майбороды и Шервуда, намъ не будетъ пощады, что казематы—тѣ же безмолвныя могилы,— все это, вмѣстѣ взятое, поселило въ Сергѣѣ Ивановичѣ убѣжденіе, что отъ предпріятія, повидимому безразсуднаго, нельзя было отказаться, и что настало время искупительной жертвы».

Собравъ команды, Муравьевъ хотѣлъ идти на мѣстечко Васильковъ; въ селѣ Ковалевкѣ они должны были соединиться со 2-ю гренадерскою ротою; впередъ были посланы въ Васильковъ баронъ Соловьевъ и Шепила, чтобы склонить на соединеніе свои роты, но, прибывъ въ мѣстечко, они были арестованы маіоромъ Трухиновымъ, который хотѣлъ защищать городъ со своей 4-й ротой.

Ночью сдѣлали привалъ въ селѣ Сподинки. При приближеніи къ Василькову, выставленная противъ Муравьева цѣпь стрѣлковъ 30 декабря въ 3 часа пополудни соединилась съ возставшими съ крикомъ «ура!» и мятежники безпрепятственно овладѣли мѣстечкомъ.

Немедленно были освобождены изъ гауптвахты захваченные офицеры и одинъ изъ нихъ И. И. Сухиновъ назначенъ занять карауль-

ные посты, которымъ приказано было никого ни впускать, ни выпускать изъ города. Сухинову же было приказано взять знамя и денежный ящикъ [1]) изъ квартиры Гебеля, что было сдѣлано безъ всякихъ препятствій.

Захвативъ Васильковъ Муравьеву удалось собрать въ этомъ одномъ только мѣстечкѣ довольно большое количество единомышленниковъ и подчиненныхъ. Въ его отрядъ входили:

1) 2-ая гренадерская рота подъ командою Владимира Николаевича Петина.

2) 4-ая мушкатерская рота подъ командою штабсъ-капитана барона Вельямина Николаевича Соловьева [2]).

3) 5-ая мушкатерская рота подъ командою поручика Анастасія Дмитріевича Кузьмина.

4) 6-ая мушкатерская рота съ офицерами: штабсъ-капитаномъ Михаиломъ Алексѣевичемъ Щепиллой и поручикомъ Быстрицкимъ [3]).

5) 2-ая мушкатерская рота перваго баталіона съ офицерами: капитаномъ Рафаловичемъ [4]) и поручикомъ Ив. Ив. Сухиновымъ.

6) 3-ая мушкатерская рота 1-го же баталіона съ офицерами: штабсъ-капитаномъ Маевскимъ, поручикомъ Мозалевскимъ [5]) и подпоручикомъ А. Ст. Войниловичемъ.

Кромѣ того при немъ находился адъютантъ Григорій Ивановичъ Апостолъ-Кегичъ, умершій дорогой въ Сибирь отъ горячки.

31-го декабря, утромъ въ 11 часовъ, по приказанію Муравьева роты были собраны на площади. Здѣсь должны онѣ были выслушать катехизисъ, составленный Муравьевымъ вмѣстѣ съ Бестужевымъ, а также и воззваніе. Для большей убѣдительности хотѣли, чтобы катехизисъ читалъ непремѣнно священникъ, но ни одинъ не соглашался это дѣлать. Наконецъ, одного подговорили, заплатя ему за это четыреста рублей.

Мы не будемъ говорить объ этихъ документахъ [6]) по существу, хотя они оба стоятъ того. Они являются единственными по своей характерности во всей революціонной пропагандѣ ведшейся и ведущейся въ Россіи. Достаточно сказать, что они читались передъ войсками *священникомъ;* форма одного изъ нихъ, катехизиса, насколько намъ извѣстно, ни до, ни послѣ Муравьева еще никогда не употреблялась.

Вернемся къ событіямъ въ Васильковѣ, къ возставшимъ.

Священникъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ передъ вооружен-

---

1) Въ денежномъ ящикѣ было около 2-хъ тысячъ рублей.

2) Умеръ въ Рязани въ 1871 году.

3) Умеръ въ 1872 году въ Подольскѣ.

4) Скрылся.

5) Умеръ въ Сибири.

6) Помѣщены оба въ приложеніяхъ.

нымъ и готовымъ въ походъ отрядомъ началъ читать приведенный катехизисъ, но его почти не было слышно и потому Бестужевъ взялъ у него бумагу и громко докончилъ чтеніе.

Послѣ этого Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ говорилъ и солдатамъ рѣчь объ ихъ правахъ, призывалъ ихъ защищать свою свободу, обѣщалъ имъ уменьшеніе срока службы, облегченіе тягости крестьянъ и закончилъ рѣчь слѣдующими словами: «кто хочетъ вмѣстѣ со мной защищать свои права, тотъ пойдетъ со мной; кто не хочетъ этого, тотъ оставайся. Я никого не хочу вести по принужденію». Солдаты громкимъ крикомъ «ура» выразили свое согласіе.

Во время выступленія ротъ подъѣхала тройка, и изъ почтоваго возка выскочилъ юноша Ипполитъ Муравьевъ-Апостолъ, офицеръ генеральнаго штаба, только что блистательно выдержавшій экзаменъ и назначенный въ штабъ второй арміи въ Тульчинъ, какъ бы для того, чтобы исполнилось предназначеніе злого фатума, тяготѣвшаго надъ этимъ злополучнымъ семействомъ.

Несмотря на настоятельныя просьбы братьевъ, не вѣрившихъ въ счастливый исходъ своего безумнаго предпріятія, Ипполитъ остался съ ними.

Въ 12 часовъ, 31 декабря, выступили они въ село Мотовиловку, гдѣ былъ ночлегъ и дневка по случаю Новаго года. 1-го января прибыла вторая запоздавшая мушкатерская рота. 2-го января С. Муравьевъ намѣревался отправиться на Бердичевъ, чтобы воспользоваться лѣсистой мѣстностью, ночевать въ 10-ти веретахъ отъ нея, въ деревнѣ Пологахъ. Сухиновъ былъ посланъ для развѣдки о дѣйствіяхъ 18-го егерскаго полка, въ которомъ считалось много членовъ; одинъ изъ офицеровъ этого полка, пріѣхавшій на площадь во время прибытія С. Муравьева изъ Трилѣсья въ Васильковъ, обѣщалъ присоединить ему, по крайней мѣрѣ, двѣ роты.

Но узнавъ, что 18-й егерскій полкъ выступилъ противъ него, Сергѣй Ивановичъ свернулъ на Житоміръ, черезъ Трилѣсье.

3-го января Муравьевъ-Апостолъ выступилъ изъ Пологовъ въ Ковалевку въ 11 часовъ и сдѣлалъ здѣсь привалъ.

Управляющій Ковалевкой г. Петровскій съ своимъ семействомъ, оказали Муравьеву и его офицерамъ радушный пріемъ. Солдатамъ были выданы съѣстные припасы и вино.

III.

Столкновеніе и пораженіе.

Между тѣмъ вѣсть о мятежѣ распространилась очень быстро. Корпусный командиръ поѣхалъ уже въ ночь съ 30-го на 31-е декабря въ мѣстечко Бѣлую Церковь; на дорогѣ приказалъ 9-ти эскадронамъ 3-ей гусарской дивизіи и № 5 конно-артиллерійской ротѣ слѣдовать

на назначенные имъ пункты, сближаясь къ мѣсту дѣйствія 17-го егерскаго полка, а стоящіе въ смежности полки отдалились къ Житоміру.

Узнавъ, что Муравьевъ 3-го числа выступилъ съ шестью ротами къ Пологамъ и Брусилову, Ротъ 1-го января съ разсвѣтомъ двинулъ противъ него изъ Бѣлой Церкви 12-ть ротъ пѣхоты и четыре пѣшихъ орудія. Но видя, что съ пѣхотой трудно будетъ достигнуть отрядъ мятежниковъ, который постоянно мѣнялъ направленіе, онъ оставилъ ее и, взявъ вышеупомянутые 9 эскадроновъ гусаръ съ конною ротой, 3-го января окружилъ Муравьева съ трехъ сторонъ.

Этими энергичными мѣрами удалось потушить пожаръ возстанія, могшій разгорѣться въ огромное пламя.

Сергѣя Муравьева и его соучастниковъ ждала та же участь, если еще не горшая, что испытали на себѣ единомышленники по обществу 14-го декабря въ Петербургѣ. Исполнилось то, что предсказывалъ Матвѣй Муравьевъ нѣсколько лѣтъ раньше: правительство имѣло за собой огромныя физическія силы и мятежники были разсѣяны безъ всякаго усилія.

Но вернемся къ генералу Роту.

«Узнавъ въ ночь съ 30-го на 31-ое число о началѣ сего происшествія,—доносилъ онъ 10-го января по начальству, я тотчасъ отправился въ м. Бѣлую Церковь, приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ ближайше расположеннымъ къ Василькову девяти эскадронамъ 3-ей гусарской дивизіи съ конною ротою № 5-го выступить и слѣдовать на назначенные мною сборные пункты. Между тѣмъ получено было извѣстіе, что Муравьевъ-Апостолъ 31-го числа вышелъ съ шестью ротами къ Пологамъ или Брусилову. Почему 1-го января, съ разсвѣтомъ дня, я двинулъ изъ Бѣлой Церкви противъ него двѣнадцать ротъ пѣхоты и четыре пѣшихъ орудія; но, видя, что съ пѣхотою трудно будетъ достигнуть мятежниковъ, кои безпрестанно перемѣняли направленіе, я оставилъ оную и, взявъ вышепомянутые девять эскадроновъ гусаръ съ конною ротою, успѣлъ 3-го числа окружить ихъ съ трехъ сторонъ. Въ часъ по полудни средній отрядъ, состоявшій изъ четырехъ эскадроновъ и двухъ конныхъ орудій, настигъ мятежниковъ на Устиновской высотѣ близъ с. Пологовъ. Тогда Муравьевъ построилъ каре изъ бывшихъ у него шести ротъ, кои, взявъ на руку, пошли прямо на орудія; но, бывъ встрѣчены картечными выстрѣлами, смѣшались, и два эскадрона гусаръ пошли на нихъ въ атаку, но въ то же время нижніе чины, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, побросали оружіе. Взято ихъ около 900 человѣкъ, также зачинщикъ бунта, Муравьевъ-Апостолъ (который раненъ картечью и сабельнымъ ударомъ въ голову), братъ его, отставной подполковникъ, штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ, поручикъ Быстрицкій и полтавскаго полка подпо-

ручикъ Бестужевъ-Рюминъ. Убиты: поручики Кузьминъ и Щепилла и квартирмейстерской части прапорщикъ Муравьевъ-Апостолъ, тоже братъ первыхъ двухъ. Равно убито и ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ. Всѣ они отправлены въ м. Бѣлую Церковь, гдѣ нижніе чины содержатся подъ строгимъ присмотромъ, а офицеры, закованные въ кандалы, отправятся въ главную квартиру армiи. Надъ ними производится строжайшее изслѣдованіе.

Впрочемъ мятежъ сей не имѣлъ болѣе никакихъ послѣдствій и, кромѣ помянутой части Черниговскаго полка, всѣ прочія войска 3-го пѣхотнаго корпуса сохранили совершенный порядокъ и гнушались подобнымъ поступкомъ.

Равномѣрно въ томъ мѣстѣ, гдѣ произошло возмущеніе, и въ окружности обыватели не приняли въ ономъ никакого участія, и крестьяне не вышли изъ повиновенія. Теперь всѣ уже части войскъ, бывшихъ при усмиреніи мятежа, возвратились на свои квартиры, исключая тѣхъ, кои оставлены въ Бѣлой Церкви для надзора.

Генералъ-Лейтенантъ Ротъ.

№ 59. 10 генваря 1826 года.

Корпусная квартира въ г. Житомирѣ.

Нѣсколько подробнѣе передаетъ намъ моментъ столкновенія Михаилъ Баласъ со словъ участника, именно Матвѣя Муравьева.

«Въ часъ — пишетъ онъ — вышли изъ Ковалевки въ Трилѣсье, куда путь, по дошедшимъ до нихъ свѣдѣніямъ, загораживала конно-артиллерійская рота, состоявшая подъ командой члена тайнаго общества Пыхачева [1]). Въ часъ по полудни, средній отрядъ, коимъ командовалъ генералъ-маіоръ Гейсмаръ, состоявшій изъ 4-хъ эскадроновъ гусарской дивизіи (1 маріупольскаго, 1 ахтырскаго и 2-хъ принца Оранскаго), увидѣлъ мятежниковъ съ его отрядомъ на Устиновской высотѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Ковалевки.

Сергѣй Ивановичъ остановилъ свой отрядъ, построилъ въ взводную колонну справа (до того времени порядокъ шествія былъ слѣдующій: роты шли по отдѣленіямъ, впереди авангардъ, позади—аріергардъ, между аріергардомъ и отрядомъ шелъ обозъ). Стрѣлки вызваны за взводы. Построившись въ ротныя колонны, отрядъ двинулся: С. Муравьевъ-Апостолъ, М. П. Бестужевъ-Рюминъ и Ипполитъ Муравьевъ впереди, остальные по своимъ мѣстамъ. Сергѣй Ивановичъ приказалъ разсыпать стрѣлковъ и, подъ выстрѣлами ихъ, атаковать орудія; но прежде, чѣмъ успѣли они это сдѣлать, раздался пушечный выстрѣлъ, потомъ—второй, затѣмъ открылась пальба картечью. Въ

---

[1]) Только многіе годы спустя, проживая въ Твери, послѣ возвращенія изъ ссылки, М. И. Муравьевъ-Апостолъ узналъ относительно Пыхачева, что наканунѣ этого дѣла онъ былъ арестованъ. М. Б.

отрядѣ мятежниковъ были многіе поранены и убиты, въ числѣ ихъ начальникъ 3-й мушкатерской роты, Михаилъ Алексѣевичъ Щепилла».

«Во время столкновенія—доносилъ Ротъ—войска «ревностовали стремиться къ каранію возмутителей. Дѣйствительно, не неся никакого урона, усмирители проявили прямо жестокость къ сдавшимся. Такъ даже въ оффиціальномъ документѣ мы читаемъ слѣдующее: о нападеніи на сдавшагося Муравьева. «Энгельгардтъ, командуя, по препорученію корпуснаго командира, эскадрономъ Ахтырскаго гусарскаго полка,—доносилъ подполковникъ Волынскаго полка де-Юнкеръ своему начальству,—наскакалъ на каре и, увидѣвъ подполковника Муравьева верхомъ, съ пистолетомъ, въ рукѣ, закричалъ ему: «Брось пистолетъ!»—который, вмѣсто того, сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ, но пистолетъ осѣкся; тогда Энгельгардтъ приказалъ гусару въ него выстрѣлить, который попалъ въ лошадь,—почему Муравьевъ спѣшился, а вахмистръ того эскадрона, наскакавъ на него, разбранивши за измѣну и попрекнувши, что чрезъ него измучили лошадей и что четыре дня не ѣли, нанесъ ему саблей ударъ по плечу. Самъ Муравьевъ былъ раненъ картечью по затылку».

Видя безполезность неравнаго боя и желая уменьшить и безъ того большое число жертвъ. Сергѣй Ивановичъ (Муравьевъ-Апостолъ) обратился къ солдатамъ, прося у нихъ прощенія, что возбудилъ въ нихъ надежду на успѣхъ и тѣмъ обманулъ ихъ. Въ то же время онъ сталъ артиллеристамъ махать бѣлымъ платкомъ и упалъ въ ту же минуту, пораженный картечью въ лѣвую часть черепа надъ глазомъ. Кавалерія окружила солдатъ, ружья были поставлены въ козлы. Сергѣя Ивановича Кузьмина, раненаго въ плечо, Матвѣя Ивановича и всѣхъ офицеровъ оранскіе гусары привезли въ корчму, въ Трилѣсье, состоявшую изъ двухъ комнатъ; при нихъ поставили двухъ человѣкъ, а въ большой комнатѣ—караулъ.

Съ этого момента начинаются страданія Муравьева и его сообщниковъ до того дня, пока 13-го іюля не окончили свою жизнь на висѣлицѣ въ Петропавловской крѣпости.

Даже въ той самой корчмѣ, куда заперли ихъ тотчасъ послѣ столкновенія, по словамъ Баласа, имъ столько пришлось перенесть, что «едва ли возможно передать эти чувства перомъ».

«Матвѣй Ивановичъ,—передаетъ Баласъ со словъ перваго—досталъ кровать и уложилъ на нее своего раненаго брата, который все это время былъ въ безпамятствѣ отъ потери крови, которая шла у него изъ головы и которую нельзя было остановить, такъ какъ нечѣмъ было перевязать голову. Анастасій Дмитріевичъ Кузьминъ, получившій двѣ раны на высотахъ Устиновскихъ, садясь съ Соловьевымъ вмѣстѣ въ сани, сказалъ: «Будь остороженъ, я раненъ въ плечо и въ бокъ, но, пожалуйста, объ этомъ никому не говори». Соловьевъ

раздобылъ для раненаго товарища немного соломы и положилъ Кузьмина около стѣны.

Наступила ночь, подали огонь. Кузьминъ попросилъ Матвѣя Ивановича подойти къ нему, тотъ указалъ ему на голову раненаго брата, которую онъ поддерживалъ плечомъ, — тогда Кузминъ подползъ съ усиліемъ къ Матвѣю Ивановичу, пожалъ ему руку тѣмъ пожатіемъ, которымъ соединенные славяне узнавали своихъ членовъ, и поползъ опять на свое мѣсто. Въ это время Сергѣй Ивановичъ попросилъ, чтобы его посадили; но какъ только это исполнили, онъ отъ выстрѣла, раздавшагося въ комнатѣ, упалъ безъ чувствъ съ постели. На выстрѣлъ сбѣжался весь караулъ.

Анастасій Алексѣевичъ Кузьминъ убилъ себя наповалъ. 4-го января утромъ подали сани, и братьямъ Муравьевымъ много стоило, чтобы убѣдить конвойнаго дозволить имъ проститься съ убитымъ своимъ братомъ Ипполитомъ [1]). Они вошли въ нежилую комнату: на полу лежали голыя мертвыя тѣла. Между ними ихъ братъ. Онъ лежалъ съ видомъ гордо-спокойнымъ, на лѣвой щекѣ подъ глазомъ замѣтна была небольшая черноватая опухоль.

Матвѣй Ивановичъ помогъ своему раненому брату стать на колѣни; минута великая, осужденный на-смерть прощается съ мертвымъ, какъ бы заранѣе предвкушая замогильныя ощущенія. Горячо помолились они Богу, съ чувствомъ, полнымъ безмѣрной скорби, поглядѣли они на своего дорогого Ипполита, дали ему прощальный поцѣлуй,—и уѣхали подъ конвоемъ въ Бѣлую Церковь.

А 13-го іюля, въ 5 часовъ утра, Сергѣя Муравьева-Апостола не стало. Приговоромъ 11-го іюля онъ былъ осужденъ на смертную казнь... [2]).

IV.

Послѣ побѣды.

Такъ закончилось возстаніе на югѣ. Исторія его, мы сказали, еще короче, чѣмъ возстанія 14-го декабря. Оно прибавило еще много безполезныхъ жертвъ, невознаградимыхъ потерь, ужасныхъ смертей, долгихъ мукъ.

---

[1]) Ипполитъ Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, родившійся въ 1805 г., былъ только что произведенъ въ офицеры, послѣ блистательнаго экзамена въ школѣ колоновожатыхъ, и назначенъ въ штабъ 2-й арміи. 13-го декаяря, онъ вмѣстѣ съ П. Н. Свистуновымъ выѣхалъ изъ Петербурга. Они везли письмо отъ кн. С. П. Трубецкого Михаилу Федоровичу Орлову, которое Ипполитъ Ивановичъ успѣлъ уничтожить, когда пріѣхалъ арестовать П. Н. Свистунова. Учавствуя въ дѣлѣ на Устиновской высотѣ, онъ, увидѣлъ, что братъ Сергѣй упалъ, пораженный картечью, выстрѣломъ въ ротъ пресѣкъ свою 19-тилѣтнюю жизнь.

[2]) Исполненіе и подробность смотри III вып. *Библіотека Декабристовъ*.

Все это было принесено въ жертву всепожирающаго молоха, имя котораго у всѣхъ на устахъ...

Забравъ въ плѣнъ сдавшихся мятежниковъ, корпусный командиръ Ротъ горделиво доносилъ, что «мятежъ сей не имѣлъ болѣе никакихъ послѣдствій».

Однако мы изъ того же оффиціальнаго источника имѣли нѣсколько другія свѣдѣнія о вліяніи возстанія на окружающія мѣстности и части войскъ. Правда, время Пугачева прошло, но кто знаетъ, какихъ сообщниковъ пріобрѣлъ бы Муравьевъ, если бы мятежъ не удалось такъ быстро прекратить. Во всякомъ случаѣ оффиціальный и хорошо освѣдомленный корреспондентъ не рисуетъ дѣла въ розовомъ цвѣтѣ.

Вотъ что доносилъ по начальству подполковникъ Бакуревичъ 24-го января, посланный секретными дознаніями разузнать о настроеніи умовъ края.

«Прибывъ въ Кіевъ, пишетъ Бакуревичъ, въ самые контракты, дозналъ, что происшествіе, случившееся въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, произвело тамъ между жителей и съѣхавшихся помѣщиковъ видную тишину, опаску въ разговорахъ и во всякихъ сходбищахъ, тѣмъ болѣе, что изъ числа тамошнихъ знатнѣйшихъ помѣщиковъ схвачены и увезены въ С.-Петербургъ графъ Ржевускій (сынъ сенатора), графъ Олизаръ, бывшій губернскій маршалъ и Проскура, бывшій предсѣдатель главнаго суда. Въ Кіевскомъ контрактовомъ домѣ учиненъ караулъ однимъ взводомъ пѣхоты съ офицеромъ, однимъ полувзводомъ жандармовъ съ офицеромъ же (и) извѣстнымъ числомъ полицейскихъ чиновъ. Сей домъ ежедневно навѣщаетъ по нѣскольку разъ самъ корпусный командиръ князь Щербатовъ и губернаторъ Ковалевъ.

Изъ слуховъ, которые подъ рукою, между жителей и квартирующихъ войскъ могъ собрать, важнѣйшіе:

1) что комплотъ Муравьева есть только одно отдѣленіе петербургскихъ возмутителей.

2) Каждый изъ сихъ заговорщиковъ имѣлъ право вербовать только три члена.

3) Сей заговоръ съ 1818 года образовался въ числѣ уже 15,000 человѣкъ разныхъ лицъ.

4) Для возмущенія черни и нижнихъ чиновъ составленъ былъ катихизецъ, который, со всею трудностію доставши, оригиналомъ у сего прилагаю, ибо взяты полицейскія строгія мѣры брать подъ стражу, кто имѣетъ таковой катихизецъ, и дѣлать о томъ разысканіе.

5) Бунтовщикъ Муравьевъ имѣлъ 200,000 рублей денегъ, кои на счетъ общества своего разсыпалъ между солдатъ и неимущихъ офицеровъ, дабы привлечь ихъ на свою сторону.

6) Помѣщикъ Проскура на вспоможеніе бунтовщикамъ въ С.-Петербургѣ послалъ 100,000 рублей, которые съ письмомъ правительствомъ переняты.

7) Между помѣщиковъ въ разговорахъ не устала рѣчь, что они болѣе бы желали имѣть на тронѣ цесаревича Константина, чѣмъ государя императора.

8) Крестьяне помѣщицы графини Браницкой, Васильковскаго уѣзда, въ селѣ Тимберщинѣ, сойдясь два, и одинъ изъ нихъ подкололъ другого за то, что послѣдній объявилъ первому о своей присягѣ государю императору Николаю Павловичу, и сказалъ ему, что «надобно присягать Константину Павловичу, ибо онъ старше»,—сіе внушеніе въ черни произведено Муравьевымъ.

9) Изъ числа Черниговскаго полка штабъ- и оберъ-офицеровъ, взятыхъ съ Муравьевымъ и отосланныхъ въ желѣзахъ въ С.-Петербургъ, слѣдующіе: два Муравьева, штабсъ-капитанъ Соловьевъ, подпоручикъ Быстрицкій, Полтавскаго пѣхотнаго подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ и 17-го егерскаго Вадковскій, а переведенный изъ Черниговскаго пѣхотнаго въ Александровскій гусарскій и обмундированный при переводѣ Муравьевымъ поручикъ Сухиновъ бѣжалъ.

10) Изъ числа нижнихъ чиновъ Черниговскаго пѣхотнаго полка найдены въ дѣйствительномъ заговорѣ только 40 человѣкъ, а прочіе хотя невинными, но содержатся подъ присмотромъ въ Бѣлой Церкви.

11) Съѣздъ въ Кіевъ помѣщиковъ на контракты противу прежняго очень малъ, и въ контрактовомъ залѣ бываютъ только тѣ, которые имѣютъ дѣла въ судѣ, а сдѣлки и уговоры дѣлаютъ на квартирахъ и сейчасъ по окончаніи выѣзжаютъ.

12) При выходѣ изъ Василькова съ полкомъ, Муравьевъ въ ночи на своей квартирѣ сжегъ большія кипы своихъ бумагъ; оставшіеся и не догорѣвшіе лоскутки, подобранные полиціею, по слѣдствію оказались сношеніями между масоновъ.

13) Когда за день до возмущенія полка въ Васильковѣ наказывали кнутомъ двухъ солдатъ, Муравьевъ, въ виду всѣхъ нижнихъ чиновъ, послалъ палачу чрезъ унтеръ-офицера 25 рублей, чтобъ билъ ихъ легче.

14) Всѣ знающіе лично Муравьева, многіе помѣщики отзываются объ немъ съ необыкновенными похвалами со стороны его способности, ума и ласковыхъ пріемовъ.

15) Между гусаръ въ Бердичевѣ и въ окружности онаго, по распоряженію гусарской дивизіи, виденъ явной духъ сожалѣнія и участія въ неудачѣ Муравьева; но командиръ Александрійскаго гусарскаго полка, полковникъ Муравьевъ же, хотя былъ взятъ, но оправданъ, возвратился и командуетъ полкомъ.

16) Въ городѣ Кіевѣ полиція дѣйствуетъ весьма сильно, берутъ каждаго подъ стражу за одно неумѣстное слово, распечатываютъ на почтѣ всѣ письма, а потому и я чрезъ почту дѣлать донесеній не рѣшился.

17) Ремонтныя польскія кавалерійскія команды, расположенныя около Ружина въ м. Бѣликовкѣ и другихъ мѣстахъ, весьма спокойны, явно смѣются надъ затѣями бунтовщиковъ, и только изъ рѣчей ихъ видно одно сожалѣніе, что его императорское высочество Цесаревичъ не принялъ престола.

18) Въ городѣ Кіевѣ и вездѣ по дорогѣ, въ распоряженіи 1-ой арміи, ко всѣмъ проѣзжающимъ и прибывающимъ изъ Литовскаго отдѣльнаго корпуса штабъ- и оберъ-офицерамъ и адъютантамъ всѣ вообще состоянія имѣютъ крайнюю недовѣренность и обращаются со всею осторожностію до того, что мнѣ въ городѣ Кіевѣ, когда я былъ переодѣтъ въ партикулярное платье, одинъ незнакомый, подойдя, между прочимъ разговоромъ, сказалъ, что большое количество Литовскаго корпуса офицеровъ распущено по Россіи для собранія секретныхъ свѣдѣній.

19) Во время возмущенія сего въ г. Житомирѣ содержалъ караулъ 1-ый баталіонъ Тамбовскаго полка съ заряженными ружьями, и въ одну ночь три раза смѣнялись роты на гауптвахтѣ; болѣе же прочихъ содержала караулъ 1-ая гренадерская рота. Нижніе чины онаго баталіона требовали отъ хозяевъ лучшей пищи и сказывали, что имъ говорили, что будутъ грабить Житомиръ, вмѣсто того имъ велятъ защищать. Баталіонъ внутренней стражи также былъ въ то время собранъ въ городѣ.

20) Подполковникъ Муравьевъ ожидалъ присоединенія къ нему Харьковскаго драгунскаго полка; но корпусный командиръ пресѣкъ сообщеніе. Намѣреніе его было, по прибытіи секурса, овладѣть тотчасъ квартировавшею не въ дальнемъ разстояніи артиллеріею. 17-ый егерскій полкъ также былъ въ сомнѣніи, почему былъ въ резервѣ съ оставшеюся кавалеріею, коей было назначено въ дѣло только 4 эскадрона: Маріупольскаго 1, принца Оранскаго 2 и Ахтырскаго 1.

Подполковникъ Бакуревичъ.

Мы привели довольно много пунктовъ изъ донесенія Бакуревича, такъ какъ они весьма характерно и ярко рисуютъ намъ настроеніе всѣхъ слоевъ русскаго общества. Оно не предвѣщало ничего хорошаго въ случаѣ успѣха заговорщиковъ. Конечно, здѣсь ни Муравьевъ, ни его сообщники совершенно не при чемъ. Дѣло не въ нихъ, а въ томъ соціальномъ ферментѣ, которымъ могутъ оперировать Муравьевы, Пугачевы и подобные имъ.

И тотъ и другой и кто бы на ихъ мѣстѣ ни былъ—просто ширмы, за которыми скрывается сущность вещей, тотъ государственный порядокъ, который даетъ возможность появляться Муравьевымъ.

Русская правительственная власть искони вѣковъ не хотѣла, или не могла, видѣть за Муравьевыми ничего больше, считая только ихъ отвѣтственными и виновными въ разражавшихся потрясеніяхъ; она не хотѣла признавать, что сами Муравьевы—ничто, а что все дѣло въ пищѣ, питающей недовольства и возмущенія.

Въ этомъ отношеніи манифестъ отъ 13-го іюля 1826 года, изданный Николаемъ Первымъ, какъ нельзя больше подтверждаетъ только что сказанное.

Сказать 13-го іюля, что «умыслъ бунта не въ свойствахъ, не въ нравахъ русскихъ» послѣ того какъ Россія коренными русскими гражданами была потрясена отъ Сѣвера до Юга, и когда пожаръ не разгорѣлся, лишь благодаря энергичнымъ и сурово принятымъ мѣрамъ,—это означаетъ не видѣть очевидности.

V.

Виновность и наказаніе.

Въ первомъ манифестѣ императора Николая всѣ надежды возлагаются на общество, на «всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества», а вся вина сваливается «на горсть изверговъ», у которыхъ «сердца развратныя и мечтатетьность дерзновенная».

Такимъ образомъ, писавшій совершенно забывалъ, что эти изверги еще такъ недавно были опорою трона и спасеніемъ отечества, что они еще такъ недавно самоотверженно проливали свою кровь на поляхъ Бородина, Малоярославца и Лейпцига,—что они возвеличили имя Россіи на недосягаемую дотолѣ высоту.

Онъ забывалъ, что «сердца развратныя» не ютились по лачугамъ и подваламъ, а блистали на царскихъ парадахъ и дворцовыхъ балахъ. Онъ умышленно скрывалъ, что дерзновенные мечтатели ровно ничего не желали для себя—они имѣли лично все—и чины, и положеніе, и богатство, но у нихъ не было передъ глазами лишь одного: *закона* и *права*. Вотъ куда простиралась ихъ мечтательность. Вотъ за что понесли они мученическую смерть.

Всякому видно, за себя ли они ее понесли!.. Не виновно ли было въ ихъ страданіяхъ то общество, которое призывалось стать ихъ палачами и которому приписывалась эта роль? Мало того, не виновенъ ли Александръ Первый въ тѣхъ же самыхъ мечтаніяхъ, за которыя такъ жестоко поплатились декабристы? Наконецъ, не больше ли всего вины падаетъ на правительственную систему? Чтобы дать на это точный отвѣтъ, достаточно прочесть донесеніе французскаго посла де-ла-Ферронэ своему правительству.

«Подавленіе бунта—писалъ онъ—не искоренитъ еще того духа, что господствуетъ среди молодыхъ офицеровъ, а духъ этотъ—отвратителенъ. Одного возстанія въ военныхъ поселеніяхъ достаточно, чтобы подвергнуть имперію величайшей опасности, а составные элементы этихъ поселеній, средства, къ коимъ прибѣгали для ихъ образованія, ненависть или общее изступленіе всѣхъ поселенцевъ, да и вообще всѣхъ военныхъ противъ генерала Аракчеева, такъ сказать, узаконивают страхъ, возбуждаемый въ настоящую минуту опаснымъ сосѣдствомъ ста тысячъ вооруженныхъ недовольныхъ».

Безчисленные грѣхи внутренняго управленія, всеобщая продажность, наконецъ, двусмысленное и неопредѣленное положеніе внѣшней политики, война, требуемая общественнымъ мнѣніемъ, но противъ которой протестуетъ Европа—таково положеніе вещей, за которое пострадало на висѣлицѣ и въ Сибири одно изъ лучшихъ поколѣній русскаго общества девятнадцатаго вѣка.

Къ этому, вмѣсто пониманія дѣла, имъ за гробомъ пришлось выслушать горькую критику. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ слѣдующіе два документа, весьма характерныхъ для автора:

«Ваше величество!

Фельдъегеръ Чижовъ доставитъ Вамъ донесеніе генерала Кутузова объ окончаніи исполненія приговора надъ злодѣями, а вслѣдъ за нимъ прибудетъ генералъ Чернышевъ, который донесетъ Вамъ объ этомъ словесно, откланиваясь въ то же время у в. в.

Войско держало себя съ достоинствомъ, а злодѣи держали себя такъ же подло, какъ и вначалѣ. *И Дибичъ.* 13 іюля 1826 г.»

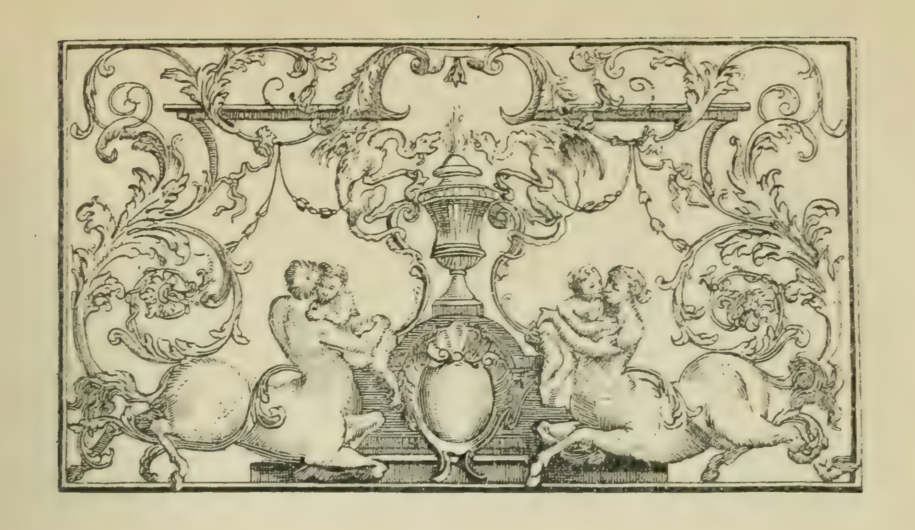
Нѣсколькими часами ранѣе послѣдній получилъ отъ Николая I слѣдующее письмо:

«Благодарю Бога, что все окончилось благополучно; я вполнѣ увѣренъ, что герои 14-го декабря не выкажутъ въ этомъ случаѣ болѣе храбрости, нежели нужно. Прошу васъ, любезный другъ, быть сегодня какъ можно осторожнѣе и прошу передать Бенкендорфу, чтобы онъ удвоилъ свою бдительность и вниманіе; тотъ же приказъ слѣдуетъ отдать по войскамъ. Я хочу уѣхать отсюда такимъ образомъ, чтобы быть въ 3 часа въ моемъ дворцѣ въ городѣ».

Итакъ, горсть изверговъ, развратныя сердца и дерзновенные мечтатели должны были погибнуть... и они погибли!.. они не могли ужиться съ царствованіемъ Александра I, гдѣ же имъ было мириться съ Николаемъ Первымъ, который поставилъ девизомъ своего царствованія «пусть погибнетъ Россія, лишь бы осталась нетронутой неограниченная власть»[1]).

---

[1]) Герценъ. Изданіе Сытина. М. 1907 г., стр. 92.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

«Въ прошедшее лѣто,—доносилъ Дибичъ,— 3-го Бугскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ въ письмѣ, на Высочайшее имя и въ собственныя руки писанномъ, объявилъ, что онъ имѣетъ открыть важный секретъ. Будучи по Высочайшему повелѣнію, по распоряженію генерала графа Аракчеева, привезенъ въ С.-Петербургъ въ концѣ іюля сего года, показалъ, что онъ узналъ случайно, что въ нѣкоторыхъ полкахъ первой и второй арміи существуетъ секретное общество, которое отъ времени до времени увеличивается, и что оно имѣетъ особенныя связи въ 4-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, и что онъ увѣренъ, что служащій въ конно-егерскомъ полку прапорщикъ *Вадковскій* (выписанный за дерзкій разговоръ изъ кавалергардскаго полка) есть одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ. По знакомству его съ принадлежащими, по мнѣнію его, къ тому же обществу, живущими въ Харьковѣ, графами Яковомъ и Андреемъ Булгари, онъ надѣялся быть введеннымъ въ сіе общество и открыть секреты и членовъ онаго.

«Положено было дать ему отпускъ на годъ, будто за то, что онъ привезенъ былъ въ С.-Петербургъ по подозрѣнію по дѣлу поручика *Сивиниса*, въ которое замѣшанъ былъ также графъ Булгари, и что онъ себѣ выпросилъ въ вознагражденіе годовой отпускъ, когда сіе подозрѣніе найдено было неосновательнымъ [1]). Онъ обѣщался увѣдомить графа Аракчеева, коль скоро найдетъ возможность къ боль-

[1]) См. любопытный разговоръ Шервуда съ Императоромъ Александромъ, приведенный Шильдеромъ. «Им. Ал. I. Его жизнь и царств.», т. IV.

шему открытію, съ тѣмъ, чтобы тогда былъ присланъ надежный чиновникъ съ полномочіемъ для пособія ему.

«Отъ 20-го сентября писалъ онъ письмо къ Аракчееву изъ Карачева, въ коемъ объясняетъ, что по пріѣздѣ въ Харьковъ былъ у Якова Булгари, у коего засталъ и племянника его, графа Андрея, что онъ объявилъ имъ о взятіи его по подозрѣнію по дѣлу Сивиниса, что графъ Яковъ Булгари жаловался, что онъ по тому же дѣлу не имѣетъ отвѣта на три просьбы, на Высочайшее имя поданныя, но что на вопросъ его, Шервуда, объ обществѣ отозвался гр. Булгари незнаніемъ; напротивъ того, когда сей вышелъ изъ комнаты, то племянникъ гр. А. Булгари спрашивалъ его, какъ идутъ дѣла сего общества, объявилъ ему, что онъ знаетъ чрезъ графа Н. Булгари, служащаго въ лейбъ-кирасирскомъ Ея Величества полку поручикомъ, что прапорщикъ Вадковскій въ семъ обществѣ.

«Шервудъ поѣхалъ прямо къ Вадковскому въ Курскъ, 9-го сентября, въ полночь, нашелъ его спящимъ въ своей квартирѣ, но, разбудивъ, объявилъ о случившемся съ нимъ, и что онъ выпросилъ себѣ годовой отпускъ единственно, чтобы дѣйствовать въ пользу извѣстнаго ему общества. Вадковскій вскочилъ съ постели, обнималъ его и спросилъ, сколько онъ имѣетъ членовъ; на сіе объявилъ ему Шервудъ: два генерала и 47 штабъ-и оберъ-офицеровъ. Вадковскій обрадовался сей лжи, просилъ при вторичномъ пріѣздѣ въ Курскъ привезти списокъ; считая сіе весьма важнымъ, хвасталъ, что предпріятіе ихъ идетъ сверхъ чаянія хорошо, что изъ корпуса генералъ-адъютанта Бороздина есть двѣ значительныя особы и довольное число прочихъ принадлежащихъ ихъ обществу, и что онъ почитаетъ только труднѣйшимъ въ ихъ предпріятіи истребить вдругъ всю Августѣйшую фамилію, что, впрочемъ, надѣется также въ семъ на содѣйствіе поляковъ столько же хорошо, какъ собственно на своихъ.

«Шервудъ, послѣ всѣхъ сихъ ужасныхъ объясненій Вадковскаго, человѣка, котораго онъ прежде вовсе не зналъ, обѣщался ему доставить списокъ, который Вадковскій обще со своимъ хотѣлъ въ половинѣ ноября доставить чрезъ поручика графа Н. Булгари въ С.-Петербургъ. Посему просилъ Шервуда, въ вышеупомянутомъ письмѣ къ графу Аракчееву, послать къ нему въ половинѣ ноября надежнаго чиновника въ Харьковъ, который по объясненіи съ нимъ могъ бы перехватить Булгари съ бумагами. Его Величество, вручивъ ему сіе письмо по дорогѣ въ Новочеркасскъ, изволилъ выбрать для сего назначенія лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковника Николаева, съ тѣмъ, чтобы ни ему, ни кому другому не объявить до возвращенія изъ Крыма.

«Между тѣмъ пріѣхалъ, по Высочайшему соизволенію, въ Таганрогъ, 18-го октября, генералъ-лейтенантъ Виттъ и объявилъ равно-

мѣрно, что существуетъ таковое общество, которое значительно увеличилось въ обѣихъ арміяхъ и старалось, но тщетно, помощью генералъ-майора Михаила Орлова и сыновей генерала Раевскаго, заразить и Черноморскій флотъ, что бываютъ часто подобныя собранія въ фамиліи Давыдовыхъ, кои всѣ заражены симъ духомъ, и что изъ числа дѣятельнѣйшихъ членовъ объявлены ему гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ *Муравьевъ*, гвардейскій офицеръ *Бестужевъ*, служившій прежде во флотѣ, нѣкто *Рылѣевъ* (вѣроятно, секундантъ покойнаго поручика Чернова на дуэли съ флигель-адъютантомъ Новосельцевымъ), что 18-я пѣхотная дивизія въ особенности заражена симъ духомъ, и что въ оной играетъ главную роль командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ *Пестель*, что адъютантъ графа Витгенштейна *Крюковъ* и ген.-лейт. Рудзевича *Шишковъ* — также члены, и что, наконецъ, одинъ изъ главныхъ членовъ—подпоручикъ квартирмейстерской части *Лихаревъ*, который недавно женился на дочери сенатора Бороздина. Всѣ сіи извѣстія даны графу Витту однимъ членомъ, и по недовольной еще основательности оныхъ надѣялся онъ получить вѣрнѣйшія на кіевскихъ контрактахъ, ибо давалъ имъ надежду склониться на ихъ сторону по непріятностямъ, имѣвшимся между имъ, Виттомъ, и графомъ Аракчеевымъ. Графъ Виттъ при семъ прибавилъ, что онъ надѣется, что можно получить также свѣдѣніе отъ гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-кап. *Корниловича*, принадлежавшаго сему обществу, но раскаявшагося, увидя бездну ужасную, въ которую оно можетъ ввести; равномѣрно доставилъ графъ Виттъ письмо отъ неизвѣстнаго, который, объявляя объ обществѣ и огромности его, остерегаетъ его о личной его опасности тѣмъ, что заговорщики хотѣли его сдѣлать одного изъ первѣйшихъ жертвъ замысловъ своихъ.

«Его Императорское Величество приказалъ гр. Витту продолжать открытія свои и изволилъ отправиться въ Крымъ; радостный пріемъ всѣхъ чиновъ 20-й пѣхотной дивизіи, совершенно по духу, издревне свойственному россійскому воинству, и увѣренія генералъ-лейт. Рудзевича въ таковомъ же духѣ ввѣренныхъ ему войскъ, хотя и успокоили Его Величество насчетъ общаго распространенія подобнаго зла, но, не менѣе того, приказалъ мнѣ еще 10-го ноября отправить полковника Николаева по прежнему предположенію въ Харьковъ, дабы онъ, по указанію унтеръ-офицера Шервуда, схватилъ вышеупомянутыя бумаги, посланныя прапорщикомъ Вадковскимъ черезъ поручика гр. Н. Булгари въ С.-Петербургъ, принимая при томъ въ соображеніе совѣты и объясненія Шервуда съ должною осторожностью.

«15-го ноября, полковникъ Николаевъ увидѣлъ въ предназначенномъ въ письмѣ Шервуда трактирѣ сего унтеръ-офицера и, призвавъ его къ себѣ, получилъ отъ него объясненіе, которое Шервудъ повто-

рилъ письменно ко мнѣ, и главное содержаніе коего слѣдующее: послѣ нѣкотораго пребыванія Шервуда въ Орлѣ и окружности до 26-го октября (онъ не объясняетъ — съ какого числа) и во время котораго хотя и былъ два раза у ген.-адъют. Бороздина, но, какъ онъ говоритъ по краткости времени, ничего касающагося до общества открыть не могъ, поѣхалъ онъ, Ш—дъ, въ Курскъ, гдѣ засталъ прапорщика В—скаго, возвратившагося отъ поѣздки къ ротмистру Кавалергардскаго полка *графу Захару Чернышеву* въ 80-ти верстахъ отъ Курска.

«Вадковскій принялъ его съ восхищеніемъ, разсказалъ ему объ успѣхѣ ихъ дѣла, получилъ изъ Спб.-га извѣстіе, что 10 офицеровъ гвардіи приняты въ ихъ общество. Онъ жаловался на вѣтренность поручика графа Н. Б—ри, который съ графами Спиро и А. Б—ри поѣхалъ въ Одессу, и черезъ то промедлитъ доставленіемъ списка въ Спб. и особливо требованіемъ отъ главныхъ членовъ общества заведенія секретной типографіи для напечатанія сочиненій въ ихъ духѣ и присылки трехъ экземпляровъ ихъ конституціи, изъ коихъ одинъ хотѣлъ дать Ш—ду.

«Ш—дъ предлагалъ себя для посылки въ Спб., но В—скій отклонилъ сіе, сказавъ, что поручикъ графъ Б—ри уже на сіе опредѣленъ и имѣетъ для сего подорожную во всю имперію. Ш—дъ ему далъ списокъ мнимыхъ членовъ, завербованныхъ имъ будто въ поселеніи, и разныя замѣчанія о способностяхъ ихъ. В—скій спряталъ оный въ скрипичный футляръ, гдѣ еще хранятся другія бумаги, съ тѣмъ, что человѣкъ В—скаго можетъ ихъ сжечь, когда предстоитъ въ томъ надобность.

«Дивизіонный начальнихъ 1-ой конноегерской дивизіи, генералъ-майоръ Зассъ, оставилъ Вадковскаго въ Курскѣ въ караульныхъ эскадронахъ еще на другую очередь. Ш—дъ былъ у него въ гостяхъ въ караулѣ, куда приходилъ Сѣверскаго конноегерскаго полка майоръ Гофманъ, отъ котораго Ш—дъ услышалъ весьма неприличные разговоры насчетъ правительства. В—скій сказалъ ему послѣ: вотъ уже приготовленъ при первомъ. Шервудъ писалъ изъ Курска къ графу А. Б—ри, чтобы поручикъ графъ Н. Б—ри воротился скорѣе. Сіе письмо повезъ въ Одессу ротмистръ кавалергадскій графъ Чернышевъ, который ожидаетъ изъ главной квартиры 1-й арміи отпускъ, будучи предварительно отпущенъ въ Курскъ.

«Вадковскій разсказывалъ Ш—ру слѣдующее:

«Въ обществѣ состоятъ: Кавалергардскаго полка ротмистръ графъ Захаръ Чернышевъ, дѣйствующее лицо въ Спб-гѣ, того же полка Свистуновъ (вѣроятно, корнетъ, выпущенный изъ камерпажей); лейбъ-гвардіи Коннаго полка офицеръ *Бураковъ*, недавно женившійся на фрейлинѣ Ушаковой, принятъ въ общество Вадковскимъ, равно какъ юнкеръ *Скарятинъ*, пріѣхавшій изъ Кіева (неизвѣсно, какого полка),

который объявилъ, что онъ недавно къ сему пріуготовленъ былъ своимъ учителемъ; *графъ Бобринскій* (Ш—ду неизвѣстно который) пожертвовалъ 10.000 рублей на заведеніе секретной типографіи; полковникъ Павелъ, бывшій адъютантъ графа Витгенштейна (командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка), ни В—скому, ни Ш—ду неизвѣстно, гдѣ онъ квартируетъ и какимъ именно полкомъ командуетъ, почему В—скій просилъ Ш—да узнать вѣрнѣе о семъ, и Ш—дъ просилъ о томъ увѣдомленія отъ знакомаго ему адъютанта г.-л. Родзевича, капитана Шишкова, и состоящаго по особымъ порученіямъ у г.-адъют. Киселева, майора Пущина. Наконецъ, считаетъ въ числѣ членовъ генералъ-инт. второй арміи *Юшневскаго.*

«Ш—дъ получилъ всѣ сіи извѣстія отъ В—скаго, обѣщавъ заѣхать къ нему, когда поѣдетъ въ Москву и Спб., въ началѣ декабря.

«Вь доказательство связей своихъ представилъ два собственноручныхъ письма В—скаго, которыя по двусмысленности своей довольно ясно доказываютъ непозволительныя ихъ связи, Шервудъ полагалъ во время вторичнаго своего свиданія съ В—скимъ, въ началѣ декабря, уговорить препоручить ему отвезть списокъ членовъ, если не пріѣдетъ Булгари.

«По полученіи сихъ извѣстій, по важности скорѣйшаго открытія столь ужаснаго зла, въ особенности въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, коими, вѣроятно, зломыслящіе желаютъ воспользоваться для распространенія онаго, приказалъ я полковнику Николаеву, если онъ въ томъ надѣется имѣть успѣхъ, отправиться съ Ш—ломъ или вслѣдъ за онымъ въ Курскъ, подъ видомъ отпуска и, притворясь вступить черезъ Ш—да въ ихъ общество, стараться выманить секреты В—скаго и лично удостовѣриться въ оныхъ. Буде же успѣхъ въ семъ, смотря по обстоятельствамъ, или арестовать В—скаго и бумаги его и сообщниковъ, буде есть таковые, или же меня заранѣе увѣдомить для принятія должныхъ мѣръ.

«Я получилъ рапортъ полковника Н—ва, что онъ отправился 26-го ноября въ Курскъ для исполненія сего.

«Въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій, получилъ я 1-го декабря съ прибывшимъ сюда, въ Таганрогъ, адъютантомъ г.-л. Рота, поручикомъ гусарскаго Оранскаго полка, графомъ Штейнбокомъ, отъ сего генерала рапортъ и письмо, писанное рукою начальника корпуснаго штаба, г.-м. кн. Горчакова, и при нихъ письмо Вятскаго пѣхотнаго полка капитана Майбороды на Высочайшее имя.

«Капитанъ Майборода говоритъ въ письмѣ семъ, что, подозрѣвая давно полкового своего командира, полковника Пестеля, въ незаконныхъ связяхъ къ нарушенію общаго спокойствія, дабы лучше о томъ узнать, поддавался притворно и тѣмъ открылъ, что въ Россіи существуетъ уже болѣе десяти лѣтъ и болѣе и болѣе увеличивается об-

щество либераловъ, корень котораго въ Россіи и въ нѣкоторыхъ принадлежащихъ мѣстахъ ему, Майбородѣ, извѣстенъ. Сіе общество даже знало предварительно, когда въ началѣ сего года посланъ былъ въ Харьковъ г.-м. Шеншинъ для захваченія бумагъ графа Булгари. Онъ проситъ послать довѣренную особу въ квартиры роты его, Липовецкаго повѣта, въ село Балабановку, которой откроетъ онъ, гдѣ сохраняются бумаги сего общества и приготовленные уже какіе-то законы подъ именемъ *Русской Правды*, сочиненіемъ коихъ занимаются г.-инт. *Юшневскій*, полковникъ *Пестель* и въ Спб. гвардейскаго генеральнаго штаба (капитанъ) Никита Муравьевъ (Я при семъ долженъ прибавить, что графъ Виттъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ подозрѣніе на инт. первой арміи *Пирогова*. Ш—дъ же и Май—да говорятъ про г.-инт. второй арміи Юшневскаго и не упоминаютъ о Пироговѣ).

«Въ томъ же письмѣ проситъ М—да представиться лично государю императору съ тѣмъ, чтобы препоручено было довѣренной особѣ привезть его сюда. Онъ считаетъ жизнь свою въ опасности и посему, не рѣшаяся окрыться своему высшему начальству, проситъ перевода изъ второй арміи, куда угодно будетъ. Въ случаѣ же, что теперь увидитъ себѣ опасность, намѣренъ спастись къ г.-л. Роту.

«Генералъ Ротъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ прибавляетъ, что Май—да, явясь къ нему въ Житомиръ, объявилъ ему еще лично при просьбѣ о доставленіи открытаго упомянутаго письма, что общество, о которомъ онъ говоритъ, было составлено подъ именемъ общества просвѣщенія, что впослѣдствіи многіе отъ него отклонились, между прочимъ, командиры полковъ: Украинскаго пѣхотнаго полка—полковникъ Бурцовъ и Казанскаго—полковникъ Аврамовъ, также квартирмейстерской части полковникъ Комаровъ, и что они вѣрно не отказались бы въ открытіи дальнѣйшихъ свѣдѣній, нынѣ при 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ и во временномъ отпуску) [1]). Сверхъ всего объявилъ Май—да, что денщикъ полковника Пестеля, Савенко, ему совершенно преданный [2]), знаетъ много подробностей, гдѣ важнѣйшія бумаги, кои хранятся частью въ двухъ зеленыхъ портфеляхъ. Май—да уѣхалъ обратно въ свой полкъ и надѣется, что скроетъ поѣздку свою въ Житомиръ».

Кромѣ того, Дибичъ добавлялъ, что «сіе зло распространено не только во второй арміи, но и по первой, особливо по 4-му резервному кавалерійскому корпусу. Что же касается до чиновъ гвардейскаго корпуса, замѣшанныхъ по показаніямъ, въ семъ докладѣ объясненнымъ, то обстоятельство сіе передано на благоусмотрѣніе В. И. В.»

---

[1]) Какъ наши читатели помнятъ показанія Комарова, донесеніе не ошиблось въ его способностяхъ. См. II вып. Биб. Дек.

[2]) По этому то Савенко въ крѣпости былъ закованъ въ кандалы.

Русскій инвалидъ.

(15 Іюля. № 167).

Высочайшій Манифестъ. Божіею Милостію Мы, Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Верховный уголовный судъ, манифестомъ 1-го іюня сего года составленный для сужденія государственныхъ преступниковъ, совершилъ ввѣренное ему дѣло. Приговоры его, на силѣ законовъ основанные, смягчивъ, сколько долгъ правосудія и государственная безопасность дозволяли, обращены нами къ надлежащему исполненію, и изданы во всеобщее извѣстіе.

Такимъ образомъ дѣло, которое Мы всегда считали дѣломъ всей Россіи, окончено; преступники воспріяли достойную ихъ казнь; отечество очищено отъ слѣдствій заразы, столько лѣтъ среди его таившейся.

Обращая послѣдній взоръ на сіи горестныя происшествія, обязанностію Себѣ вмѣняемъ: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ, тому ровно семь мѣяцевъ, среди мгновеннаго мятежа явилась предъ Нами тайна зла долголѣтняго, совершить послѣдній долгъ воспоминанія, какъ жертву очистительную за кровь русскую, за вѣру, Царя и отечество, на семъ самомъ мѣстѣ проліянную, и вмѣстѣ съ тѣмъ принести Всевышнему торжественную мольбу благодаренія. Мы зрѣли благотворную Его десницу, какъ она расторгала завѣсу, указала зло, помогла Намъ истребить его собственнымъ его оружіемъ,—туча мятежа взошла какъ бы для того, чтобы потушить умыселъ бунта.

Не въ свойствахъ, не во нравахъ русскихъ былъ сей умыселъ. Составленный горстію извергoвъ, онъ заразилъ ближайшее ихъ сообщество, сердца развратныя и мечтательность дерзновенную; но въ десять лѣтъ злонамѣренныхъ усилій не проникъ, не могъ проникнуть далѣе.—Сердце Россіи для него быдо и всегда будетъ неприступно. Не посрамится имя русское измѣною Престолу и Отечеству. Напротивъ, Мы видѣли при семъ случаѣ новые опыты приверженности; видѣли, какъ отцы не щадили преступныхъ дѣтей своихъ, родственники отвергали и приводили къ суду подозрѣваемыхъ; видѣли всѣ состоянія соединившимися въ одной мысли, въ одномъ желаніи: суда и казни преступникамъ.

Но усилія злонамѣренныхъ, хотя и въ тѣсныхъ предѣлахъ заключенныя, тѣмъ не менѣе были дѣятельны. Язва была глубока, и по самой сокровенности ея опасна. Мысль, что главнымъ ея предметомъ,

первою цѣлью умысловъ былъ жизнь *Александра Благословеннаго*, поражала вмѣстѣ ужасомъ, омерзѣніемъ и прискорбіемъ. Другія соображенія тревожили и утомляли вниманіе: надлежало въ самыхъ необходимыхъ изысканіяхъ, по крайней возможности, щадить, не коснуться, не оскорбить напраснымъ подозрѣніемъ невинность. Тотъ же Промыселъ, коему благоугодно было при самомъ началѣ царствованія Нашего, среди безчисленныхъ заботъ и попеченій, поставить насъ на семъ пути скорбномъ и многотрудномъ, далъ Намъ крѣпость и силу совершить его. Слѣдственная комиссія въ теченіе пяти мѣсяцевъ неусыпныхъ трудовъ, дѣятельностію, разборчивостію, безпристрастіемъ, мѣрами кроткаго убѣжденія, привела самыхъ ожесточенныхъ къ смягченію, возбудила ихъ совѣсть, обратила къ добровольному и чистосердечному признанію. Верховный уголовный судъ, объявъ дѣло во всемъ пространствѣ государственной его важности, отличивъ со тщаніемъ всѣ его виды и постепенности, положилъ оному конецъ законный.

Такъ, единодушнымъ соединеніемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, въ теченіе краткаго времени укрощено зло, въ другихъ нравахъ долго неукротимое. Горестныя происшествія, смутившія покой Россіи, миновались навсегда и невозвратно. Въ сокровенныхъ путяхъ Провидѣнія, изъ среды зла, изводящаго добро, самыя сіи происшествія могутъ споспѣшествовать во благое.

Да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей. Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ,—недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ.

Дворянство, ограда Престола и чести народной, да станетъ и на семъ поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, примѣромъ всѣмъ другимъ состояніямъ. Всякій его подвигъ къ усовершенію отечественнаго, природнаго, не чужеземнаго воспитанія Мы пріимемъ съ признательностію и удовольствіемъ. Для него отверзты въ отечествѣ Нашемъ всѣ пути чести и заслугъ. Правый судъ, воинскія силы, разныя части внутренняго управленія, все требуетъ, все зависитъ отъ ревностныхъ и знающихъ исполнителей.

Всѣ состоянія да соединятся въ довѣріи къ правительству. Въ государствѣ, гдѣ любовь къ Монархамъ и преданность къ Престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа, гдѣ есть отечественные законы и твердость въ управленіи, тщетны и безумны всегда будутъ всѣ усилія злонамѣренныхъ; они могутъ таиться въ мракѣ, но при

первомъ появленіи отверженныя общимъ негодованіемъ, они сокрушатся силою закона. Въ семъ положеніи государственнаго состава каждый можетъ быть увѣренъ въ непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящаго, и спокойный въ настоящемъ можетъ прозирать съ надеждою въ будущее. Не отъ дерзностныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія, всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ Намъ путемъ, для всѣхъ отверзтымъ, всегда будутъ приняты Нами съ благоволеніемъ: ибо Мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видитъ отечество Наше на самой высшей степени счастія и славы, Привидѣніемъ ему предопредѣленной.

Наконецъ, среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ Мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла, сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, Мы вмѣняемъ Себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что въ глазахъ Нашихъ союзъ родства предаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки, или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому-либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій, и болѣе еще претитъ законъ христіанскій.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Въ Царскомъ Селѣ. 13-го Іюля 1826 г.

НИКОЛАЙ.

Православный Катехизисъ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Вопросъ. Для чего Богъ создалъ человѣка?

Отвѣтъ. Для того, чтобы онъ въ Него вѣровалъ, былъ свободенъ и щастливъ.

Вопросъ. Что значитъ вѣровать въ Бога?

Отвѣтъ. Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, сошедши на землю для спасенія насъ, оставилъ намъ святое свое Евангеліе. Вѣровать въ Бога значитъ слѣдовать во всемъ истинному смыслу начертанныхъ въ немъ заповѣдей.

Вопросъ. Что значитъ быть свободнымъ и щастливымъ?

Отвѣтъ. Безъ свободы нѣтъ щчастія. Святый Апостолъ Павелъ говоритъ: цѣною крови куплены есте, не будете рабы человѣкамъ.

Вопросъ. Для чего же русскій народъ и русское воинство нещастно?

Отвѣтъ. Отъ того, что цари похитили у нихъ свободу.

Вопросъ. Стало быть, цари поступаютъ вопреки воли Божіей?

Отвѣтъ. Да, конечно, Богъ нашъ рекъ: Болій въ васъ да будетъ вамъ слуга, а цари тиранятъ только народъ.

Вопросъ. Должны ли повиноваться царямъ, когда они поступаютъ вопреки воли Божіей?

Отвѣтъ. Нѣтъ! Христосъ сказалъ: не можете Богу работати и Мамонѣ; отъ того-то русскій народъ и русское воинство страдаютъ, что покоряются царямъ.

Вопросъ. Что-жъ святый законъ нашъ повелѣваетъ дѣлать русскому народу и воинству?

Отвѣтъ. Раскаяться въ долгомъ раболепствіи, и, ополчать противъ тиранства и нещастія, покляться: да будетъ всѣмъ единъ Царь на небеси и на земли—Іисусъ Христосъ.

Вопросъ. Что можетъ удержать отъ исполненія святого сего подвига?

Отвѣтъ. Ни что! Тѣ, кои воспротивятся святому подвигу сему, суть предатали, богоотступники, продавшіе души свои нечестію, и горе имъ, лицемѣрамъ, яко страшное наказаніе Божіе постигнетъ ихъ на семъ свѣтѣ и на томъ.

Вопросъ. Какимъ же образомъ ополчиться всѣмъ чистымъ сердцемъ?

Отвѣтъ. Взять оружіе и слѣдовать за глаголющимъ во имя Господне, помня слова Спасителя нашего: Блажени алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣ насытятся, и, низложивъ неправду и нечестіе тиранства, возстановить правленіе, сходное съ закономъ Божіимъ.

Вопросъ. Какое правленіе сходно съ закономъ Божіимъ?

Отвѣтъ. Такое, гдѣ нѣтъ царей. Богъ создалъ всѣхъ насъ равными и, сошедши на землю, избралъ Апостоловъ изъ простого народа, а не изъ знатныхъ и царей.

Вопросъ. Стало быть, Богъ не любитъ царей?

Отвѣтъ. Нѣтъ! Они прокляты суть отъ Него, яко притѣснители народа, а Богъ есть человѣколюбецъ. Да прочтетъ каждый желающій знать судъ Божій о царяхъ, книги Царствъ главу 8-ю: собрашася мужи израилевы и придоша къ Самуилу и рекоша ему: нынѣ постави надъ нами царя, да судитъ ны; и бысть лукавъ глаголъ сей предъ очима Самуиловыма, и помолися Самуилъ ко Господу, и рече Господь Самуилу: послушай нынѣ гласа людей, якоже глаголятъ тебѣ,

яко ни тебѣ уничтожиша, но Мене уничтожиша, яже не царствовати Ми надъ ними, но возвѣстиши имъ правду Цареву. И рече Самуилъ вся словеса Господня къ людямъ, просящимъ отъ него царя, и глагола имъ: сіе будетъ правда царева: сыны ваша возметъ и дщери ваша возметъ и земли ваша одесятствуетъ, и вы будете ему раби и возопіете въ день онъ отъ лица Царя вашего, егоже избрасте себѣ и не услышитъ васъ Господь въ день онъ, яко вы сами избрасте себѣ Царя... и такъ избраніе Царей противно волѣ Божіей, яко единъ нашъ Царь долженъ быть Іисусъ Христосъ.

Вопросъ. Стало, и присяга царямъ богопротивна?

Отвѣтъ. Да, богопротивна. Цари предписываютъ принужденныя присяги народу для губленія его, не призывая въ суе имени Господня; Господь же нашъ и Спаситель Іисусъ Христосъ изрекъ: азъ же глаголю вамъ, не клянитеся всяко, и такъ всякая присяга человѣку противна Богу, яко надлежащей (sic) Ему единому.

Вопросъ. Отъ чего упоминаютъ о царяхъ въ церквахъ?

Отвѣтъ. Отъ нечестиваго приказанія ихъ самихъ, для обмана народа, и ежечаснымъ повтореніемъ царскихъ именъ оскверняютъ они службу Божію вопреки Спасителя велѣнія: молящіе не меньше глаголятъ, якоже язычники.

Вопросъ. Что же, наконецъ, подобаетъ дѣлать христолюбивому Россійскому воинству?

Отвѣтъ. Для освобожденія страждующихъ семействъ своихъ и родины своей и для исполненія святаго закона христіанскаго, помолясь теплою надеждою Богу, побораюшему по правдѣ и видимо покровительствующему уповающимъ твердо на него, ополчиться всѣмъ вмѣстѣ противъ тиранства и возстановить вѣру и свободу въ Россіи.

А кто отстанетъ, тотъ, яко Іуда предатель, будетъ анафема проклятъ. Аминь.

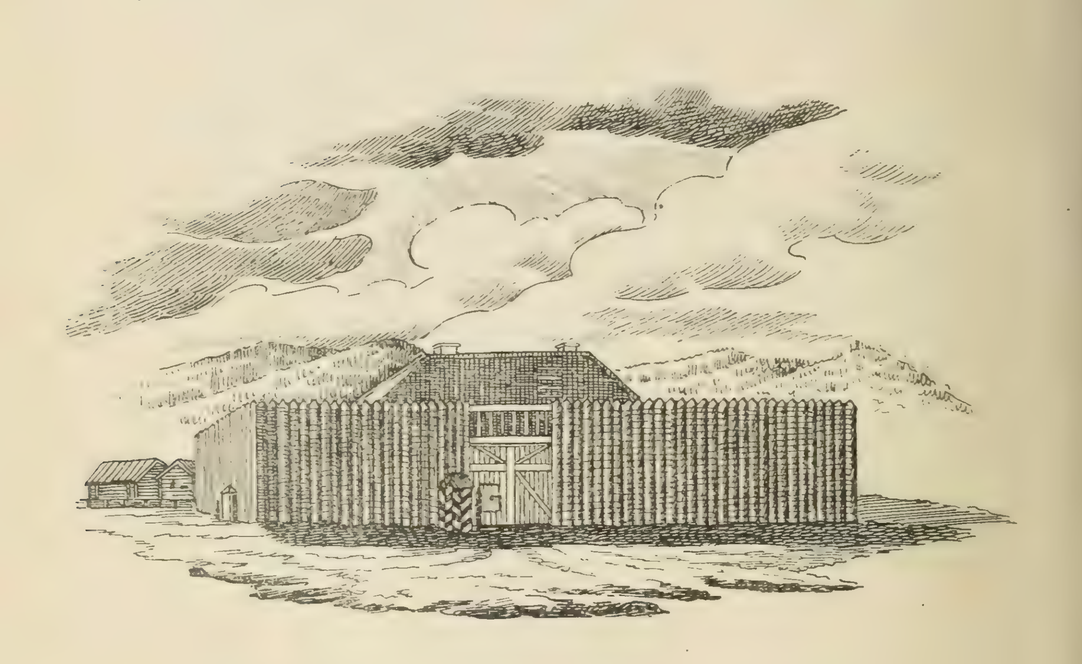
Воззваніе.

Богъ умилосердился надъ Россіею, пославъ смерть тирану нашему Христосъ рекъ: не будьте рабами человѣковъ, яко искуплены кровью моею. Міръ не внялъ святому повелѣнію сему и палъ въ бѣздну бѣдствій. Но страданья наши тронули Всевышняго. Днесь Онъ посылаетъ намъ свободу и спасенія. Братья! раскаемся въ долгомъ раболѣпствіи нашемъ и поклянемся: да будетъ намъ единъ царь на небеси и на земли Іисусъ Христосъ.

Всѣ бѣдствія русскаго народа проистекали отъ самовластнаго правленія. Оно рушилось. Смертію тирана Богъ ознаменовываетъ волю свою, дабы мы сбросили съ себя узы рабства, противныя закону

Христіанскому. Отъ нынѣ Россія свободна. Но какъ истинные сыны церкви, не покусимся ни на какія злодѣянія, и безъ распрей междуусобныхъ, установимъ правленіе народное, основанное на законѣ Божіемъ, гласящемъ: да первый изъ васъ послужитъ вамъ.

Россійское воинство грядетъ возстановить правленіе народное, основанное на святомъ законѣ. Никакихъ злодѣйствъ учинено не будетъ.—И такъ, да благочестивый народъ нашъ пребудетъ въ мирѣ и спокойствіи, и умоляетъ Всевышняго о скорѣйшемъ свершеніи святаго дѣла нашего. Служители алтарей, донынѣ оставленные въ нищетѣ и презрѣніи злочестивымъ тираномъ нашимъ, молятъ Бога о насъ, возстановляющихъ во всемъ блескѣ храмы Господни [1]).

---

[1]) (Изъ дѣла № 474 Катехизисъ и воззваніе Муравьева-Апостола) За границею напечатанъ Шиманомъ, въ Россіи — проф. Бороздинымъ. Спб. 1906 г. Изд. Пирожкова.

Оглавленіе.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.